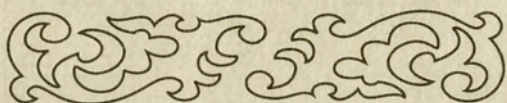

АБАЙ

ПУШКИН

*ПРЕЗИДЕНТ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Н.А. НАЗАРБАЕВ
И ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В.В. ПУТИН
2006 ГОД ОБЪЯВИЛИ
ГОДОМ ПУШКИНА
В КАЗАХСТАНЕ
И ГОДОМ АБАЯ
В РОССИИ*

1841
KUNMING
KASANKO
KUNMING

Открытие памятника Абаю
в Москве

БЕСКОНЕЧНО СЛОЖНО
СКАЗАТЬ ЧТО-ТО НОВОЕ
ОБ АБАЕ И ПУШКИНЕ.
НО, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ,
ПИСАТЕЛИ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ,
КРИТИКИ
С ПРИСТРАСТИЕМ
ИЗУЧАЮТ ТВОРЧЕСТВО
ДВУХ ГЕНИЕВ.
ПРОДОЛЖАЕМ ПОСТИГАТЬ
ЭТУ ВЕЧНУЮ МУДРОСТЬ
И МЫ

Сегодня состоялось знаменательное событие – в центре Москвы открывается памятник Абаю – великому казаху, мыслителю, поэту, имя которого с трепетом и сегодня, как и сто лет назад, произносят все казахстанцы. Наверное, сегодня на постсоветском пространстве все знают: нет ближе и роднее стран, чем Россия и Казахстан, нет более близкого сотрудничества, чем между нашими странами.

Великому русскому поэту Пушкину во многих городах были открыты памятники, его именем названы школы, библиотеки, улицы.

Благодаря переводам Абая его современники познакомились с поэзией Пушкина и Лермонтова, с произведениями других поэтов России.

И я убежден, что памятник Абаю в Москве станет одним из главных символов вечной и нерушимой дружбы Казахстана и России.

Н.А.НАЗАРБАЕВ
Президент Казахстана

*Из выступления на церемонии
открытия памятника
Абаю Кунанбаеву*

4 апреля 2006 года
Москва, Чистые пруды

Мы сегодня открываем памятник выдающемуся поэту и мыслителю Абаю Кунанбаеву. Это знаковое событие в отношениях между Казахстаном и Россией. Он перевел на казахский язык свыше пятидесяти произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова. Это был тот человек, который постоянно говорил о взаимопроникновении двух культур.

Абай, без всяких сомнений, человек, который внес огромный вклад в становление духовного взаимодействия между казахским и русским народами.

Мы сегодня будем говорить об открытии Года Абая в России и Года Пушкина в Казахстане. Это еще один серьезный, очень добрый шаг навстречу друг другу.

В.В.ПУТИН
Президент России

*Из выступления на церемонии
открытия памятника
Абаю Кунанбаеву*

4 апреля 2006 года
Москва, Чистые пруды

ПУШКИН

АБАЙ

АБАЙ ПУШКИН

2013 - 2014

054986/2

ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛЫҚ ЖҮЙЕ

Астана – Москва

2006

Составитель
Сауле Мансурова

А13 Абай Пушкин. М.: ИПЦ «Русский раритет», 2006. – 312 с.

Настоящий сборник издается в знаменательное время, когда главы государств Н.А.Назарбаев и В.В.Путин 2006 год объявили Годом Пушкина в Казахстане и Годом Абая в России. И мы имеем замечательную возможность еще раз прикоснуться к гениальным творениям Абая и Пушкина.

ISBN 5-7034-0192-5 © Мансурова С.А., составление, 2006
© ИПЦ «Русский раритет», оформление, 2006

РОЖДЕННЫЕ
ДЛЯ
ВДОХНОВЕНЬЯ

У

в всех народов есть личности, ставшие подлинным символом национальной души. Таков Абай у казахов, Пушкин – у русских. Бесконечно сложно сказать что-то новое об Абая и Пушкине. Но, тем не менее, писатели, литературоведы, критики с пристрастием изучают творчество двух гениев. Продолжаем постигать эту вечную мудрость и мы... Сегодня их имена неразделимы. Случайно ли это? Что связывает людей, живших на земле в разные годы и по той естественной причине не имевших возможности общаться лично?

«Пушкин нашел в Абая первый доступ к казахскому читателю. Отдельные отрывки из «Евгения Онегина» в форме писем Татьяны в вольном переводе Абая с некоторыми прибавлениями переводчика были поистине потрясающими явлениями на казахской почве и вскоре стали самыми популярными и любимыми песнями казахской степи. Казахские читатели в этих отрывках и незначительном количестве стихотворений видели богатство чувств и светлое жизнеутверждающее начало творчества гениального поэта, – сформировал мысль Мухамеджан Каратаев. – Народность Пушкина была

причиной его необычного успеха в казахском народе. Она же была причиной глубокой любви Абая к Пушкину».

Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев и Президент Российской Федерации В.В.Путин 2006 год объявили Годом Пушкина в Казахстане, а в России – Годом Абая. В честь этого события в центре Москвы установлен памятник Абаю, дар Президента Н.А.Назарбаева. На открытии монумента Нурсултан Абишевич обратился к москвичам и гостям столицы с такими словами: «Сегодня на постсоветском пространстве все знают: нет ближе и роднее стран, чем Россия и Казахстан, нет более близкого сотрудничества, чем между нашими странами. Великий Абай первым перевел на казахский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Байрона, других европейских представителей культуры и искусства. Ему принадлежат слова: «Нужно учиться русской грамоте – духовное богатство, знание и искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык». Так скажите, пожалуйста, где же еще быть памятнику Абаю, как не в Москве?»

О духовном взаимодействии между казахским и русским народами говорил и Владимир Владимирович Путин. Поздравляя участников митинга с открытием года под знаками Абая и Пушкина Президент России особо отметил, что это еще один серьезный и очень добрый шаг навстречу друг другу.

Абай жил и творил в исторически переломное время для казахского народа. И как выра-

зился Мухтар Ауэзов, автор широко известного романа «Путь Абая»: «Он нес яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет солнце».

Десятилетний Абай, когда отец отдал его в медресе в Семипалатинске, уже отлично знал устную поэзию казахов. Здесь он изучал арабский и персидский языки, знакомился с классической восточной поэзией. Здесь же Абай стал посещать и русскую школу, писать стихи. Но талант его по настоящему расправил свои крылья только в зрелые годы. Лишь после 30 лет Абай по настоящему занялся творчеством.

Трудно переоценить заслугу Александра Сергеевича Пушкина перед своей родиной, Россией – это подлинно гражданский подвиг. Н. Чернышевский писал: «Пушкина каждый русский читатель сам любил и уважал в глубине своего сердца, и каждый знал, за что его уважает – за то, что Пушкин – великий поэт; и тут каждый понял то, чего не понимал прежде – понял, что великий поэт и вообще великий писатель есть человек, оказывающий большую услугу, делающий много добра своей родине, понял, что литература есть дело очень важное, полезное, заслуживающее величайшего уважения».

Этот пламенный патриот создал произведения буквально всех литературных жанров, которые охватывают и небольшой временной период его собственной жизни, и многовековую историю русского и других народов России. Пушкин не просто мечтал о братстве народов – он своим стихом пробуждал все доб-

рое в человеке, подкреплял извечное стремление к свободе, форсировал демократические процессы в обществе.

Поэт предрекал: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык...» Уже при жизни пророчество начало сбываться. А в наши дни творчество поэта интересно и популярно на всех континентах планеты.

Любопытно обратиться к первому варианту стихотворения «Памятник», которое известно каждому со школьных лет. Первоначально одна из строф звучала так:

«Слух обо мне дойдет во все концы России.
Узнает всяк живущий в ней язык:
Могущий внук славян и финн,
Грузинец, ныне дикой
Черкес, киргизец и калмык».

Впоследствии Пушкин внес поправки; стихотворение было опубликовано в следующей редакции:

«...И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык».

Пушкиноведа делают логичный вывод, что поэт «не хотел отнести грузин и казахов к числу народов, которые признают его после других».

Достоверно известно, что во время короткого пребывания на казахской земле в 1833 году,

когда Пушкин, собирая материалы для «Истории Пугачева» заезжал в Уральск, его встречали как известную личность. Ему же самому пришлось по душе казахские степи. То ли факты, то ли вымысел легли в основу не подтвержденной версии, что у Пушкина состоялось знакомство с казахским поэтом трагической судьбы Махамбетом Утемисовым. Но и без того поездка в Оренбург и Уральск отозвалась в его творчестве. Часть собранных материалов вошла в «Историю Пугачева», а также в повесть «Капитанская дочка». Но интерес к культуре казахов Пушкин проявил еще раньше, когда читал заметки А.Левшина о киргиз-кайсаках и публиковал эти исследования в своей «Литературной газете».

В Семипалатинске Абай подружился с русскими ссыльными и через них познакомился с образцами русской литературы: с произведениями Пушкина, Лермонтова, Крылова, Толстого и других. В русских переводах читал он и мировую классику – Гёте и Байрона, Сократа, Аристотеля, Платона.

Абай не только сам проникся творчеством Пушкина – ему пришла великолепная идея, как разделить с народом удовольствие от чтения высокой литературы.

От «Евгения Онегина», он был в полном восторге. Абай взялся за перевод, и сделал это своеобразно: решил стихи Пушкина передать через мелодику. «Мысль, как птица, стремится ввысь, – говорил он, и тень ее – мелодия». «Песня Татьяны», переведенная Абаем и положен-

ная им на музыку переходила из одной юрты в другую, из аула в аул, была понятна любому степному казаху, всему народу. Светлое, чистое, сильное и прекрасное чувство переданное поэтом, нашло отзыв в сердцах казахов. Так песня стала главным помощником Абая в распространении культуры среди своих соотечественников. «Гениальность Абая в том и проявляется, что историческое общее понятие очень точно попадает в цель при создании образа Татьяны. Вероятно, такое возможно не только благодаря блестящему уму, но и природной интуиции. Постичь подобное явление, осмыслить его – это уже проблема для других», делает заключение академик Гарифолла Есим.

Абай выделил темы: «Портрет Онегина», «Письмо Татьяны к Онегину», «Ответ Онегина», «Слово Онегина», «Письмо Онегина к Татьяне», «Слово Татьяны», «Из монолога Ленского». Завершает цикл «Предсмертное слово Онегина». Как известно, такой части у Пушкина нет. Его роман завершается для русского читателя интригой, предложением самому домыслить «чем дело успокоилось». И вот Абай, видимо рассуждая, что произведению необходима логическая развязка, в буквальном смысле сочинил собственную версию.

Имя Абая навсегда связано с именем Пушкина, однако не следует воспринимать его лишь переводчиком. Исследователи творчества Пушкина нередко пишут, что его стихи было трудно переводить на другие языки. В свою очередь те, кто посвятил себя изучению творче-

ства Абая, отмечают, что трудно переводить произведения этого поэта...

В год 160-летия великого казахского поэта и мыслителя (2005) был издан сборник «Двадцать стихотворений Абая». Считаю, что, составителем удалось верно определить проблему: «Стихи в подлиннике – мгновение переживаемых чувств, мыслей и звуков, рождающее единственным словом образ, который почти невозможно перенести на другой язык. Поэты-переводчики в большинстве своем работают с бескровными скелетами подстрочников, и, чтобы вдохнуть в них жизнь, нужен огромный талант. Поэтому и остается незнакомой русскоязычному читателю лучшая казахская поэзия».

В свою очередь Герольд Бельгер комментирует: «Образы Абая пронизаны национальным мироощущением. Их бессмысленно воссоздавать буквально, их можно только транспонировать, трансформировать в другой языковой лад, в иную плоскость восприятия, в иную сферу представления».

Общение с русской культурой определило социальную позицию самого Абая. Он решил для себя, что должен стать писателем. Установку на то, какова на земле роль поэта задал ему опять же Пушкин. Отдельный цикл Абай посвящает значению поэзии в общественной жизни.

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумкою наполняю стих,
Для чутких слухом, сердцем и душой –
Для молодых я свой рождаю стих.

Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я слагаю стих.

Сравним позицию Пушкина в размышлениях о независимости творчества:

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

Как Пушкин, так и Абай видели цель своей деятельности в неразрывной связи с народом, в беззаветном служении его интересам. Если Пушкин признавал, что «Неподкупный голос мой был – эхо русского народа». То и Абай с гордостью заявлял: «Народу отдал я любовь». Эти слова, соответственно, можно поставить эпиграфами ко всему творчеству поэтов.

И Пушкин, и Абай признаны мировой культурной общественностью. По решению Секретариата ЮНЕСКО 1995 и 1999 годы прошли под знаком этих поэтов. Но здесь же следует сказать, что осмысление значимости Пушкина и Абая в полной мере не завершено.

Человеку цивилизованному необходимо чрезвычайно хорошо знать языки подлинников, чтобы делать окончательную оценку, до какого времени Абай находился только под влиянием Пушкина, но не проявил свою самобытность. Сам же он, на пороге вступления в литературу, скромно записал (и это сохранилось для потом-

ков): «...буду развлекаться бумагой и чернилами, буду писать подряд все, что вздумается. Если найдется человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и сделает его делом, если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами...

Так я решил, на этом остановился, и теперь нет у меня иного занятия кроме этого писания».

Изучающий наследие Абая должен знать, что он закрепил в казахской литературе новую высоту. Новатор стиха, он придал поэзии свежее звучание. Если до него в казахской поэзии знали только две-три формы стиха, то Абай ввел и навсегда утвердил больше десяти стихотворных форм. Он определил:

Поэзия – властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речей.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу,
Такая песня миру не нужна –
Невежды голос люб дурному слуху...

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

Как Пушкин для России, так Абай для Сте-
ши был первым народным университетом. На-

роду были очень нужны его слова. Тематика, содержание, выразительность стихотворений Абая были созвучны сердцу даже самого простого человека. За утверждение жизни, за оптимизм, за веру в торжество справедливости, за бескорыстное служение своему народу – за все это казахи признали его выразителем своей души. Его песни, философский трактат «Назидания» многие знают наизусть. И это в какой то мере помогло сохранить его произведения, ибо первые стихи были опубликованы только 1889–1890 годах на страницах «Дала Уалаяты» («Степная газета»), издававшейся в Омске. А первый сборник стихов поэта вышел лишь через пять лет после его смерти, в 1909 году, в Санкт-Петербурге».

Абай, как и Пушкин, глубоко понимал трагедию человека, обогнавшего свой век, ибо опередивший время всегда рискует оказаться в одиночестве. Он признается в своих стихах:

Велика семья,
Широка родня, –
Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я,
И живу среди людей один.

Как могила шамана, я
Одинок – вот правда моя!

Столь же убийственную одинокость, чувство отброшенности мы находим в некоторых

стихах и письмах А.Пушкина. Особенно в ссылке, когда ему запрещен въезд в Москву и Петербург, поэт с чувством глубокого одиночества пишет письма верным друзьям.

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил...

Так он обращается к И.И.Пушину, встречая товарища по месту своей ссылки.

Разность в этих стихах лишь в том, что Абай глубоко философски относится к теме одиночества. Он одинок тем, что далеко вперед шагнул в своем интеллектуальном развитии. И это опережение времени он переживает со скорбной душевной болью за убогость и нежелание своего народа овладеть знаниями и науками. Ясно понимая это, воспринимая с болью, Абай выдвигает идеи просветительства. В одном из слов «Назиданий» он пишет, что тому человеку, который задумал править этим народом, нужно иметь две вещи: безграничную власть и несметные богатства, чтобы быть независимым от подвластных. Как видим, Абай стремится найти любые пути для просвещения народа. С этими намерениями он становится волостным управителем, чтобы таким путем обуздать дикий нрав подчиненных. И это кончается крахом: избиением Абая противоположной стороной.

0 5 4 9 8 6

17

Это ли ни аналогия Пушкинской трагедии? В 1851 году В.Жуковский в Баден-Бадене открылся Александру Александровичу Пушкину, сыну поэта, что в смерти Пушкина повинен не только шеф жандармов, но и распорядитель судеб России – государь. Поэт убит, убит человеком без чести, и дуэль произошла вопреки правилам – подло... Абаю была чужда национальная ограниченность, он воспевал идею братства всех народов. Великий мыслитель писал в «Назиданиях»: «Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным... Надеяться на то, что проживешь только хитростью, значит быть жертвой невежества... Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче...»

Передовые люди наших стран в XIX–XX веках соединили в своем сознании наследие Абая и Пушкина. И мы, граждане братских государств – Казахстана и России, будем еще ближе, если творения двух гениев не будут замкнуты под обложками книг, если еще с большим желанием потянемся мы изучать их замечательную поэзию и бессмертное творческое наследие.

Сауле Мансурова

А.С.ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Роман в стихах

(Фрагменты)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Өлең түрінде жазылған
романнан үзінділер

АБАЙДЫҢ АУДАРМАСЫ

А.С.Пушкин

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Роман в стихах

(Фрагменты)

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант,
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпитафии разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*¹,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не пужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

¹ будь здоров (*лат.*).

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!

Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубеждения
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!

Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ
К ОНЕГИНУ

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но говорят, вы нелюдим;

В глуши, в деревне всё вам скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Но жизнь моя была залогом
Счастья верного с тобой;
Чуждо, ты мне послан богом,
Богроба ты хранитель мой...
То в свиденьях мне являлся,
То призыв, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В твоем голосе раздавался
Тошнотливый, это был не сон!
То как вощец, я вмиг узнала,
То как обожала, запылала
То в стужу молвила: вот он!
То в жары ли? я тебя слыхала:

Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...

Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XII

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел
Души доверчивой признанья,
Любви невинной излиянья;
Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за нее вам отплачу
Признаньем также без искусства;
Примите исповедь мою:
С себя на суд вам отдаю.

XIII

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То верно б, кроме вас одной,

Невесты не искал иной.
Скажу без блессток мадригальных:
Нашел мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!

XIV

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.

XV

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена

Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу, однако ж, проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

XVI

«Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною.
Так, видно, небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет».

ПИСЬМО ОНЕГИНА
К ТАТЬЯНЕ

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать

Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной –
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать – и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени,
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

XLII

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...
О чем теперь ее мечтанье?
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.
Не правда ль? Вам была не новость

Смиренной девочки любовь?
И нынче – боже! – стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV

Тогда – не правда ли? – в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

XLV

Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,

То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было власти,
Я предпочла б обидной страсти
И этим письмам и слезам.
К моим младенческим мечтам
Тогда имели вы хоть жалость,
Хоть уважение к летам...
А нынче! – что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

XLVI

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

«А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость, и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Өлең түрінде жазылған
романнан үзінділер

Абайдың аудармасы

Ж

ОНЕГИННИҢ
СИПАТЫ

асынан түсін билеп,
сыр бермеген,
Дәмеленсе, күндесе, білдірмеген.
Нанасың не айтса да, амалың жоқ,
Түсінде бір кәдік жоқ «алдар» деген.

Кейде паң, кейде көңгіш орныменен,
Кейде елеусіз, кейде ынтық, формыменен,
Кейде үндемей жүрсе де сөзге баяу,
От жалындай жауапкер құрбыменен.

Ғашықтық сөзге жүйрік әсіресе,
«Дем алысым, құмарым – бір сен» десе.
Жанын құрбан жолына қылған жансып,
Көз қарауы құбылар әлденеше.
Кейде ұялшақ, төменшік, кейде тіп-тік,
Қамыққансып, қайғырып, орны келсе.

Жап-жаңа кісі болып түк білмеген,
Қылжыңын білдіртпейді «қалай» деген.

Жаның шошыр, өрлігі жаннан бөлек,
Кісіге балдан тәтті орны келген.

Биттей бойы босаса, сезер сонда,
Жастық жеңіп, көңілді шайқағанда.
Фашық құмар, ақылмен бойыңды алып,
Жылы жауап есітер не қылсаң да.

Емінер, «әй» дегізер, дайын қылар,
Жүрегің қалай соқса, пайым қылар.
Жылы ізін суытпас, дамыл көрмес,
Бір оңаша жолығар жер айтқызар.
Ел аулақта оңаша қолына алып,
Көңіліндегі сабағын айтып тынар.

Жасынан көрсе оны ақылы сасқан
Не сүркія жандарың жұрттан асқан.
Женуге, қор қылуға тағы да ұста,
Өзіне күндес шықса, жол таласқан.
Ажуаға, қорлауға тілі орамды,
Не түрлі тұзақ құрып көңлін басқан.

ТАТЬЯНАНЫҢ
ОНЕГИНГЕ
ЖАЗҒАН ХАТЫ

Амал жоқ – қайттім білдірмей,
Япырмау, қайтіп айтамын?
Қоймады дертің күйдірмей,
Не салсаң да тартамын.

Талайсыз, бақсыз мен сорлы
Еріксіз аттап ұяттан,
Қорлыққа көндім бұл құрлы,
Байқалар халім бұл хаттан.

Әлімше мен де ұялып,
Білдірмен дедім өлсем де,
Шыдар ем күйіп мен жанып,
Айында бірер көрсем де.

Болмады көріп қалуға,
Есітіп біраз сөзіңді.
Шыдар ем бір ай жатуға
Ұзақ түн жұмбай көзімді.

Қызықтан қашып бұл жерге
Көңіліңіз суып келіпсіз.
Мәнісін сұрап білуге
Тілдесе алмаймын еріксіз.

Келмесең егер сен бізге,
Сау болмас па ем, әлбетте.
Болмасам ашына мен сізге,
Түспес ем мұндай бейнетке.

Асау жүрек қайнамай,
Жуасыр ма еді кезінде?
Елден бір жақсы сайламай,
Бармас па ем ерге өзім де?

Өзгеге ешбір дүниеден
Еркімен тимес бұл жүрек.

Әзелде тағдыр иеден,
Қожам – сенсің, не керек.

Тіршілігім – құрбандық,
Шыдамай сені көргенше.
Тәңірімнен келген бұл жарлық,
Ием – сенсің өлгенше.

Әуелде кірдің түсіме,
Ортақтасып өміріме.
Толғау салып ішіме,
Сол күнде-ақ жақтың көңліме.

Құдайдан болғай деп емі,
Құдайыны мол бердім.
Көрген жерде-ақ мен сені,
«Осы екен ғой – сол» – дедім.

Жатқан сайын ұйқыға
Дұға оқушы ем, шошынып.
Ұнатып мені құлқыңа,
Жүруші едің қосылып.

Түсімде мені жұбатып,
Жылы сөзбен сөйлесіп,
Кетуші едің қуантып,
Қалушы еді көңіл өсіп.

Шыныңды айт, кімсің тербеткен –
Иембісің сақтаушы?
Әлде азғырып әуре еткен
Жаумысың теуіп таптаушы?

Шеш көңлімнің жұмбағың,
Әлде бәрі – алданыс.
Жас жүрек жайып саусағын
Талпынған шығар айға алыс.

Не болса да, өзімді
Тапсырдым сізге налынып.
Толтырып жасқа көзімді,
Есірке деймін жалынып.

Бұл жерде ешкім сырымды
Білмейді, айтып не етейін?
Жақтырмай бұзсаң нұрымды,
Білдірмей күйіп өтейін.

Күтемін сізден қайта хат,
Қуандырып дертім жаз.
Ол болмаса, шыныңды айт,
Кінә өзімде, өзіме аз.

Өз хатыма өз көзім
Ұялып, қорқып баға алмас.
Кепілім менің – бір өзің,
Бөтен жан тетік таба алмас.

ОНЕГИННИҢ
ТАТЬЯНАҒА
ЖАУАБЫ

Таңғажайып бұл қалай хат,
Мағынасы – алыс, өзі жас.

Сөзі орамды, әр түрі жат,
Және әдепті, және рас.

Жас жүректің толқынын дөп
Жаза алыпсың толтырып.
Бойды жеңіп бұл асыл леп,
Тұрды титық көп құрып.

Тіл буынсыз, бой – таза гүл,
Ақылы артық, ары зор,
Ол – перизат, ойла, өзің біл,
Не болады болса қор?

Ішім өлген, құр денем сау,
Босқа үрейім жүр менің.
Жарамайды бекер алдау,
Теңің емес мен сенің.

Бенде көрген бар қызықтың
Бәрін ішкен сұм жүрек.
Айныған соң, сен жолықтың,
Айтып-айтпай не керек!

Тәтті дүние көңілімнен
Кетті менің, нан маған.
Енді бізге бір өлімнен
Басқа түк жоқ арнаған.

Мен жаралы жолбарыспын,
Жұрттың атқан оғы өтіп,
Сен есірке, сорлы жаспын,
Шын сөзіме рақым етіп.

Бала сүйер, жар сүйерден
Түк неме жоқ, түр денем.
Сен – тоты құс бақта жүрген,
Қай жеріммен пар келем.

Ерге барған ер танымай,
Ер қызығын кім көрер.
Шығарына жол таба алмай,
Қайғыменен босқа өлер.

Айнығыш ер тартса салқын,
Бал сұрасаң, береді у.
Қазымырлап сөздің артын...
Қасиеттен бетті жу.

Мен – сынық жан, жамағанмен
Түзеле алман түрленіп.
Теңің емес, біл, саған мен,
Не қыласың кірленіп?

Әйел өлмес соқпа дерттен,
Сауыға алмас сынған ер.
Мен – көмірмін қалған өрттен,
Енді рұқсат бізге бер.

Сенің өмірің гүлденіп тұр,
Есігін тап, көр қызық!
Менің өмірім – бір суық сұр,
Күзгі күндей тұр бұзық.

Бiрге туған мен ағаңнан,
Шын досыңмын, кем емес.
Соққы жедiм сұм заманнан,
Бiр жылы сөз ем емес.

Арман етпе, жас күнiң көп,
Игiлiк көр, ерге бар!
Бұл заманның қашқыны деп,
Мен ғарыпты есiңе ал.

Менде паңдық, жат мiнезден
Дәнсеме жоқ, жаркыным.
Осы жазған барша сөзден,
Байқалынар бар шыным.

Басы қатты, сұм жүрегiн
Тоқтата алмай кеттi де.
Сорға бiткен көкiрегiн
Сендiре алмай өттi де.

Бар денемнiң бәрi – бiр мұз,
Қайрылуға жарамас.
Мына дәулет, мына асыл қыз,
Болды маған арам ас.

Ол – жас ағаш, бiр қызыл гүл,
Жапырағы жаңғырар.
Сорлы, Онегин, жолды өзiң бiл,
Қай тарапқа қаңғырар.

Хатыңнан жақсы ұғындым сөздің бәрін:
Кірі жоқ, кіршігі жоқ мағыналарын.
Жасырмай, жастықпенен, нанғыштықпен
Айтыпты шыншыл тілің бар іңкәрін.

Жасырмай жас жүректің жанған жайын,
Айтуға тілің мұнша қайдан дайын?
Жанып, сөніп, суынып қалған көңлім
Қобалжиды хатыңды көрген сайын.

Қалмаған Онегиннің ешбір бағы,
Өтіп кеткен жүректің отты шағы.
Мінсіз тілмен сөзіңді жазыпсың-ақ,
Ұнатпаған жерім бар сүйтсе-дағы.

Болса да сән-салтанат, қызық, әсем,
Тез жалығып айнымын, тұрлауым кем.
Сақтасар, ардақтасар кісі болсам,
Жалғанда сенен басқа жанды алмас ем.

Бүгін сүйсем, сені алсам – ертең жалқып,
Суып қайтар көңілім желше шалқып.
Қуантып, қайғыменен суалтамын
Біреудің қызыл гүлін тұрған балқып.

Құдайдың толып жатыр күні бүгін,
Жігіттің тани алмай кемшілігін,
Бір алып, қадірлемей, тастап кеткен
Тартып жүр қиянатшыл ер күйігін.

Түксиген өзі суық, сөзі суық,
Келерлік бір жері жоқ жанға жуық.
Өзі антұрған, қазымыр қатын сорлы,
Екі өмірдің лайлап суын тұнық.

Сол баянсыз еркектің біреуі – мен,
Жамандығым жақсымнан екі есе ден.
Жүрек кірсіз, тіл мінсіз, мінезің – гүл,
Не боласың осындай ерменен сен?

Жаңғырмас өткен өмір, біткен мінез,
Лайықсыз кісіге болыпсыз кез.
Сені жақсы көрейін бірге туған
Ағандай, онан басқа жоқ, менде сөз.

Жас қыз бен жас бәйтерек – бәрі бірдей,
Жапырағы тұра ма жылда өзгермей?
Менен гөрі сөзінді жақсы ұғушы
Кетер деме ер жігіт бір кез келмей.

Бұл сөзде ақыл да бар, ғибрат та бар,
Өзіңе екіншіде пайда болар.
Ақылменен ойласаң тоқтау қылып,
Сүйкімді менен артық жан табылар.

ОНЕГИННИҢ ТАТЬЯНАҒА ЖАЗҒАН ХАТЫ

Құп білемін, сізге жақпас
Ескі жара білтелеу.

Ақ жүрегің енді ұнатпас,
Мезгілі жоқ қай медеу?

Ықтиярсыз мұңды сезім
Кетті ыршып жолыңа.
Мазағыңа бердім өзім
Өз басымды қолыңа.

Өлі бойға жан жүгірді,
Қайратым құрыш болды нан.
Мүз жүрегім май сықылды
Еріп, от боп күйді жан.

Қор қылуға күдіреттен
Жүрегіме түсті өрт.
Тайды аяғым ескі серттен,
Түсті емсіз қатты дерт.

Масқаралап мені тағдыр
Қылды мазақ, не шара?
Менің үшін сен жауап бер,
Менде сөз жоқ, бишара.

Михрабым¹ сен, бас ұрамын,
Тіл жете алмас ғүзіріме²
Жетпедім, не жасырамын,
Гауһарымның қадіріне.

¹ Мешітте имам тұратын орын. Бұл жерде құрметтеп айтқаны (арапша).

² Себеп, кемшілік.

Сен – ағашта піскен алма,
Қазір едің, алмадым.
Құп кіріптар қылды алла,
Әлде мені қарғадың?

Он сегіз мың бұл ғаламның
Бар тынысы күнде тұр.
Мен сықылды сорлы адамның
Ықтияры сенде тұр.

Сен бетінді әрі бұрсаң,
Шықты көзім, болды көр.
Жанды аларсың разы болсаң
Біздің орын – кара жер.

Тәңірі добы – бұл ғаріп бас,
Кетті амалсыз, қорлама!
Қайта қақты, қайла болмас,
Келді, түсті ордана.

Ақылы бар, ықтиярлы
Пенде теппес өз жарын.
Ерік – иеде, пенде – зарлы,
Не білер не боларын?

Сорлы адаммын жер жүзінде,
Бір қуаныш көрмедім.
Не қыласың, ерік өзінде,
Қайғысы асқан шерлі едім.

Менің өмірім таянып тұр
Үзілуге өм жаным.
Ақ жүзінді бір көріп құр
Өлсе, болмас арманым.

Күні ертең бір көрінсең,
Сорлы асықтың көзіне.
Тәңірі үшін шапқатыңмен
Нан ғарыптың сөзіне!

Не болайын, тез болайын,
Ақ жүзінді көрейін.
Бар ма өмірім, қармалайын,
Жоқ болса, мен өлейін.

Қорғалап құр өтпе өмір бос,
Тағдырыңа қарсы бар.
Бір өзіңнен басқа бір дос
Таппасаң, өл, жүрме зар.

ТАТЬЯНА
СӨЗІ

Тәңірі қосқан жар едің сен,
Жар ете алмай кетіп ең.
Ол кезімде бала едім мен,
Аямасқа бекіп ең.

Талақ етіп бұл ғаламды,
Болды мәлім кеткенің.

Кінәсі жоқ жас адамды
Қатты соққан не еткенің?

Елжіреген жас емес пе ем
Еппен айтсаң жұбатып.
Мен ғашыққа мас емес пе ем
Кетсең еді ұзатып.

Сен жаралы жолбарыс ең,
Мен киіктің лағы ем.
Тірі қалдым, өлмей әрең,
Қатты батты тырнағың.

Бұл кінә емес, әншейін наз,
Сағынамын, айтамын.
Досыңақпын, тағдыр араз,
Толғанамын, қайтемін.

Сен шошыдың ғашығыңнан,
Өзге жұрттан қамшы жеп.
Мен де сорлы нәсібімнен,
Жатқа тидім «алшы» деп.

Жар табылмас сен секілді,
Мен де сендей сорлы зар.
Қол-аяғым берік бекілді,
Енді ненің орны бар?

Өз қораңның қақпасын сен
Қатты жаптың, не айтайын.

Жат қораның тақтасын мен
Жастанамын, қайтейін.

Қаймақ еді көңілімде,
Бізге қаспақ болды жем.
Екі сөз жоқ өмірімде,
Мен де – сорлы бақыты кем.

Еш қызыққан арманым жоқ,
Бәрі де бар форманың.
Біреуіне қанғаным жоқ,
Өзіме аян сорлымын.

Жаным ғашық асылым ең,
Жар есігін бермедің.
Сорға біткен ғашығымсың,
Неге тым кеш сермедің?

Жат есікті және қорып,
Жара салма сен маған.
Жұрт жамандар жатқа жорып,
Жалынамын мен саған.

Үшбу қиял келсе басқа,
Сен жүдер деп мен үшін,
Болар еді қайнамасқа,
Мыс қазандай сорлы ішім.

Ғашықпақпын еш күмәнсіз,
Ырыс емес, сор үшін.
Көрісуге шыдамаспыз,
Айрылалық сол үшін.

ЛЕНСКИЙ СӨЗІНЕН

Барасың қайда, қайда болмай маған,
Жас өмір алтын-күміс жарқылдаған?
Келер күн келеді екен не дайындап,
Қараңғы, қарағанмен болжай алман?

Мінеки, келіп қалдық атар таңға,
Жарқырап күн де шығар тірі жанға.
Табытқа салып алып, әлде мені
Апарар сырын білмес бір даланға.

ОНЕГИННИҢ ӨЛЕРДЕГІ СӨЗІ

Жарым жақсы киім киіп,
Келді жанға жылы тиіп.
Диуана болды бұл көңлім,
Басылмай бір құшып, сүйіп.

Бойым түр дал болып иіп,
Көңлім жүр құс болып шүйіп.
Есіркеп сүйгізіп еді,
Кетіппін жүз есе күйіп.

Қылдың арам ойыңды,
Бір бұрмадың мойныңды.
Сен ақылмен көңліңді
Тыйып, жеңдің бойыңды.

Мен бұзылып түзеле алман,
Қайтсін дедің сорлыңды...
Атам, анам – қара жер,
Сен аша бер қойныңды.
Сенен басқа еш жерден
Таба алмадым орнымды.

ВЕСЬ МИР УЗНАЕТ
ИМЯ ЗВУЧНОЕ ТВОЕ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно среди зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый, —
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован?
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминая величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:

Как ты, могущ, глубок и мрачен.
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

И ВЕСНА

Исчезает к весне дух зимы ледяной,
Расцветает земля, как ковер травяной.
Высыпая на свет, словно дети к отцу,
Все живое обласкано солнцем весной.

Входит в силу весна с возвращением птиц,
Вон подростки, ликуя, к друзьям понеслись.
Со старухой старик, словно только ожив,
За расспросы и байки свои принялись.

Люди с гор и равнин рады свидеться вновь,
Улыбаясь, шутя, обнимаясь без слов.
Молодежи не терпится душу излить,
Отдыхая весной от забот и трудов.

Во дворах изобилье ягнят, верблюжат,
Лог на бабочек пестрых и птичек богат.
Вдоль цветов и деревьев, склоненных к воде,
Извивается речка, чьи струи бурлят,

Гуси, лебеди здесь, величавы, царят,
Птичьи яйца влекут стайки шумных ребят.
Если сокола пустишь с коня на скаку,
Он в мгновение ока рад жертву подмять.

Дева, ластясь к тебе, тянет руки к седлу,
Где добыча твоя приторочена в ряд.
В эту пору степнячки нарядны, нежны.
Украшают цветы лик родной стороны.
Воробьи, соловьи – все поют на свой лад,
С гор кукушки и филины вторят, важны.

Набегают торговцы с набором обнов,
Пашут землю дехкане, в поту от трудов.
У хозяев двоится весенний приплод –
И приходит достаток под милый им кров.

Словно мастер, украсил всю зсмяю Творец,
Ты – его доброты бесконечной венец.
Словно мать, истекает любовью земля.
Небо нежно склонилось к тебе, как отец.

Как не верить в Аллаха, раз божьим теплом
Оживляет он землю весенней порой!
Скот твой – в теле, и крепок шипящий кумыс,
И высок, и приподнят душевный настрой!

Все цветет, кроме черных угрюмых камней,
Кроме сердца скупца, чей незыблем устой!..
И величьем Творца проникаешься ты,
Поражен совершенством, пленен красотой.

Старики – к солнцепеку, где дети шумят,
Возбужденных не счесть стригунков, жеребят.
Заливается в небе, высок, бозтургай,
И озерные птицы вовсю гомонят.

Если небо без солнца, там – звезды, луна.
Черной ночью сверкает державно она.
Но вот стоит заре кинуть нежно лучи,
Как бледнеет она, над собой не вольна.

Солнце – милый жених у невесты – земли,
Столковались они друг от друга вдали.
Пусть старались когда-то здесь звезды с луной,
Но явился жених и с пути все сошли.

До луны и до звезд ветер радость донес,
Все живое плясало под пение звезд.
Белый саван зимы отшвырнув от себя,
Улыбалась земля дуновению грез.

Зиму всю прождала своего жениха,
В снах разлуки дожить ли чете до греха?
Солнца знойным дыханьем насытись, земля,
По-павлиньи свои выгибает бока.

Кто способен на солнце взглядеться в упор?
Она ласково просится в дружеский взор...
Я увидел под вечер, как солнце сошло
В золотой и багровый заката шатер.

Н ВИНОГРАД
е стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины златной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

* * *

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

П ЛЕТО

Пора, где упорствует зной,
Где стебли растений и трав
Растут, наливаясь красой,
Где став, суетится аул,
Привечен бурлящей рекой.
Где скрытых травую коней
Мелькают повсюду хребты,
Бока выпирают кобыл,
Что охая, стонут, сыты.
Стоят, остужаясь в воде,
Привскинут порою хвосты.
Кругом жеребята, резвясь,
Топочут, довольны собой.
Озерные птицы, крича,
Взлетают стремглав над водой.
У юрты, ууки подняв,
Молодки толкутся гурьбой,
Мелькая локтями, смеясь,
Шушукаясь наперебой.
Объехав пасущийся скот,
Свободный от дел и забот,
К аулу торопится бай,
Коня направляя рысцой.

Рассевшись вокруг тегене
Ведут разговор старики,
От смеха тряся бородой.
Малыш свою мать теребит:
Он выпросить мяса кусок
Подослан к ней втайне слугой.
Над ними навес от жары,
Роскошны под ними ковры.
Кипит самовар, заходясь,
Избытка доволен игрой.
Вот взялись за речь знатоки,
Как кони бросаюсь в намет.
Другие горазды кивать,
Смотря им доверчиво в рот.
Вот в белой рубахе старик,
За палкой своей волочась:
«А ну, отгоните овец!» –
На скотников бойко орет.
Шумит он, надеясь, что бай
Заметит, беднягу, его.
Жалея, к себе позовет
И чашу кумыса нальет.
Чапанов края подобрал,
Коней укрощая с утра,
Табунщики едут домой,
Устав от натуг и хлопот.
Стреляя из ружей, крича,
Ватага азартных юнцов
Вдоль берега поиск ведет.
Вот сокол, сверкнув над водой,
Гуся, что махает крылом,

На взлете прихлопнув, берет.
Что было, быльем поросло,
Стремиться к чему-то нет сил.
Знакомец наш, бедный старик,
Стоит на отшибе, смеясь,
Чтоб выказать баю почет.

Х ХРАНИ МЕНЯ,
МОЙ ТАЛИСМАН

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи –
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

О

ОСЕНЬ

Обложено небо нашествием сумрачных
туч,
Промозглый туман покрывает округу, тягуч.
Прносятся кони, кобылы бегут, стригунки,
Как будто их кто-то согреть велик и могуч.

Ни зелени нет, ни цветов, как в прошедшие
дни,
Не слышно ни смеха, ни детской шумливой
возни.
Деревья без листьев... тростник, что потерял
и гол...
На нищих семейку похожи соседством они.

Вон кто-то собрался заняться дублением кож.
В чапане дырявом не очень, однако, пригож.
Молодки латают изодранный войлок у юрт,
С'вскрови доверив пряденья упругую дрожь.

Вон птиц вереницы. Не надо далеких им
стран.
За житом собравшись, белеет вдали караван.
Не слышно нигде ни гулянья, ни праздничных
толп, —
Куда ни приедешь, унынье раскинуло стан.

Старик со старухой... ребенок, что сжался
в комок...
В степи только холод угрюмо свой празднует
срок.
Оставшись однажды без жижи, сурпы и костей,
Собаки мышуют, им дома лежать невдомек.

Кочевье хиреет, повсюду – бестравная плешь,
Как ветер ударит, сквозь пыль никому
не пролезть.
Казахов, в чьих юртах не принято копать
плодить,
В такой холодине к чему недалекая спесь?!

А.С.Пушкин

Я

К***

помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

В * * *
от ноябрь и декабрь. В эти месяцы,
тих,
Бай не тронет угодий предзимних своих.
Раньше времени корм не желая пожрать,
На осеннем становье ждет дней он лихих.

Байских стад пастухи скот лишь знают пасти.
Им бы дров, чтоб огонь побойчей развести.
Жены их, мельтеша, кожу дубят в чану,
Шьют чекмени, иглу уминая в горсти.

Без огня малышам и ни встать, и не сесть.
Раскорячась всюю, не погреешь всех мест.
Если есть старики, как же им нелегко, —
Воет ветер и стужа на версты окрест.

Бай зарезал барана, что стар был и хром,
А бедняк не мечтает о пире таком.
Если даст байбише кизяка с полмешка,
'Тго надо считать величайшим добром.

Сыну бая тепло и в буран, снегопад.
Юрта войлоком крыта, чей плотен обхват.
Сын слуги у него в услуженьи всегда,
Всюду рядом он с ним, рад тому иль не рад.

В юрту бая ему путь заказан пока.
Пробавляется тем, что сопрет у сынка.
Любит вечно крутиться за юртой, где выюк,
Выбрав место, где солнце согреет бока.

За сынком наблюдают и мать, и отец,
Вот и вырастет он, как последний стервец.
От стыда пред дружкой ему пища не впрок,
Хоть и мал, но умом он уже не малец.

С бедняком никогда не поделится бай,
«Будь усерден в труде и тогда получай».
Бай – бездушен, слуга – равнодушен к труду,
Эту пару создав бог хватил через край.

Пусть и стащит порой потихоньку бедняк,
Бай, учти его труд, скот пасти – не пустяк.
Обогрей до весны стариков и детей,
Все же, ты – не буран, чтоб безумствовать так.

Е * * *
если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

К

ЗИМА

то – в белом, могуч, серебрист
бородой,

Враждуя со всеми, слепой и глухой.
Заиндевав сплошь, хмур и грозен лицом –
По снегу скрипя, подошел к нам с тобой?..
То старый твой сват, чье дыханье – буран.
Сварливо свистящий в степи вековой.
Он в шапке из клуб облаков кучевых,
Румянясь, краснеет от стужи крутой.
Косматые брови нависли до глаз,
Пойдет снегопад, как качнет головой,
Когда разъярится, поземкой крутя,
То юрты дрожат от растряски такой.
Ребята, что бегали – рады зиме, –
Лежат обморожены этой зимой.
Табунщики в шубе, что мехом вовнутрь,
И те повернулись к морозу спиной.
Коней косяки, чьи копыта мощны,
И те, ослабев, изошли худобой.
С зимою недоброй лютует и волк.
Табунщики, лень и сонливость долой!
На свежий покорм угоняйте табун,
Пусть ветер и стужа повсюду стеной.
Чем волк, пусть крадут Кондыбай и Канай,
Пусть с носом уйдет старикашка лихой!

Ч ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Поэзия – слов благороднейших царь,
Свести несводимое должен твой дар.
Пусть радует он и язык нам и сердце,
Повсюду неся одинаковый жар.

Но если слов чуждых затешется грязь,
То этот поэт – неумеха среди нас.
Сказитель и слушатель стоят друг друга,
Как пара невежд без ушей и без глаз.

Аяты, хадисы – основа основ.
Вкрапленье двустушиий, как некий покров,
Но если не красится речь содержанием,
Аллах и пророк обошлись бы без слов.

Имам, что в мечети читает хутбу,
Святой, что молясь, проклинает судьбу, –
По мере уменя пытается каждый
Слагать на свой лад из того, что во лбу.

Любой себя числит умельцем стиха,
Поэзия часто к их зову глуха.
Стихов дорогих без наружного блеска,
Никто не сложил из казахов пока.

Всмотрелся я в биев седой старины,
Для них поговорки в реченьях важны.
Акыны и вовсе в невежестве темном
Несут чепуху, ни на что не годны.

В толпе, завывая с кобызом, домброй,
Восхвалят любого, кто виден собой.
Продажностью жалкой унизили слово.
С домброю шатаясь в округе любой.

Корыстью зажженные, лезли из шкур,
Смотря на хозяев сквозь хитрый прищур.
В чужой стороне без стыда побираясь,
Свой край воспевали, мудры чересчур.

Шли к баю, который был падок на лесть,
Надеясь побольше скота приобрести.
Казах не питает к стихам уваженья,
Жевать небылицы считая за честь.

Как бии, не буду я речь украшать,
Ильстя, по-акынски не буду рыдать.
Мой слушатель, видишь, очистилось слово,
Сумей быть и ты ему духом под стать.

Когда б за набеги батыров вознес,
О дсвах бы спел, умиляя до слез.
Рад время убить в интересе досужем,
Ты каждому слову внимал бы всерьез.

Разумное слово народ не влечет,
Коснеет в своем неприятьи народ.

Невежд в нем хватает, что наглы донельзя.
Прости, если это тебя проберет.

Стараясь на цыпочках кус скovyрнуть,
Пытается каждый урвать что-нибудь.
И им ли постигнуть – спесивым, корыстным,
Для редких из редких открытую суть?!

Бесчестным путем умножая свой скот,
Слыть хитрыми рады они наперед.
И мирного бая страшат врагами,
Надеясь, что тот попадет в переплет.

Спокойствие, совесть, стремление и честь,
Никто не захочет из них предпочесть.
Не ищут ни знания, ни мысли глубокой,
Наветы и сплетни взбивая, как шерсть.

БЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;

Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Когда есть в сердце свет ума,
Послушать слово приходи.
Когда же света нет, увы,
Ты не поймешь, сколь ни ходи.
Невежество, как глаз с бельмом,
Вот и попробуй, разгляди.
Намаз у персов – без главы,
За ними вслед ты не иди.
К чему усердье крикунов,
Когда отсутствуют вожди.

* * *

Когда устроен твой народ, –
Лежит у озера вокруг.
Деревьев листья шелестят,
Расколыхавшись на ветру.
Бежит бурливая река,
Вздымая волн своих игру.
Плодится двойнею твой скот
И перевода нет добру.
Когда расстроен твой народ,
Он, как болота топь и гниль.
Озерных птиц не слышен шум,
Скоту и то уж он не мил.
Болея зло, поносит скот,
Который смрад его испил.

Кому он нужен – сух, вонюч?
Он мертв теперь, как прах и пыль...
Как единица – мудрый вождь,
Народ, как скопище нулей.
Знай, единица и без них,
Была бы в мире не слабей.
Зато без стойких единиц
Как быть нулям в толпе своей?!
Народ свой мирный не мутит,
А береги его, жалей.
Когда есть в сердце свет ума,
Не спорят с теми, кто мудрей.

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

* * *

Пусть хвалят люди, верить не резон.
Ты жди подвоха, если вознесен.
Поверь в себя, тебе помогут дружно
Твой труд и ум твой, взявшись с двух сторон.
Доверчивость – залог грядущих бед,
Зачем похвал пустопорожних бред?!
С обманутыми вместе сам обманут,
За призраком тебе ли мчать вослед?
Будь в горе стойким, закали свой дух,
К соблазнам, что сомнительны, будь глух.
Уйди в себя, достигни сути в сердце,
Там истина, которой нет вокруг.

* * *

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон,
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

* * *

С

* * *

о старой надеждой, чьи листья желты,
В мечтаньях прожил я, и дни те пусты.
Меня раздражают, лишают покоя,
Те давние дни, что в тумане мечты.
Пору сновидений принять ли всерьез?
Открытый для мысли, закрыт будь для грез.
В себе ты имеешь ли в дружном союзе
Горячее сердце, обличье и мощь?
Подобен миражному блику народ.
Он, правду приемля, с тобой не пойдет.
К чему тебе мненье толпы неразумной?
Займись же собою, настал твой черед.

Д

ПРОРОК

уховной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,

И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

В

* * *

тот час, когда сгущаясь, тени
Сокроют с глаз картины далей.
Когда хозяин всех мгновений
За кромку солнце перевалит.
Нависший сумрак беспросветный
Пытаю сумрачной душою.
Как с собеседником заветным
Сижу с поникшей головою.
Жизнь прошлая – тропую ушлой
Гуляет снова, мучит, ранит.
«Тот ямы рыл, тот предал гнусно», –
Обиды все считает рьяно.
Воспоминанья – чередою,
Но нет среди них того, что надо.
И сердце я кроплю водою,
Что исключительно из яда.
О, мысль моя, – щенком заблудшим
Вернулась вновь в свой край ты, воя.
Забудь же все, – что лечит лучше
Воды забвенья и покоя.
Взошла полынь, где ждал пшеницу.
Мочились псы, видать, на славу.
Сумеи с покоем подружиться.
Так умереть отрадней, право.

СЗИМНЯЯ ДОРОГА

квозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Наш холоден Ум, наподобие льда,
Горячее Сердце согреет всегда.
Разумность и такт, прозорливость терпенья,
В нас Воли рождает тугая узда.
Держа в единении Ум, Сердце и Волю,
Ты к цельности редкой придешь без труда.
Но взяты поврозь, они будут ущербны, –
Не славят явлений, где много вреда.
Живу, неспособный смеяться и плакать,
Лишь с сердцем мятущимся, с коим – беда.
Ум, Сердце и Воля – ничто друг без друга,
А Знание их суть пронесет сквозь года.

ПНЯНЕ
Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

П

* * *

осмотри, этот мир тебя грабит,
жесток.

Прежних сил в тебе нет и лицом ты поблек.
С жизнью, где за надеждой стоит сожаленье,
Состязаться в задоре, признай, ты не смог.
Есть ли сладость, чей вкус никогда не пройдет?
Если жизни скупой так недолог полет,
Разве стоит в ней что-то, чтоб ссориться
с ближним,
Или с другом расстаться, спеша лишь вперед?
Пусть губами в тебе не глаголет язык,
Лицемерию плоти служить он привык,
Где язык – без костей, губы виснут без края,
Закрывая, как пологом, истины лик.

В

1827

о глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Щ

* * *

Щенка, обучая, я вырастил в пса.
Меня укусил он мгновенно.
Кого-то стрелять научил я, и сам
Стал первою жертвой мергена.

А.С.Пушкин

В СОЛОВЕЙ И РОЗА

безмолвии садов, весной, во мгле
ночей,

Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь – она цветет; взываешь – нет ответа.

Т

* * *

ак много пестрых мотыльков,
И жизнь не в жизнь им без цветов.
Увы, цветка не долог век
И мотыльков удел не нов.
Что может нам расправить стать?
Любить и чувствовать, страдать!
За тьмой событий поспешать!
Умом размыслив, рассуждать!
Нас тащит всех эпохи пруть.
Кому над ней эмиром быть?
Глупец хотел ее покрыть,
Но сам покрыт и нечем крыть...

НАРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
С'ушу на солнце под скалою.

Г

* * *

Глаза горят, прекрасен лик,
На глади щек рубинов блик,
А шея блеском, как ледник,
И лук бровей, и тонкость рук.
С тобой – красавиц всех цветник
Джемшид тебя любил, велик.
Сам Искандер, как раб, поник, –
Достойней нет тебя вокруг.
Когда бы время нам найти,
До ложа тесного дойти.
Закрыть глаза, с ума сойти,
И разомлев, не ведать мук.

П

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
Из звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

В

* * *

бобровой шапке, с толстою косой,
Когда б вы знали эту чернобровку,
Позванивают мерно в такт шагам
Монеты, в пряди вписанные ловко.
Глаза с зрачками темными чисты
И так к себе притягивают кротко.
С нежнейшей кожей, светлую лицом,
Забывать ли белозубую красотку?!
Таких уже и встретить не дано:
С фигуркой ладной, маленькою ножкой.
И чую сладость спелого плода,
Я очарован ею понемножку.
Рукой своей коснусь ее руки,
Забьется сердце от притока крови.
А если к шее подберусь на миг,
В истоме сладкой я сомлею снова.

Д

26 МАЯ 1828

дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

П * * *
Пути различны у любви и страсти.
Земная страсть – у похоти во власти.
Любимая! Прекрасней нет на свете!
Пусть я умру, но ты живи и здравствуй!
Моей душе блаженство ты дарила.
Сияй, мой свет, не прячь улыбки милой!
Пусть говорят, что нет на вкус мерила,
Ты целый мир красою покорила!
Любовь придет, собою не владеешь,
Как в лихорадке, истощав, худеешь.
Отчаявшись, трясешься, как в ознобе.

Н * * *
е пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Б

* * *

езутешной душе моей не до чудес,
Пусть хоть солнце с луной засияют с небес.
Я, подобной тебе, в мире вряд ли найду,
А тебе так легко мне других предпочесть.
Пусть иссох от любви, пусть в тоске, как в огне,
Пусть, о клятве забыв, холодна ты ко мне.
Пусть, смеясь надо мной, унижаешь меня,
Бедный пленник любви, рад всему я вполне.

В АНЧАР
пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей Вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зноем,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет – лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом;
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напирал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

О

* * *

буженные жизнью, мы изгой,
Но не спешим расстаться с жизнью злою.
С пустой начинкой не сражает выстрел,
Хоть и стремятся за счет нас – в герои.

О

* * *

Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши.
С ним делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих.
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад – и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. Боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром,
И возврати ему.

3 ВОСЬМИСТИШИЯ

Знаешь, далекий,
Одаряешь, глубокий.
Избавляя от боли и мук,
Зная в чем уязвим,
Словом верным своим.
Возвращающий неуча в круг,
Мой стогласый, певучий язык,
Говори, раз уж так ты привык.

Ни кинжала клинок,
Ни иглы язычок
Не оставят такого следа,
Ты для знающих – мед,
Для невежды – не в счет,
Нет ни пользы ему, ни вреда.
Откажись от напрасных потуг,
Равнодушия слух к мысли глух.

В голове – не мозги,
Мыслей тоже – ни зги,
У невежды – один только смех.
Пред толпой он склонен,
Мнение сброды – закон,
Угодить он хотел бы на всех,

Если нет в тебе сил и ума,
То молчи, не блуждая впотьмах.

Раздражается кровь,
Но сочувствуешь вновь,
Когда видишь их нравы, их суть.
«Будь упорней, очнись!
Посерьезней возмись!» –
Назидаешь, желая встряхнуть,
Но без совести, чести, без дум,
Засыпают они на ходу.

Без собраний тишком,
Без шептанья тайком,
Не клюют на иного живца.
Суесловье одно,
Мыслить им не дано,
Даже сын не вникает в отца.
Бестолков он, беспечный балбес,
В его мыслях отсутствует честь.

Им бы сплетню свернуть,
Камень скрытно метнуть,
Тогда каждый из них упоен.
Дуют в чванства трубу,
Нет покоя в гробу
От наветов, чей вечен трезвон.
Нет ни меры ни в чем, ни стыда.
Здесь не тянутся к ним никогда.

Ты обид не таи,
Средь людей будь своим,

Тебе путь свой найти уж пора.
Глупый смех баловства,
Вздорный путь шутовства,
Доведут ли тебя до добра?!
Если лень одолеешь в труде,
Будешь сыт, не канюча везде.

Изучая, познай,
Как взрастить урожай,
В чем торговли глубинный закон.
В рвенье чистом своем,
Добывай все трудом,
Вот тогда есть в веселье резон.
Раз не дружит с казаком казах,
Им не будет удачи в делах.

Угоняют твой скот,
В тяжбах ты – что ни год.
Чем вражду разжигать – помирись.
Шутовство и грабеж,
Суд, насилие, ложь
Ни к чему – не отмывься ни в жизнь.
Если есть в тебе совесть и честь,
Надо эти слова им прочесть.

Если сыт ты, как скот.
И не знаешь забот,
Значит, ты у беспутства в руках.
В склоках вздорных все злей,
Ополчась на друзей,
Ты себя обрекаешь на крах.

Скоро рухнет доносов гора,
Образумиться, друг мой, пора!

Кто сказал вам: «Гуляй! Табуны угоняй!
Дурью майся! Безделье – твой труд!»
Ловкачи-шустряки,
Подлых дел знатоки,
Разве могут наставить на путь?!
Нрав окрепший за несколько лет,
Став привычкой приносит лишь вред.

Плоть не ведает мук,
Душу точит недуг,
Белый свет мне от боли не мил.
Жжет обида меня,
Хуже день ото дня,
Исхожу я слезами, без сил.
Беззаботность и сытость любя,
Порастратил вконец я себя.

Силы ныне не те,
Не дойти мне к мечте.
Путь к ней долог, а жизнь – коротка.
Отпылал мой расцвет,
И красы былой нет,
Что глупее тоски старика?!
Не вернуться с дороги домой,
Жаль, припасов взял мало с собой.

Нет невеждам конца,
Не унять подлеца.
Процветают, как прежде, они.

Дни, когда был силен,
И людьми вознесен,
В перебранке прошли, не вини.
О несбыточном пекся, протак!
Не восстану из праха никак!

«Краснобай! Грамотей!
Мастер всяких затей!» –
Так хотелось вам зваться всегда.
Чтобы в страхе народ
Трепетал круглый год
Перед вами, иначе – беда!
Неугодных развеете в пыль,
Только верных оцените пыл.

Ладно, сдался народ.
Пусть он в страхе живет.
Ты подумал, что ждет впереди?!
В схватке этой крутой.
Он следит за тобой,
Ты, попробуй, за ним уследи!
Если мужу жена неверна,
Убоится ли слежки она?!

Без друзей, одинок,
Как протянешь свой срок?!
Голова твоя кругом пойдет!
Сверстник, что обогрет,
Знал твой всякий секрет,
Отвернется, набив чуть живот.
Он тебя ненавидит нутром,
Он змея, что пробралась в твой дом.

Весь в пыли и крови,
Он клянется в любви,
Слезно просит прощения он.
Спотыкаясь, бежит.
Как убог его вид.
А ведь был он тобой вознесен!
Так чего же ты, милый, достиг?
Постыдился бы, если велик?!

Тявкнет пес и малыш
С палкой кинется: «Кыш!»
Зло сорвать на собаке он рад.
Крикнут взрослые:
«Стой! Ишь, нашелся герой!
Как не стыдно!
А ну-ка, назад!»
Так и ты, если грешен, сумей
Повиниться пред честью своей.

В знаниях – голос мечты,
Будь свободен и ты
Для мечты, призывающей в путь.
Кто несведущ, тот слеп,
Ему нужен лишь хлеб,
Чтоб наевшись, немедля уснуть.
И не тут, и не там – не у дел,
Мой, однако, несладок удел.

Знания чтя всей душой,
В мир собравшись большой,
Я всмотрелся в два края Земли.
Отошел от невежд,

Без ушей и без вежд,
Что ни слушать, ни внять не могли.
Нет для воли задачи трудней:
Удержаться меж двух кораблей.

Я к утесу ходил,
Криком там исходил,
Ухо долго катало мой крик.
Изучая тот звук,
Я прошел путь наук,
Мне казалось, я много постиг.
Но утес, он на то и утес,
Крик мой канув, нигде не пророс.

На коне, без коня, –
Каждый топчет меня,
До стихов ли им в схватке такой?!
Сердцу больше не в мочь,
Мне ничем не помочь,
Выкипаю, с досады, слезой.
Если скорбь опаляет и жжет,
Как не плакать мне ночь напролет?!

Пух перин, как доска,
Отлежал все бока,
Нет покоя и сон не идет.
А вокруг – шепотки,
Пересмешки, смешки.
Не похоже, что в думах народ.
Бытие разменявши на быт,
В нем дешевая хитрость царит.

От отца – вшестером,
Мать любя, вчетвером,
Рождены мы и всеми я чтим.
Но, родней окружен,
Прозреваю, смущен:
«Я покинут народом своим!»
Как могила шамана в глуши,
Одинок я, со мной – ни души!

Абай

СЛОВА-НАЗИДАНИЯ

(Фрагменты)

СЕДЬМОЕ СЛОВО

Когда рождается ребенок, в нем уже есть два начала.

Одно – это желание есть, пить, спать. Если этого желания нет, то тело перестает быть жилищем души, не будет расти и развиваться.

Второе начало – стремление знать. Ребенок стремится ко всему – он тянется к блестящему предмету, пробует все на вкус, на ощупь. Заиграет домбра – ребенок тянется к ней; услышит лай собаки, или топот лошади, или плач, или смех – и сразу встрепетается. Позднее он начинал спрашивать: «Что это такое?», «Почему он это делает?», «Для чего это?» Ребенком овладевает высокое беспокойство.

Вот это и есть потребность души, стремление все видеть, все знать, всему научиться. Если пропадет это стремление, если не хочешь полностью знать все или узнавать хоть часть, то ты уже не человек. Если мы не стремимся к знаниям, то наша душа – не душа человека, а душа животного.

С самого начала Бог создал человеческую душу так, что она отличается от души животного. И это видно во всем. В младенчестве, ежеминутно спрашивая «почему», мы забывали и пищу и сон. Почему же, вырастая, мы теряем наш первый дар – жажду познания? Почему не идем за теми людьми, которые создают науку и находят ответы на «почему?»

Мы должны были бы свой мир, умножить сокровища, к которым стремились в детстве. Жажда знания должна была бы подчинить себе тело. Но мы не поступаем так. Мы галдим галками, каркаем воронами и, как они, не летим дальше навозной кучи у аула.

Жажда знаний владела нами только в детстве. Окрепло тело и не подчинилось душе. И мы перестали верить тому, что душа нам подсказывала, наслаждаясь только простым видением. Мы не вникли в сущность жизни и утешали себя словами: «Ничего не убыло и у того, кто жил, ничего не зная». Нам рассказывали о познании, а мы не верили. Нас учили, а мы отвечали: «Твой разум для тебя, а мой для меня». Мы отвечали: «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, но по-своему». Мы говорили: «Бог с ними, не нужно быть лучше других». Мы не видели достоинства познания и не понимали наставлений.

И вот в груди нет простора, и в сердце нет веры.

Так чем же мы лучше животного, которое видит мир, но не знает мира?

Детьми мы хотели знать, хоть мы и не узнавали, но мы были детьми людей, потому что стремились к знанию. Сейчас мы хуже животных. Животное не знает, но оно и не спорит, не доказывает, что знает. Мы же ничего не знаем, но дорожим невежеством и не променяем невежество со всей страстью вздорного озорника.

Кто же примет мудрый совет? Кто слушает наставления?

Ни волостной старшина, ни бий меня не услышат.

Если бы они думали о познании, то их бы не избрали; они и избираются потому, что добиваются избрания, считая, что могут стать примером для всех. Они считают себя совершенством.

Зачем же им слушать? Да если бы они и захотели слушать – нет у них на это времени. У них своя забота: не оказаться виноватым перед начальством, не пропустить в аул разных смутьянов. Они заняты.

Думают они: вот сядет им на голову птица счастья, и станут они владельцами полумира, умножат стада и все купят за свой скот. Так ходят они, задрав нос. Честь, бесчестье, разум, наука – все это для них ниже скота. Они думают, что за подарки можно получить даже доброе слово Бога. Для них религия – скот, народ – скот, знания – скот, совесть – скот.

Как же им понимать жизнь и слушать советы, когда у них нет времени на понимание?

Бай думает всех закормить, всех запоить, всех принудить караулить его скот, уберечь скот от воров и волков, уберечь от стужи. Много пройдет времени, пока он это все устроит, а устроив, он все завершит одним хвастовством и бахвальством.

Не слушают советов и воры, злодеи, хитрецы.

А мирные люди, люди овечьей породы, не могут меня слушать, потому что им надо думать о пище. Они говорят так: «Почему вы обращаетесь к нам? Лучше обратитесь к тем, которые старше нас, которые должны были бы понимать слова разума». Но тем нет до этого никакого дела. Нет у тех ни горя, ни печали.

ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю?

Если бы любил, то хвалил бы их поступки, находил бы в них хоть одну черту, достойную человеческой любви. Или, чтобы хоть не терять надежды, утешал бы себя мыслью: «Если нет у них этого, то, может быть, есть другое». Должен был бы я хоть как-нибудь поддерживать в себе веру. Но нет этого у меня.

А если бы не любил я казахов, то не посещал бы их очага, не интересовался бы, что происходит среди них, и спокойно лежал бы в стороне. Или откочевал бы от них. Но нет у меня ни того, ни другого. Не думаю я: исправлю я их. Нет у меня надежды, что они сами исправятся. И вот я существую, но не живу. От досады на них, от досады ли на самого себя живу, здоровый телом, мертвый духом. Сержусь, но в сердце нет гнева. Смеюсь, но без радости. Прозносимые мною слова как будто не мои. Все стало чужим.

В те дни, когда я еще верил, я часто думал бросить казахов, уехать куда-нибудь, но тогда

еще я любил их и надеялся на них. Теперь я узнал их совершенно, потерял всякую надежду, погасла всякая вера, и не хочу я даже уехать куда-нибудь, не хочу породниться с чужими, привыкнуть к ним.

Стал я человеком с пустой грудью и думаю: может быть, и хорошо жить так, чтобы встретить конец, не жалея об ушедшем, умереть не горюя, а устремив взор надежды в будущее.

ДЕСЯТОЕ СЛОВО

Некоторые молятся, прося у Бога ребенка. Но для чего человеку ребенок?

«Если умру, — думает человек, — пусть останется наследник, пусть прокормит меня в старости, пусть помолится обо мне после моей смерти».

Справедливо ли это желание?

Человек хочет, чтобы сын заступил на его место.

Человек, ты думаешь, что твое имущество останется без хозяина? Тебе ли заботиться об имуществе? Почему ты ревнуешь других к своим вещам, лежа на смертном одре?

Хорошие дети — радость, плохие — горе. Знаешь ли ты, каким будет ребенок, которого ты просишь у Бога? Мало ли тебе тех мук, которые ты сам перенес в жизни? Мало ли ты совершил собачьих поступков? Почему же ты хочешь, родив ребенка, передать ему свою собачью жизнь и муки?

Ты хочешь, чтобы после твоей смерти твой сын молился за тебя. Но если ты многим сделал добро, то кто же не помолится за тебя? Но если же ты сделал много зла, то что тебе даст молитва сына?

Или ты думаешь, что сын твой сделает за себя, чего ты сам не сделал? Такой ли ты отец и такова ли твоя страна, чтобы ты мог воспитать хорошего ребенка?

Ты хочешь, чтобы он прокормил тебя в старости? Пустая вера! Да доживешь ли ты до старости? А если доживешь, то будет ли твой ребенок хорошим и способным тебя прокормить?

Если у тебя будет скот, то кто тебя не прокормит? Если у тебя не будет скота, то чем тебя будет кормить сын? А сможет ли твой сын сам умножить стада – это темно и недостоверно.

Хорошо. Даст тебе Бог ребенка, но сумеешь ли ты его воспитать? Нет, не сумеешь и будешь ты отвечать не только за свои грехи, а станешь соучастником грехов своего ребенка.

Подумай о том, правильно ли ты сам относишься к вещам, – и твое беспокойство уменьшится.

Ты начинаешь обманывать своего сына с раннего детства, суля ему то одно, то другое. И забавляешься тем, что обманул ребенка. Но если твой сын станет обманщиком или лгуном, то, спрашиваю я тебя, кто его научил?

Потом ты научишь его ругать других, а сам будешь защищать его и прощать его озорство и этим окончательно испортишь ребенка.

Потом ты отдашь его в ученье и найдешь самого дешевого муллу, думая, что хватит с твоего сына умения читать и писать. Сам ты учишь сына хитрости, говоришь, что вот такой-то мальчик за глаза его ругает.

Вот и все твое воспитание. И почему ты после такого воспитания ждешь добра от своего ребенка?

Еще ты молишься о богатстве, но для чего тебе эта молитва?

Вот Бог дал тебе силу, чтобы ты трудился. Но ты не работаешь. Бог дал науку, но ты не учишься. Бог дал тебе разум, но ты его растерял. Ты бы стал богатым, если бы трудился без лени, терпеливо искал и благоразумно работал. Но тебе не этого нужно: ты хочешь получить богатство угрозами, обманом, попрошайничеством. Вот чего ты хочешь.

Ты враждуешь с людьми, теряешь доброе имя, выпрашиваешь подачки. Ну вот, хорошо, ты пришел, наконец к цели, приобрел скот. Но сумеешь ли ты воспользоваться богатством и получить знания? Нет, ты ничего не смог познать. Значит, ничего не узнает и твой ребенок. Без науки же нет блага ни на том, ни на этом свете.

Молитва, пост, паломничество в Мекку, совершенные без знания, не есть настоящее благочестие. Я не видел ни одного казаха который, разбогатев по-волчьи, жил бы по-человечески. Нет, люди по-волчьи богатеют и по-собачьи разоряются. И три сокровища остаются у них: мука, горе, злоба.

Богатый умеет только хвастаться, что он богат; разорившись, он хвастается тем, что был богатым, и нищенствует вволю.

ДВЕНАДЦАТОЕ СЛОВО

Если кто-нибудь неверно делает хорошее, неправильно исполняет благочестивое, то у нас не повернется язык, чтобы запретить это делать. Думаю я: то, что делается для блага, не может быть плохо.

Однако людям, у которых не хватает знаний для благочестия, было бы лучше, если бы они знали хотя бы два правила: во-первых, надо понимать смысл веры, во-вторых, не надо ограничиваться совершением обряда, а надо стремиться к учению.

Если кто-либо, не научившись, бросил учение, он уже сбился с пути, и его благочестие — ненастоящее.

Если кто, не поняв истинного смысла веры, наденет чалму и начнет величаться, называя себя поборником поста и молитвы, то это будет подобно тому, как человек, не заплатив калым за невесту, поехал за ее приданым.

М ПЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть одна существенная разница: умный человек – человек. Конечно, и он увлекается, но, увлекшись, тратит все силы для достижения цели, и время поисков останется для него в памяти лучшим временем жизни.

Такой человек, найдя достойный предмет своей страсти, ищет с жадностью, и, когда вспоминая рассказывает, то понимает, что он получил высокое наслаждение, и не жалеет о прожитой жизни.

Глупый человек не находит себе места в жизни. Он увлекается чем попало, растрчивает свою страсть на бесцельные и бесплодные желания, он проводит самую лучшую часть жизни в собачьей беголке, а старость – в раскаянии.

Глупый человек в молодости меняет потеху на потеху. Ему кажется, что молодость вечна, что тело не стареет и суставы не слабеют. Но быстро потехи сгибают ему шею, и он теряет способность выбора и теряет желания.

Страстность становится болезнью. Если человек и достигает того, к чему он стремился, то все это – мнимое достижение, человек переживает только опьянение желаниями. Опьяне-

ние лишает сил и затмевает разум, и смотрят презренные на пьяного и смеются над ним. В это время разумный, не выставляя себя на посмешище, упорно ищет и находит.

Глупый человек похож на всадника, который сбросил с коня седло и потерял шапку, закрыв зад лошади полами своего кафтана, задрав нос к небу, скачет, как одурманенный.

Если ты сам хочешь быть в ряду разумных, 10 раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давай себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму? Не совершил ли ты того, в чем следует раскаиваться? Думай о том, как ты провел свою жизнь и заметил ли ты, запомнил ли ты, как провел ее?

СЕМНАДЦАТОЕ
СЛОВО

Воля, Сердце и Разум спорили, кто из них важнее. Они пришли к Знанию, чтобы оно решило этот спор.

Воля сказала: «Послушай, Знание, ты ведь знаешь, что без меня никто не может достигнуть своей цели. Только благодаря мне люди отстраняют лень и настойчиво стремятся познать тебя. Даже богатому нельзя без воли и труда достигнуть еще большего богатства.

Разве не я руковожу выбором людей? Не я ли предостерегаю их от легкой наживы и злых повадок? Не я ли возвращаю людей на путь истинный, когда они его покидают? А вот эти двое со мной спорят».

Разум сказал: «Но ведь только я знаю, что вредно, что полезно как для этого, так и для того света. Слова понимаю только я. Без меня нельзя получить прибыль, без меня нельзя избежать убытков. Только я постигаю науку. Как же эти двое, – сказал Разум, – оспаривают мое первенство? И на что они годятся без меня?»

Заговорило Сердце: «Я – царь человека. Я гоню кровь по жилам, без меня нет жизни. Только я заставляю сытых, беспечных людей, валяющихся на мягкой постели, тревожиться,

и думать о том, как живут бедные и обездоленные. Я отравляю сны беспечных, заставляю людей ворочаться в их постели. Во мне – почтение к старшим и милость к младшим. Как часто не сберегают меня в чистоте, как часто меня унижают!.. Но если сердце честно, то нет обиды между людьми. Я восторгаюсь добродетелью и заставляю людей отскакивать от зла, как от змеи. Все доброе – скромность, справедливость, милосердие, отзывчивость – все исходит от меня. Как же эти двое могут спорить со мной?»

Тогда Знание, выслушав всех, заговорило: «Слушай, Воля, все, что ты говорила, справедливо. Более того, ты обладаешь многими другими достоинствами, тобой не упомянутыми. Но хотя и не могут жить те двое без тебя, но вместе с Силой у тебя есть и Жестокость. Много от тебя и пользы, но бывает от тебя и вред. Иногда ты крепко держишься за добро, но иногда – и за злодеяние. Это плохо в тебе». Так сказал Знание. Потом продолжало: «Разум, то, о чем ты здесь говорил, тоже правильно. Без тебя ничего нельзя найти. Только ты знакомишь нас с тайнами творения, жизнью души, но и от тебя бывает зло. Ты рождаешь хитрости, проделки, ты являешься наставником и хороших, и плохих людей. Ты одинаково ведешь людей по пути добра и зла, « это в тебе очень плохо».

И продолжало Знание: «Я приказываю вам троим объединиться и повелителем троих будет Сердце. Разум, ты слишком разносторонен. Пускай Сердце следует за тобой в добре, пус-

кай оно тогда с тобой соглашается и радуется. Но пускай оно не идет за тобой по дороге зла. Более того, пускай он приказывает тебе вернуться. Воля, ты сильна, но пускай и тобой руководит Сердце, пускай на доброе и полезное дело оно не будет жалеть твоих сил, а на зло пускай накладывает запрет.

Посоветовавшись, соединитесь вместе, но помните, что Сердце – повелитель. Если вы все трое будете в одном человеке и так, как я это говорю, то человек, который руководится вами, станет праведником, и даже пыль его ног сможет исцелять слепых. Если же будут раздоры между вами, то пусть человек послушается Сердца».

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

орошо, если человек одевается в целое, чистое платье и ходит опрятным. Но плохо, когда человек старается одеваться не по средствам или, гордясь своей одеждой, становится щеголем. Ведь щеголи все время охорашиваются, поправляют усы и бороду, и брови, думают о своей походке, ходят, подбоченьясь, живут в пустых заботах.

Щеголи думают, что одежда должна прокормить человека. Они, благодаря одежде и хорошим лошадям, хотят прослыть джигитами, хотят пользоваться почетом у старших, хотят, чтобы им завидовали равные, они хотят, чтобы стоящие ниже говорили про них: «Что может еще пожелать человек, так хорошо одетый и имеющий такую прекрасную лошадь?»

Все это и глупо, и позорно.

Но если такая блажь одолеет человека, то трудно ему снова стать человеком.

Избегай же общества щеголей! Только разум, наука, воля, совесть возвышают человека.

Думать, что можно иначе возвыситься, может только глупец.

Н ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Не от рождения человек разумен. Он становится разумным тогда, когда, увидев и оценив многое, начнет отличать хорошее от дурного.

Человек, запомнивший слова мудрых, сам становится благоразумным. Но благоразумие еще не решает всего. Вот если ты, благодаря благоразумию, избегаешь плохого, то можешь себя считать за человека.

Но если ты хоть и слышишь мудрые речи, но слушаешь их беспечно или, выслушав и придя в восторг, не захочешь переспросить, чтобы вникнуть в сущность мудрости, и ты не изменился, то для чего же ты слушал? Один мудрец сказал: «Чем говорить людям, тебя не понимающим, лучше откармливай свинью. У нее хоть прибавится жира».

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

бучать детей хорошо, но сначала их надо обучать родному языку, грамоте и знанию. Для арабского и фарсидского языков надо иметь богатство.

Как голодный человек сохранит разум и прилежание для того, чтобы постичь многие науки?

Скудность достатка, раздоры между родителями толкают людей на плутни, насилие и воровство.

Работай, умножай свой скот, умножай знание и мастерство. Чему сам научишься, обучай и своего сына. Расти знания. Главное – научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство – все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык – на мир откроются и твои глаза.

Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно.

Надеяться на то, что проживешь только хитростью, значит быть жертвой невежества.

Невежественный человек способен продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который похлопает его по плечу.

Изучай культуру и искусство русских. Это — ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче.

Однако в настоящее время люди, обучающие своих детей по-русски, норовят при помощи русского языка поживиться за счет других казахов. Не имей такого намерения.

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения.

Если мы узнаем столько, сколько знают другие, то станем сильными и равноправными.

Правда, до сих пор из среды казахских детей, узнавших русский язык, не выросло еще выдающегося человека. Это потому, что детей портят родственники, родители и близкие люди. Но и сейчас они лучше необученных.

В русскую школу отдают детей нехотя, как на позор или в неволю. Отдают с горя одни бедняки. Как же детям вырасти при таком отношении к науке хорошими людьми?

Иногда казахи, поссорившись со своим родом, желая досадить ему, говорят: «Чем терпеть мне такое унижение среди своих, не лучше ли сдать сына в солдаты, а самому отрастить волосы, приняв облик и обычаи чужого народа?»

Нехорошо бросать свой народ.

Далеко ли уйдут, научатся ли добру дети тех казахов, которые произносят такие постыдные слова? Станут они учиться как-нибудь, будут в одно ухо впускать слово, в другое – выпускать. Вот почему нет детей, которые бы занимались напористо, даже когда их учат бесплатно.

Говорю тебе правду: не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить все свое имущество.

Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, учи его, и сделаешь тем благо и ему и своему народу.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Тем, которые хотят познать науку, необходимо помнить, что для этого надо выполнить несколько условий. Тот, кто забудет о них – не достигнет цели.

Не нужно учиться, надеясь воспользоваться наукой для того, для сего, думая, что она принесет тебе выгоды.

Если страстно полюбишь науку и само знание будешь считать подарком, то оно даст тебе высшее блаженство. Стремись к знаниям, стремись к ним страстно. Тогда то, что ты видел или слышал, будет хорошо усвоено, и ты в ясных словах и образахкрепишь в себе это сознание.

Если же твои чувства будут обращены к другим вещам, то и науку ты будешь изучать только ради этих вещей. Это отношение будет похоже на отношение мачехи к пасынку. Науку же надо любить, как мать любит своего сына.

Если человек стремится к знаниям, то знания приобретаются им легко. Но в этом деле необходима искренность. У познания должна быть благородная цель. Не приобретай знаний

для того, чтобы хвастаться или спорить. Споры порождают зависть, унижают достоинство человека.

Целью спора часто является не истина, а победа над другим человеком. Человек, который переспорил сотню людей и сбил их с правильного пути, бесконечно ниже человека, который направил на путь правды одного. Спор необходим в науке, но увлекаться им нельзя.

Избегай спеси, гордости, зависти, которые встречаются и среди ученых.

Если достигнешь истины, то не отступай от нее даже под угрозой смерти.

Если твоя истина не овладевает тобой настоящим, хотя ты уверен в ней, то для кого же другого она может быть ценной? Как ты можешь желать от других уважения к тому, чему сам не служишь преданно?

Для повышения знания есть два способа: человек должен развивать способность мыслить, человек должен развивать свое воображение. Без мысли и воображения наука не может развиваться.

Избегай беспечности. Беспечность – враг бога и народа. Легкомысленная беспечность несовместима с занятием наукой.

Развивай характер. Характер – это сосуд, который вмещает и науку и разум. Если ты будешь легкомыслен и легковверен, если ты будешь увлекаться пустыми забавами, то характер твой испортится и ослабнет. Тогда неза-

чем и учиться, потому что все равно пользы не будет. Зачем собирать что-нибудь, если у тебя нет хранилища?

Воспитай волю – это броня, сохраняющая разум. Не стремись к забавам и похвальбам. Пусть все будет у тебя служить разуму и чести.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Необходимо учиться ремеслу.

Скот погибает от джута, а ремесло всегда остается в руках, и ремесленник, продающий без обмана то, что он сделал своими руками – лучший из казахов.

Однако у казахов-ремесленников есть свои пороки.

Во-первых, они не ищут на стороне лучших мастеров, не идут к ним, чтобы перенять их опыт и, переняв, обогнать их. Они довольствуются тем, что умеют делать, и, следуя вековой привычке казахов, спешат завалиться набок.

Во-вторых, они работают лениво. Если заработает ремесленник две-три головы скота, то ему кажется, что он уже разбогател. Он думает: «Вот и у меня есть скот», – и начинает предаваться лени, беспечности и франтовству.

В-третьих, если скажут ремесленнику: «Ты великий мастер и человек большой души» или же: «Братец, что стоит тебе сделать для меня?», – то мастер думает, что люди от него зависят, он гордится, поддается лести и начинает понапрасну тратить свое время на невыгодную работу.

В-четвертых, любит казах-ремесленник проводить время с приятелями. Пройдоха, который льстит ему, давая работу и предлагая свою дружбу, дарит мастеру какой-нибудь пустяк, задабривает его и обманывает.

Мастер чувствует себя в числе важных людей. Он старается изо всех сил, работает, не замечает, что его кругом обманывают. Он вкладывает в работу свой материал, урывает от себя, забывает об одежде, о долгах, а люди наживаются на нем, перепродают то, что он сделал – и так запутываются дела людей. Ремесленники берут в долг чужой скот и отдают его, чтобы расплатиться со старыми долгами. Мастер теряет человеческое достоинство и обращается в ничто.

Отчего получается так, что многие, будучи сами не дураками, легко поддаются обману?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

1. О качестве человека суди по его замыслам, а не по тому, что из них получилось.

2. Как ни прекрасна мысль, но, пройдя через человеческие уста, она бледнеет.

3. Сказав мудрое слово себялюбивому невежде, ты можешь на этом или успокоиться, или досадовать.

4. Помогай достойному; поможешь человеку пустому – себе повредишь.

5. Сын своего отца – недруг народу, сын народа – твой друг.

6. Достойный просит многого, довольствуется малым. Пустой просит мало, а дашь ему больше, он все равно будет недоволен.

7. Трудящийся только для себя – уподобляется скоту, набивающему брюхо. Достойный трудится для человечества.

8. Кто дал Сократу яд, кто сжег Жанну д'Арк, кто распял Христа и заставил Мухамеда прятаться от преследований в трупе верблюда? Толпа! Значит, толпа глупа. Умей направить ее.

9. Человек – дитя своего времени. Но если ты дурен, не обвиняй в этом своих современников.

10. Если б в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим.

11. Одинокий человек – мертвый человек. Горе его окружает. Все, что плохо в нашем мире, – у толпы, но все забавы и веселье тоже у нее. Кто перенесет первое? Кто проживет без второго?

12. Кто не испытывал зла? Теряет надежду лишь безвольный. Ведь истина, что в мире нет ничего постоянного, значит – и зло не вечно. Разве после суровой, многовьюжной зимы не приходит весна – цветущая, многоводная, прекрасная?

13. Кричащий в гневе – смешон, молчащий в гневе – страшен.

14. Успех и счастье пьянят человека: из тысячи лишь один в счастье сохранит настолько разума, чтобы не предстать перед людьми нагим.

14. Если хочешь, чтобы дело ладилось, – сумей за него взяться.

16. Слава – высокая скала. Змея забирается на нее ползком, но сокол достигает ее единым взмахом крыла.

17. Мир – океан. Время, как ветер, гонит волны поколений, сменяющих друг друга. Они исчезают, а океан кажется все тем же.

18. Простолудин, прославленный за ум, – выше царя, увенчанного счастьем. Юноша, продающий свой труд, достойнее старика, торгующего своей бородой.

19. Бойся не черта а жадного попрошайку. Лентяй – всегда ханжа и лицемер.

20. Плохой друг, как тень: в солнечный день беги – не убежишь, в пасмурный день ищи – не сыщешь.

21. Делись тайнами с тем, у кого нет друзей, не дружи с тем, у кого много друзей. Избегай беспечного, утешай опечаленного.

22. Гнев без воли – вдовец, ум без печали – вдовец, ученый без последователей – вдовец, а любовь без верности – вдова.

23. Пока тебя не вознесло счастье, добра тебе желают все. Но возвысило тебя счастье – доброжелатель твой лишь ты сам.

СОРОК ТРЕТЬЕ СЛОВО

Худший человек из числа людей – это человек без стремлений. Но стремления бывают разными. Одни интересны, надежны, другие – пусты. Например, все хотят, чтобы их хвалили; и кстати и некстати душа просит похвалы.

Человек общается и делится мыслями с людьми своей работы, своего круга.

Больше всего желают люди славы и богатства.

Одни жаждут богатства. «Добуду, – думает такой-то, – скупостью, хитростью добуду – все равно как. Ведь богатых не винят». «У богача всегда светлое лицо», – говорит пословица.

Будь собакой и лай, но если ты богат, никто с тобой не будет спорить. Так думают люди, полагая, что богатство даст им пользу и славу. Так думают многие казахи, но это несовместимо с истиной.

Другие хотят прослыть храбрецами или совершить паломничество в Мекку и надеть зеленую чалму. Третьи хотят получить звание муллы, четвертые – прослыть хитрецами, пятые – чтобы их считали знатоками какого-нибудь дела – и все эти люди хотят только поваж-

ничать перед народом. Они шупают пульс казаха, стараются узнать, какое дело ценится сейчас больше всего, и сломя голову принимаются за это дело.

Нет тут истинного порыва и чистой души. Люди заискивают у людей, а не думают о чистоте своей души, и много у них в душе задоринок и зарубок, и разводится в них грязь желаний легкой наживы.

И я вот смотрю на людей и не знаю, с кого брать пример и у кого учиться.

(Үзінділер)

ЖЕТІНШІ СӨЗ

Жас бала анадан туғанда екі түрлі мінезбен туады. Біреуі – ішсем, жесем, ұйықтасам деп тұрады. Бұлар – тәннің құмары, бұлар болмаса, тән жанға қонақ үй бола алмайды, һәм өзі өспейді; қуат таппайды. Біреуі білсем екен демеклік. Не көрсе соған талпынып, жалтыр-жұлтыр еткен болса, оған қызығып, аузына салып, дәмін татып қарап тамағына, бетіне басып қарап, сырнай-керней болса, дауысына ұмтылып, онан ержетінкірегенде ит үрсе де, мал шуласа да, біреу күлсе де, біреу жыласа да тұра жүгіріп, «ол немене?», «бұл немене?» деп, «ол неге үйтеді?», «бұл неге бүйтеді?» деп көзі көрген, құлағы естігеннің бәрін сұрап, тыныштық көрмейді. Мұның бәрі – жан құмары, білсем екен, көрсем екен, үйренсем екен деген.

Дүниенің көрінген һәм көрінбеген сырын түгелдеп, ең болмаса денелеп білмесе, адамдықтың орны болмайды. Оны білмеген соң ол жан адам жаны болмай, хайуан жаны болады. Өзелде Құдай тағала хайуанның жанынан адамның жанын ірі жаратқан, сол әсерін көрсетіп жаратқаны. Сол қуат жетпеген, ми толмаған ессіз бала күндегі «бұл немене, ол немене?» деп бір

нәрсені сұрап білсем екен дегенде, ұйқы, тамақ та есімізден шығып кететұғын құмарымызды, ержеткен соң, ақыл кіргенде, орнын тауып ізденіп, кісісін тауып сұранып, ғылым тапқандардың жолына неге салмайды екеміз?

Сол өрістетіп, өрісімізді ұзартып, құмарланып жиған қазынамызды көбейтсек керек, бұл жанның тамағы еді. Тәннен жан артық еді, тәнді жанға бас ұрғызса керек еді. Жоқ, біз олай қылмадық, ұзақтай шулап, қарғадай баркылдап, ауылдағы боқтықтан ұзамадық, жан бізді жас күнімізде билеп жүр екен. Ержеткен соң, күш енген соң, оған билетпедік. Жанды тәнге бас ұрғыздық, еш нәрсеге көңілменен қарамадық, көзбен қарамадық, көңіл айтып тұрса сенбедік. Көзбен көрген нәрсенің де сыртын көргенге-ақ тойдық. Сырын қалай болады деп көңілге салмадық, оны білмеген кісінің несі кетіпті дейміз. Біреу айтса да, ұқпаймыз. Біреу ақыл айтса: «Өз білгенің – өзіңе, өз білгенім – өзіме», «кісі ақылымен бай болғанша, өз ақылыңмен жарлы бол» деген дейміз, артығын білмейміз, айтып тұрса ұқпаймыз.

Көкіректе сәуле жоқ, көңілде сенім жоқ. Құр көзбенен көрген біздің хайуан малдан неміз артық? Қайта баласы күнімізде жақсы екенбіз. Білсек те, білмесек те, білсек екен деген адамның бала екенбіз. Енді осы күнде, хайуаннан да жаманбыз. Хайуан білмейді, білемін деп таласпайды. Біз түк білмейміз, біз де білеміз деп надандығымызды білімділікке бермей таласқанда, өлер-тірілерімізді білмей, күре тамырымызды адырайтып кетеміз.

СЕГІЗІНШІ СӨЗ

сы ақылды кім үйренеді, насихатты кім тыңдайды?

Біреу – болыс, біреу – би. Олардың ақыл үйренейін, насихат тыңдайын деген ойы болса, ол орынға сайланып та жүрмес еді. Олар өздері де оздық кісіміз, өзіміз біреуге үлгі беріп, ақыл айтамыз деп сайланды. Өздері түзеліп жеткен, енді елді түзерлігі-ақ қалған. Ол не қылып тыңдасын және тыңдайын десе де қолы тие ме? Басында өзіндік жұмысы бар: ұлығымызға жазалы болып қаламыз ба, яки елдегі бұзақыларымызды бүлдіріп аламыз ба, яки халқымызды бүлдіріп аламыз ба, яки өзіміз шығындап, шығынымызды толтыра алмай қаламыз ба? – деген ебіне қарай біреуді жетілтейін, біреуді құтылтайын деген бейнетінің бәрі басында, қолы тимейді.

Байлар, олар өздері де бір күн болса да, дәулет қонып, дүниенің жарымы басында тұр. Өзінде жоқты малыменен сатып алады. Көңілдері көкте, көздері аспанда, адалдық, арамдық, ақыл, ғылым, білім – еш нәрсе малдан қымбат демейді. Мал болса Құдай тағаланы да паралап алса болады дейді. Оның діні, құдайы, халқы, жұрты, білім-ұяты, ары, жақы-

ны, бәрі – мал. Сөзді қайтіп ұқсын, ұғайын десе де, қолы тие ме? Ол малды суармақ, тойғызбақ, саудасын жимақ, күзеттірмек, бақтырмақ, ұры-бөрі, қыс, суық-сұғанақ – солардан сақтанбақ, солардан сақтарлық кісі таппақ. Оның бәрін жайғастырып, аяғын алып келіп, мақтанға орналастыр-ғанша қашан? Қолы тимейді.

Енді ұры-залым, сұм-сүркия өзі де тындамайды.

Онша-мұнша қой жүнді қоңыршалар күнін де көре алмай жүр. Аналар андай болып тұрғанда, білім, ғылым, ақылды не қылсын? Және де білім, ғылым кедейге керегі жоқтай-ақ: «Бізді не қыласың, ана сөзді ұғарлықтарға айт!» дейді. Оның өзгеменен ісі жоқ, ана алдындағы үшеуіндей болған жанның ойында ешбір қайғысы, мұңы болмаса керек.

ТОҒЫЗЫНШЫ СӨЗ

сы мен өзім – қазақтың. Қазақты жақсы көрем бе, жек көрем бе? Егер жақсы көрсем, қылықтарын қостасам керек еді. Уа, әрнәшік бойларынан адам жақсы көрерлік, я көңілге тиянақ қыларлық бір нәрсе тапсам керек еді. Соны не үміт үзбестікке, не онысы болмаса, мұнысы бар ғой деп, көңілге қуат қылуға жаратсам керек еді, ондайым жоқ. Егер жек көрсем – сөйлеспесем, мәжілістес, сырлас, кеңестес болмасам керек еді, тобына бармай, «не қылды, не болды?» демей жату керек еді, ол мүмкін болмаса, бұлардың ортасынан көшіп кету керек еді. Бұларды жөндеймін деуге, жөнделер, үйренер деген үмітім де жоқ. Бұлардың бірі де жоқ. Бұл қалай? Бұл айтқанның бірін тұтпай болмас еді.

Мен өзім тірі болсам да анық тірі де емеспін. Әншейін осылардың ызасынан ба, өзіме-өзім ыза болғанымнан ба, яки бөтен себептен бе, – білмеймін. Сыртым сау болса да ішім өліп қалыпты. Ашулансам, ызалана алмаймын. Күлсем қуана алмаймын, сөйлегенім өз сөзім емес, күлгенім өз күлкім емес, бәрі де әлдекімдікі.

Қайратты күнімде қазақты киып бөтен жаққа кетпек түгіл, өзін жақсы көріп, үміт етіп жүріппін. Қашан әбден біліп, үмітімді үзген кезде, өзге жаққа барып, жатты өз кылып, үйір боларлық қайрат жалын сөніп те қалған екен. Сол себептен бір жүрген қуыс кеудемін. Тегінде ойлаймын: бұ да жақсы, өлер кезде «әттеген-ай, сондай, сондай қызықтарым қалды-ау!» деп қайғылы болмай, алдыңғы тілеу болмаса, артқа алаң болмай өлуге.

ОНЫНШЫ СӨЗ

Біреулер Құдайдан бала тілейді. Ол баланы не қылады? Өлсем орнымды бассын дейді, артымнан құран оқысын дейді, қартайған күнімде асырасын дейді. Осыдан басқасы бар ма?

Балам орнымды бассын демек не сөз? Өзіңнен қалған дүние иесіз қалар дейсің бе? Қалған дүниенің қамын сен жемек пе едің? Өліп бара жатқанда өзгеден қызғанып айтқаның ба? Өзгеге қимайтұғын сенің не қылған артықша орның бар еді.

Баланың жақсысы – қызық, жаманы – күйік, не түрлі боларын біліп сұрадың? Дүниеде өзіңнің көрген қорлығың аз болды ма? Өзіңнің қылған иттігің аз болды ма? Енді бір бала туғызып, оны да ит қылуға, оған да қорлық көрсетуге мұнша неге құмар болдың?

Артымнан балам Құран оқысын десең, тіршілікте өзіңнің жақсылық қылған кісің көп болса, кім Құран оқымайды? Жаманшылықты көп қылсаң, баланың Құраны неге жеткізеді. Тіршілікте өзің қылмаған істі, өлген соң саған балаң кәсіп қылып бере ала ма?

Ахирет үшін бала тілегенің – балам жасында өлсін дегенің. Егерде ержетсін десең, өзі ер-

жетіп, ата-анасын тұзақтан құтқарарлық бала қазақтан туа ма екен? Ондай баланы сендей әке, сенің еліндей ел асырап өсірмек пе екен?

Қартайғанда асырасын десен, о да – бір бос сөз. Әуелі – өзің қаруың қайтарлық қартаюға жетемісің, жоқ па? Екінші – балаң мейірімді болып, асырарлық болып туа ма, жоқ па? Үшінші – малың болса, кім асырамайды? Малың жоқ болса, қай асырау толымды болады? Баланың мал табарлық болары, мал шашарлық болары – ол да екіталай.

Хош, Құдай тағала бала берді, оны өзің жақсы асырай білесің бе? Білмейсің, бұрынғы өз күнәнді өзің көтергеніңменен тұрмай, балаңның күнәсіне тағы да ортақ боласың.

Әуелі балаңды өзің алдайсың: «Әне, оны берем, міне, мұны берем» деп. Баста балаңды алдағаныңа бір мәз боласың. Соңыра балаң алдамшы болса, кімнен көресің? «Бокта!» деп, біреуді боқтатып, «кәпірқианқы, осыған тимендерші» деп, оны масаттандырып, әбден тентектікке үйретіп қойып, сабакқа бергенде молданың ең арзанын іздеп, хат таныса болады деп, қу, сұм бол деп, «пәленшенің баласы сені сыртыңнан сатып кетеді» деп, тірі жанға сендірмей, жат мінез қылып, осы ма берген тәлімің? Осы баладан қайыр күтесің бе?

Және мал тілейсіңдер, неге керек қылайын деп тілейсіңдер? Әуелі, Құдайдан тілеймісің? Тілейсің. Құдай берді, бергенін алмайсың. Құдай тағала саған еңбек қылып мал табарлық қуат берді. Ол қуатты халал кәсіп қыларлық орынға жұмсаймысың? Жұмсамайсың. Ол

куатты орнын тауып сарып қыларды білерлік ғылым берді, оны оқымайсың. Ол ғылымды оқыса, ұғарлық ақыл берді, қайда жібергенінді кім біледі? Ерінбей еңбек қылса, түңілмей іздесе, орнын тауып істесе, кім бай болмайды? Оның саған керегі жоқ. Сенікі – біреуден қорқытып алсаң, біреуден жалынып алсаң, біреуден алдап алсаң болғаны, іздегенің – сол. Бұл – Құдайдан тілеген емес. Бұл – абыройың, арын сатып, адам жаулағандық, тіленшілік.

Хош, сөйтіп жүріп-ақ мал таптың, байыдың. Сол малды сарып қылып, ғылым табу керек. Өзіңе табылмаса балаң тапсын. Ғылымсыз ахирет те жоқ, дүние де жоқ. Ғылымсыз оқыған намаз, тұтқан руза, қылған қаж ешбір ғибадат орнына бармайды. Ешбір қазақ көрмедім, малды иттікпен тапса да, адамшылықпен жұмсаған. Бәрі де иттікпен табады, иттікпенен айырылады. Бейнет, күйігі, ызасы – сол үшеуінен басқа еш нәрсе бойында қалмайды.

Барында баймын деп мақтанады. Жоғында «маған да баяғыда мал бітіп еді» деп мақтанады. Кедей болған соң тағы қайыршылыққа түседі.

ОН ЕКІНШІ СӨЗ

Кімде-кім жақсы дүр, жаман дүр ғибадат қылып жүрсе, оны ғибадаттан тыға аузымыз бармайды, әйтеуір жақсылыққа қылған ниеттің жамандығы жоқ қой дейміз. Ләкин сондай адамдар толымды ғибадатқа ғылымы жетпесе де, қылса екен. Бірақ оның екі шарты бар, соны білсе екен. Әуел – иманның иғтиқатын махкамлемек керек, екінші – үйреніп жеткенше осы да болады ғой демей, үйрене берсе керек. Кімде-кім үйреніп жетпей жатып, үйренгенін қойса, оны Құдай ұрды, ғибадаты ғибадат болмайды. Уа ләкин, кімде-кім иман неше нәрсе бірлән кәмеләт табатұғынын уа неше жерден бұзылатұғынын білмей, басына шалма орап, бірәдар атын көріп, рузашыл, намазшыл болып жүргені көңілге – қалың бермей тұрып жыртысын салғанға ұқсайды.

Күзетшісіз, ескерусіз иман тұрмайды, ықыласымен өзін-өзі аңдып, шын діни шыншылдап жаны ашып тұрмаса, салғырттың иманы бар деп болмайды.

ОН БЕСІНШІ СӨЗ

А қылды кісі мен ақылсыз кісінің, менің білуімше, бір белгілі паркын көрдім.

Әуелі – пенде адам болып жаратылған соң, дүниеде ешбір нәрсені қызық көрмей жүре алмайды, сол қызықты нәрсесін іздеген кезі өмірінің ең қызықты уақыты болып ойында қалып.

Сонда есті адам, орынды іске қызығып, құмарланып, іздейді екен-дағы, күнінде айтса құлақ, ойласа көңіл сүйсінгендей болады екен. Оған бұл өткен өмірдің өкініші де жоқ болады екен.

Есер кісі орнын таппай, не болса сол бір баянсыз, бағасыз нәрсеге қызығып, құмар болып, өмірінің қызықты, қымбатты шағын ит-қорлықпен өткізіп алады екен-дағы, күнінде өкінгені пайда болмайды екен. Жастықта бұл қызықтан соң және бір қызық тауып алатын кісімсіп, жастығы тозбастай, буыны босамастай көріп жүріп бірер қызықты қуғанда-ақ мойны қатып, буыны құрып, екінші талапқа қайрат қылуға жарамай қалады екен.

Үшінші – әрбір нәрсеге қызықпақтық. Ол өзі бойға құмарлық пайда қылатын нәрсе екен. Әрбір құмарлық өзіне бір түрлі дерт болады

екен, уа әрбір құмар болған нәрсеге жеткенде, яки әне-міне, жетер-жетпес болып жүргенде, бір түрлі мастық пайда болады екен.

Әрбір мастық бойдан оғатты көп шығарып, ақылдың көзін байлап, төңіректегі қараушылардың көзін ашып, «ананы, мынаны» дегізіп, бойды сынататұғын нәрсе екен.

Сол уақытта есті кісілер үлкен есі шықпай, ақылды қолдан жібермей, бойын сынатпай жүріп ізденеді екен.

Есер кісі ер-тоқымын тастап, бөркі түсіп қалып, етігі атының к...н жауып кетіп, екі көзі аспанда, жынды кісіше шаба беруді біледі екен, соны көрдім.

Егерде есті кісілердің қатарында болғын келсе, күнінде бір мәртебе, болмаса жұмасында бір, ең болмаса, айында бір, өзіңнен өзің есеп ал! Сол алдыңғы есеп алғаннан бергі өміріңді қалай өткіздің екен, не білімге, не ахиретке, не дүниеге жарамды, күнінде өзің өкінбестей қылықпен өткізіппісің?

Жоқ, болмаса, не қылып өткізгеніңді өзінде білмей қалыппысың?

К

ОН ЖЕТІНШІ СӨЗ

Қайрат, ақыл, жүрек үшеуі өнерлерін айтысып таласып келіп, Ғылымға жүгініпті.

Қайрат айтыпты: Ей, Ғылым, өзін білесің ғой, дүниеде еш нәрсе менсіз кәметке жетпейтұғынын; әуел өзінді білуге, ерінбей, жалықпай үйрену керек, ол менің ісім, Құдайға лайықты ғибадат қылып, ерінбей, жалықпай орнына келтірмек те – менің ісім. Дүниеге лайықты өнер, мал тауып, абұйыр, мансапты енбексіз табуға болмайды. Орынсыз, болымсыз нәрсеге үйір қылмай, бойды таза сақтайтұғын, күнәкәрліктен, көрсеқызар жеңілдіктен, нәфсі шайтанның азғыруынан құтқаратұғын, адасқан жолға бара жатқан бойды қайта жиғызып алатұғын мен емес пе? Осы екеуі маған қалай таласады? – депті.

Ақыл айтыпты: Не дүниеге, не ахиретке не пайдалы болса, не залалды болса, білетұғын – мен, сенің сөзіңді ұғатұғын – мен, менсіз пайданы іздей алмайды екен, залалдан қаша алмайды екен, ғылымды ұғып үйрене алмайды екен, осы екеуі маған қалай таласады? Менсіз өздері неге жарайды? – депті.

Онан соң жүрек айтыпты:

Мен – адамның денесінің патшасымын, қан менен тарайды, жан менде мекен қылады, менсіз тіршілік жоқ. Жұмсақ төсекте, жылы үйде тамағы тоқ жатқан кісіге төсексіз келмейдің, тонып жүрген киімсіздің, тамақсыз аштың күй-жәйы қандай болып жатыр екен деп ойлатып, жанын ашытып, ұйқысын ашылтып, төсегінде дөңбекшітетұғын – мен. Үлкеннен ұят сақтап, кішіге рақым қылдыратын – мен, бірақ мені таза сақтай алмайды, ақырында қор болады. Мен таза болсам, адам баласын алаламаймын: жақсылыққа елжіреп, еритұғын – мен, жаманшылықтан жиреніп, тулап кететұғын – мен, әділет, нысап, ұят, рақым, мейірбаншылық дейтұғын нәрселердің бәрі менен шығады, менсіз осылардың көрген күні не? Осы екеуі маған қалай таласады? – депті.

Сонда Ғылым бұл үшеуінің сөзін тыңдап болып, айтыпты:

– Ей, қайрат, сенің айтқаныңның бәрі де рас. Ол айтқандарыңнан басқа да көп өнерлеріңнің бары рас, сенсіз болмайтұғыны да рас, бірақ қаруыңа қарай қаттылығың да мол, пайдан да мол, залалың да мол, кейде жақсылықты берік ұстап, кейде жамандықты берік ұстап кетесің, соның жаман, – депті.

– Ей, ақыл! Сенің айтқандарыңның бәрі де рас. Сенсіз еш нәрсе табылмайтұғыны да рас. Жаратқан тәңіріні де сен танытасың, жаралған сәкі дүниенің жайын да сен білесің. Бірақ сонымен тұрмайсың, амал да, айла да – бәрі сенен шығады. Жақсының, жаманның – екеуінің де

сүйенгені сен; екеуінің де іздегенін тауып беріп жүрсің, соның жаман, – депті.

– Сен үшеуіңнің басыңды қоспақ – менің ісім, – депті. Бірақ сонда билеуші, әмірші жүрек болса жарайды. Ақыл, сенің қырың көп, жүрек сенің ол көп қырыңа жүрмейді: Жақсылық айтқанына жаны-діні құмар болады. Көнбек түгіл қуанады. Жаманшылық айтқанына ермейді. Ермек түгіл жиреніп, үйден қуып шығарады. Қайрат, сенің қаруың көп, күшің мол, сенің де еркіңе жібермейді. Орынды іске күшінді аятпайды. Орынсыз жерге қолыңды босатпайды. Осы үшеуің басыңды қос, бәрін жүрекке билет, – деп ұқтырып айтушының аты Ғылым екен.

Осы үшеуің бір кісіде менің айтқанымдай табылсаңдар, табанының топырағы көзге сүртерлік қасиетті адам сол.

Үшеуің ала болсаң, мен жүректі жақтадым.

Құдайшылық сонда, қалпыңды таза сақта, Құдай тағала қалпыңа әрдайым қарайды деп кітаптың айтқаны осы, – депті.

ОН СЕГІЗІНШІ СӨЗ

дам баласына жыртықсыз, кірсіз, сыпайы киініп, һәм ол киімін былғап, былжыратып кимей, таза кимек – дұрыс іс. Ләкин өз дәулетінен артық киінбек, не киімі артық болмаса да көңіліне қуат тұтып, тым айналдырмақ – кербездің ісі.

Кербездің екі түрлі қылығы болады: бірі – бетпішінің, сакал-мұртын, мүшесін, жүрістұрысын, қас-қабағын қолдан түзеп, шынтағын қотеріп, қолын тарақтап әуре болмақ. Біреуі – ағын, киімін «айран ішерім» деп, солардың арқасында сыпайы жұғымды жігіт атанбаққа, өзінен ілгерілерге елеулі болып, өзі қатардың ішін күйдіріп, өзінен кейінгіге «әттең дүние-ай, осылардың атындай ат мініп, киіміндей киім кигеннің не арманы бар екен?!» дейтұғын болмаққа ойланбақ.

Мұның бәрі – масқаралық, ақымақтық.

Мұны адам бір ойламасын, егер де бір ойласа қайта адам болмағы қиын іс.

Кербез дегенді осындай кер, кердең нәмеден безіндер деген сөзге ұқсатамын. Тегінде адам баласы адам баласынан ақыл, ғылым, ар, мінез деген нәрселермен озбақ.

Онан басқа нәрселермен оздым ғой демектің бәрі де – ақымақтық.

ОН ТОҒЫЗЫНШЫ СӨЗ

Адам ата-анадан туғанда есті болмайды: естіп, көріп, ұстап, татып ескерсе, дүниедегі жақсы, жаманды таниды-дағы, сондайдан білгені, көргені көп болған адам білімді болады. Естілердің айтқан сөздерін ескеріп жүрген кісі өз де есті болады. Әрбір естілік жеке өзі іске жарамайды. Сол естілерден естіп білген жақсы нәрселерін ескерсе, жаман дегеннен сақтанса, сонда іске жарайды, соны адам десе болады.

Мұндай сөзді есіткенде шайқақтап, шалықтанып не салбырап, салғырттанып есітсе, не есіткен жерін қайта қайырып сұрап ұғайын деп тұшынбаса, не сол жерде сөздің расына көзі жетсе де, шыға беріп қайта қалпына кетсе, естіп-есітпей не керек?

Осындай сөз танымайтұғын елге сөз айтқанша, өзіңді танитұғын шошқаны баққан жақсы деп бір хакім айтқан екен, сол секілді сөз болады.

ЖИЫРМА БЕСІНШІ СӨЗ

Алаларды оқытқан да жақсы, бірақ құлшылық қыларлық қана, түркі танырлық қана таза оқытса болады. Аның үшін бұл жер Дар әл-Харб, мұнда әуелі мал табу керек, онан соң ғараб, парсы керек. Қарны аш кісінің көңіліне ақыл, бойында ар, ғылымға құмарлық қайдан тұрсын? Ашап-ішуге малдың тапшылығы да, ағайынның араздығына уа әр түрлі бәлеге, ұрлық, зорлық, қулық, сұмдық секілді нәрселерге үйірлендіруге себеп болатұғын нәрсе. Мал тапса, қарын тояды. Онан соң білім түгіл өнер керек екен. Соны үйрене йін, не балама үйретейін деп ойына жақсы түседі.

Орысша оқу керек, хикмет те, мал да, өнер де, ғылым да – бәрі орыста тұр. Зарарынан қашық болуға, пайдасына ортақ болуға тілін, оқуың, ғылымын білмек керек. Аның үшін олар дүниенің тілін білді, мұндай болды. Сен оның тілін білсең, көкірек-көзің ашылады. Әрбіреудің тілін, өнерін білген кісі соныменен бірдейлік дағуасына кіреді, аса арсыздана жалынбайды. Дінге де жақсы – білгендік.

Жорғалықпенен көңілін алсам екен дегән надан әке-шешесің, ағайын-жұртың, дінін адамшылығын жаурыннан бір қаққанға сатады. Тек

майырдың күлгені керек деп, к... ашылса да қам жемейді. Орыстың ғылымы, өнсірі – дүниенің кілті, оны білгенге дүние арзанырақ түседі. Ләкин осы күнде орыс ғылымын баласына үйреткән жандар соның қаруымен тағы қазақты аңдысам екен дейді. Жоқ, олай ниет керек емес. Малды қалай адал еңбек қылғанда табады екен, соны үйретейін, мені көріп және үйренушілер көбейсе, ұлықсыған орыстардың жұртқа бірдей заңы болмаса, заңсыз қорлығына көнбес едік. Қазаққа күзетші болайын деп, біз де ел болып, жұрт білгенді біліп, жұрт қатарына қосылудың қамын жейік деп ниеттеніп үйрену керек. Қазірде орыстан оқыған балалардан артық жақсы кісі шыға алмай да тұр. Себебі: ата-анасы, ағайын-туғаны бір жағынан бұзып жатыр. Сөйтсе де осы оқыған балалар – ана оқымаған қазақ балаларынан үздік, озық. Не қылса да сөзді ұқтырса болады оларға. Жақсы атаның балалары да көп оқыған жоқ, қайта кедейдің баласын орысқа қорлап берді. Олар осыдан артық қайда барсын?

Және де кейбір қазақтар ағайынымен араздасқанда: «Сенің осы зорлығыңа көнгенше, баламды солдатқа беріп, басыма шаш, аузыма мұрт қойып кетпесем бе!» деуші еді. Осындай жаман сөзді, Құдайдан қорықпай, пендеден ұялмай айтқан қазақтардың баласы оқығанменен не бола қойсын? Сонда да өзге қазақ балаларынан артық үйренгені немене, қай көп үйреніпті? Кірді, шықты, ілді, қайтты, түбегейлеп қуған бала да жоқ. Әкесі ел ақшасыменен

оқығанға әрең оқытады, өз малын не қылып шығарсын?

Турасын ойлағанда, балаңа қатын әперме, енші берме, барыңды салсаң да, орыстың ғылымын үйрет! Мына мен айтқан жол – мал аяр жол емес.

Құдайдан қорық, пендеден ұял, балаң бала болсын десең – оқыт, мал аяма?

Әйтпесе, бір ит қазақ болып қалған соң, саған рақат көрсетер ме, өзі рақат көрер ме, яки жұртқа рақат көрсетер ме?

Білім-ғылым үйренбекке талап қылушыларға әуелі білмек керек. Талаптың өзінің біраз шарттары бар. Оларды білмек керек. Оларды білмей, іздегенмен табылмас.

Әуелі – білім-ғылым табылса, дүниенің бір қызықты нәрсесіне де керек болар еді деп іздемекке керек. Аның үшін білім-ғылымның өзіне ғана құмар ынтық болып, бір ғана білмектіктің өзін дәулет білсең һәм әр білмегенінді білген уақытта көңілде бір рахат хұзур хасил болады. Сол рахат білгенінді берік ұстап, білмегенінді тағы да сондай білсем екен деп үміттенген құмар, махаббат пайда болады. Сонда әрбір естігенінді, көргенінді көңлің жақсы ұғып, анық өз суретімен ішке жайғастырып алады.

Егер дін көңілің өзге нәрседе болса, білім-ғылымды бірақ соған себеп қана қылмақ үшін үйренсең, ондай білімге көңіліңнің мейірімі, асырап алған шешеннің мейірімі секілді болады. Адам көңілі шын мейірленсе, білім-ғылымның өзі де мейірленеді, тезірек қолға түседі. Шала мейір шала байқайды.

Екінші – ғылымды үйренгенде, ақиқат мақсатпен білмек үшін үйренбек керек. Бахасқа бола үйренбе, азырақ бахас көңліңді пысықтан-

дырмақ үшін залал да емес, көбірек бахас адамды түземек түгіл, бұзады. Аның себебі әрбір бахасшыл адам хақты шығармақ үшін ғана бахас қылмайды, жеңбек үшін бахас қылады. Ондай бахас хасудшілікті зорайтады, адамшылықты зорайтпайды. Бәлкім азайтады. Және мақсаты ғылымдағы мақсат болмайды, адамды шатастырып, жалған сөзге жеңдірмекші болады. Мұндай қиял өзі де бұзықтарда болады. Жүз тура жолдағыларды шатастырушы кісі бір қисық жолдағы кісіні түзеткен кісіден садаға кетсін! Бахас – өзі де ғылымның бір жолы, бірақ оған хирслану жарамайды. Егер хирсланса, өз сөзімшіл ғурурлық, мақтаншақтық, хүсідшілік бойын жеңсе, ондай кісі адам бойына қорлық келтіретуғын өтіріктен де, өсектен де, ұрсып-тобелесуден де қашық болмайды.

Үшінші – әр хакикатқа тырысып иждиһа-тыңмен көзің жетсе, соны тұт, өлсең айрылма! Егерде ондай білгендігің өзіңді жеңе алмаса, кімге пұл болады? Өзің құрметтемеген нәрсеге бөтеннен қайтіп құрмет күтесің?

Төртінші – білім-ғылымды көбейтуге екі қару бар адамның ішінде: бірі мұлахаза, екінші – мұхафаза. Бұл екі қуатты зорайту жаһатінде болмақ керек. Бұлар зораймай, ғылым зораймайды.

Бесінші – осы сөздің он тоғызыншы бабында жазылған ақыл кеселі деген төрт нәрсе бар. Содан қашық болу керек. Соның ішінде уайымсыз салғырттық деген бір нәрсе бар, зинар, жаным, соған бек сак бол, әсіресе! Әуелі құданың, екінші – халықтың, үшінші – дәу-

леттін, төртінші – ғибраттың, бесінші – ақылдың, ардың бәрінің дұшпаны ол Ар бар жерде бұлар болмайды.

Алтыншы – ғылымды, ақылды сақтайтұғын мінез деген сауыты бар. Сол мінез бұзылмасын! Көрсеқызарлықпен, жеңілдікпен, я біреудің орынсыз сөзіне, я бір кез келген қызыққа шайқалып қала берсең, мінездің беріктігі бұзылады. Онан соң оқып үйреніп те пайда жоқ. Қоярға орны жоқ болған соң, оларды қайда сақтайсың? Қылам дегенін қыларлық, тұрам дегенінде тұрарлық, мінезде азғырылмайтын ақылды, арды сақтарлық беріктігі, қайраты бар болсын? Бұл бір ақыл үшін, ар үшін болсын!

ОТЫЗ ҮШІНШІ СӨЗ

гер де мал керек болса, колөнер үйрен-
бек керек. Мал жұтайды, өнер жұтамайды. Ал-
дау қоспай адал еңбегін сатқан қолөнерлі –
қазақтың әулиесі сол Бірақ Құдай тағала қолы-
на аз-маз өнер берген қазақтың кеселдері бо-
лады.

Әуелі – бұл ісімді ол ісімнен асырайын деп,
артық ісмерлер іздеп жүріп көріп, біраз істес
болып, өнер арттырайын деп, түзден өнер ізде-
мейді. Қолындағы аз-мұзына мақтанып, осы да
болады деп, баяғы қазақтың талапсыздығына
тартып, жатып алады.

Екінші – ерінбей істей беру керек қой. Бір-
скі қара табылса, малға бөге қалған кісімсіп,
«маған мал жоқ па?» дегендей қылып, еріншек,
жалқау, салғырт, кербездікке салынады.

Үшінші – «дарқансың ғой, өнерлісің ғой,
шырағым», немесе «ағеке, нең кетеді осы
ғанамды істеп бер!» дегенде маған да біреу жа-
лынарлыққа жеткен екенмін деп мақтанып
кетіп, пайдасыз алдауға, қу тілге алданып, өзінің
уақытын өткізеді. Және анаған дүниенің қызығы
алдауды білген дегізіп, көңілін де мақтанды-
рып кетеді.

Төртінші – тамыршылдау келеді. Бағанағы алдамшы шайтан тамыр болалық деп, бір болымсызын берген болып, артынан үйтемін-бүйтемін, қарық қыламын, тамырым, досым десе, мен де керектінің бірі болып қалыппын ғой деп және жасынан іс істеп үйден шықпағандық қылып, жоқ-барға тырысып, алдағанды білмей, дереу оның жетпегенін жеткіземін деп, тіпті жетпесе өзінен қосып, қылып бер дегенінің бәрін қылып беріп, күні өтіп еңбек қылар уақытынан айрылып, «жоғары шыққа» қарық болып, тамақ, киім, борыш есінен шығып кетіп, енді олар қысқан күні біреудің малын бұлдап қарызға алады. Оны қылып берейін, мұны қылып берейін деп сонымен табысы құралмай, борышы асып, дауға айналып, адамшылықтан айрылып, қор болып кетеді. Осы несі екен? Қазақтың баласының өзі алдағыш бола тұрып және өзі біреуге алдатқыш болатындығы қалай?

ОТЫЗ ЖЕТІНШІ СӨЗ

1. Адамның адамшылығы істі бастағандығынан білінеді, қалайша бітіргендігінен емес.

2. Көңілдегі көрікті ой ауыздан шыққанда өңі қашады.

3. Хикмет сөздер өзімшіл наданға айтқанда, көңіл уанғаны да болады, өшкені де болады.

4. Кісіге біліміне қарай болыстық қыл: тағымсызға қылған болыстық адамды бұзады.

5. Әкесінің баласы – адамның дұспаны. Адамның баласы – бауырын.

6. Ер артық сұраса да азға разы болады. Ез аз сұрар, артылып берсең де разы болмас.

7. Өзің үшін еңбек қылсаң, өзі үшін оттаған хайуанның бірі боласың; адамшылықтың қарызы үшін еңбек қылсаң, Алланың сүйген құлының бірі боласың.

8. Сократқа у ішкізген, Ионна Аркті отқа ортеген, Ғайсаны дарға асқаң, пайғамбарымызды түйенің жемтігіне көмген кім? Ол – көп, ендеше, көпте ақыл жоқ. Ебін тап та, жөнге сал.

9. Адам баласын замана өстіреді, кімде-кім жаман болса, замандасының бәрі виноват.

10. Мен егер закон қуаты қолымда бар кісі болсам, адам мінезін түзеп болмайды деген кісінің тілін кесер едім.

11. Дүниеде жалғыз қалған адам – адамның өлгені. Қапашылықтың бәрі соның басында. Дүниеде бар жаман да көпте, бірақ қызықта, ермек те көпте. Бастапқыға кім шыдайды? Соңғыға кім азбайды?

12. Жамандықты кім көрмейді. Үмітін үзбек – қайратсыздық. Дүниеде еш нәрседе баян жоқ екені рас, жамандық та қайдан баяндап қалады дейсің! Қары қалың қатты қыстың артынан көгі қалың, көлі мол жақсы жаз келмеуші ме еді!

13. Ашулы адамның сөзі аз болса, ыза қуаты артында болғаны. Егер де аузынан қара қан ағызса, домбыт мақтаншақ я қорқақ.

14. Қуанбақтық пен бақ – мастықтың үлкені, мыңнан бір кісі-ақ к...н ашпайтұғын, ақылы бойында қалады.

15. Егер ісім өңсін десең, ретін тап.

16. Биік мансап – биік жартас, ерінбей еңбектеп жылан да шығады, екпіндеп ұшып қыран да шығады. Жікшіл ел жетпей мақтайды, желөкпелер шын деп ойлайды.

17. Дүние – үлкен көл, заман – соққан жел, алдыңғы толқын – ағалар, артқы толқын – інілер, кезекпенен өлінер, баяғыдай көрінер.

18. Бақпен асқан патшадан, мимен асқан қара артық; сақалын сатқан кәріден, еңбегін сатқан бала артық.

19. Тоқ тіленші – адам сайтаны, харакетсіз сопы – монтаны.

20. Жаман дос – көленке, басыңды күн шалса, қашып құтыла алмайсың; басыңды бұлт шалса, іздеп таба алмайсың.

21. Досы жоқпен сырлас, досы көппен сыйлас. Қайғысыздан сақ бол, қайғылыға жақ бол.

22. Қайратсыз ашу – тұл, тұрлаусыз ғашық – тұл, шәкіртсіз ғалым – тұл.

23. Бағың өскенше тілеуінді ел де тілейді, өзін де тілейсің, бағың өскен соң – өзін ғана тілейсің.

ҚЫРЫҚ ҮШІНШІ СӨЗ

дам ұғылы екі нәрсебірлән: бірі – тән, бірі – жан. Ол екеуінің орталарында болған нәрселердің қайғысысы жибили қайсысы кәсиби оны білмек керек.

Ішсем, жесем демектің басы – жибили, ұйықтамақ та соған ұқсайды. Аз ба, көп пе, білсем екен, көрсем екен деген арзу, бұлардың да басы – жибили. Ақыл, ғылым – бұлар – кәсиби. Көзбенен көріп, құлақпен естіп, қолмен ұстап, тілмен татып, мұрынмен иіскеп тыстағы дүниеден хабар алады.

Ол хабарлардың ұнамдысы ұнамды қалпыменен, ұнамсызы ұнамсыз қалпыменен, әрнешік өз суретіменен көңілге түседі. Ол көңілге түсіруші бағанағы бес нәрседен өткен соң, оларды жайғастырып көңілде суреттемек.

Ол – жанның жибили қуаты дүр, бірі ұмытпастық жақсы нәрседен көңілге жақсы әсер хасил болып, жаман нәрседен көңілге жаман әсер хасил болу секілді нәрселер. Бұл қуаттар әуелден кішкене ғана болады. Ескеріп баққан адам үлкейтіп, ұлғайтып, ол қуаттардың қуатын зорайтады. Ескерусіз қалса, ол қуаттың қайсысы болса да жоғалады, тіпті жоғалмаса да, аз-маз

нәрсе болмаса, үлкен еш нәрсеге жарамайтын болады.

Кімде-кім сырттан естіп білу, көріп білу секілді нәрселерді көбейтіп алса, ол – көп жиғаны бар адам: сынап, орындысын, орынсызын – бәрін де бағанағы жиған нәрселерінен есеп қылып, қарап табады. Бұлай етіп бұл харекетке түсінген адамды ақылды дейміз.

«Құдай тағала өзі ақыл бермеген соң қайттейік?» демек, «Құдай тағала сені менен мені бірдей жаратып па?» демек – Құдай тағалаға жала жауып, өзін құтқармақ болғандығы. Бұл – ойсыз, өнерсіз надан адамның ісі.

Оған Құдай тағала көрме, есітпе, естіген, көргенінді ескерме, есіңе сақтама деп пе? Ойын-күлкімен, ішпек-жемек, ұйықтамақпен, мақтанмен әуре бол да, ішіндегі қазынаңды жоғалтып алып, хайуан бол деген жоқ.

Кейбіреулер айтады: «Ақыл жибили болмаса да, талап – жибили. Талап берген адам ақылды тапты. Талабы жоқ кісі таба алмады» – дейді. О да бекер.

Талап балада да бар, оған талас қылуға болмайды. Бағана айттық қой, жан қуаты басында кішкене болады, ескермесе жоғалып та кетеді, ескерсе, күтіп айналдырса зораяды деп. Жан қуатыменен адам хасил қылған өнерлері де күнде тексерсең, күнде асады. Көп заман тексермесең, тауып алған өнеріңнің жоғалғандығын және өзіңнің ол мезгілдегіден бір басқа адам болып кеткенінді білмей қаласың. Қай жоғалған өнер ал, мен жоғалдым деп, хабар беріп

жоғалады. Енді, қусаң, бағанағы әуелгі табуыңнан қиынырақ тиеді.

Жан қуаты дейтұғын қуат – бек көп нәрсе, бәрін мұнда жазарға уақыт сыйғызбайды. Бірақ әрбір өнердің тыстан тауып алып ішке салғанын, соның тамырын берік ұстап тұруға жараушы еді. Көп заман ескермеген адамнан ол бағанағы өнердің өзінің ең қызықты, қымбатты жерлері жоғала бастайды. Онан соң көп заман өтсе, сол өнерді сақтайтұғын қуаттың өзі де жоғалады. Онан соң қайта кәсіп қылуға болмайды.

Бұл қуаттың ішінде үш артық қуат бар, зинһар соны жоғалтып алу жарамас, ол жоғалса, адам ұғылы хайуан болды, адамшылықтан шықты.

Біреуі орысша «подвижной элемент» – деп аталады. Ол не нәрсе? Не көрдің, не есіттің, әрнешік білдің, соны тездікпенен ұғып, ұққандықпенен тұрмай, арты қайдан шығады, алды қайда барады, сол екі жағына да ақылды жіберіп қарамаққа тез қозғап жібереді. Егер бұл болмаса, көп білуге көп оқу оңды пайда да бермейді. Керекті уақытында ойламай, керекті уақытында қылмай, керекті уақытында айтпай, дәйім уақытынан кеш қалып, «Әй, әттеген-ай! Үйтуім екен, бүйтуім екен» деп, өмір бойы ғафил болып-ақ отырғаның.

Біреуін орысша «сила притягательная однородного» – дейді. Ол – бір нәрсені естіп, көріп білдің, хош келді, кәзір соған ұқсағандарды тексересің. Түгел ұқсаған ба? Яки бір ғана жерден ұқсағандығы бар ма? Әрнешік сол іске бір келіскен жері бар нәрселердің бәрін ойлап,

білгенін тексеріп, білмегенін сұрап, оқып, бөтеннен хабарланып білмей, тыншытпайды.

Үшіншісі, орысша «впечатлительность сердца» – дейді, яғни жүректі мақтаншақтық, найдакүнемдік, жеңілдік, салғырттық – бұл горт нәрсебірлән кірлетпей таза сақтаса, сонда сырттан ішке барған әр нәрсенің суреті жүректің айнасына анық рәушан болып түседі. Ондай нәрсе тұла бойыңа жайылады, тез ұмыттырмайды. Егер де бағанағы төрт нәрсемен жүректі кірлетіп алсаң, жүректің айнасы бұзылады, я қисық, я күңгірт көрсетеді. Енді ондай нәрседен оңды ұғым болмайды.

Әрнәшік тән қуатыменен сырттан тауып, сыртта сақтайсыз, оның аты дәулет еді. Оның да неше түрлі кеселі, кесепаты бар нәрселерін білмесең, сақтай алмаушы едің ғой. Соған ұқсаған іштегі жан қуатыменен жиған нәрсенің аты ақыл, ғылым еді ғой. Оның да неше түрлі кеселі, кесепаты тиер нәрселері бар. Оны білмесең, бақпасаң – айрыласың. Және әрбір жақсы нәрсенің өлшеуі бар, өлшеуінен асса – жарамайды. Өлшеуін білмек – бір үлкен керек іс. Ойланбақ жақсы, іске тіпті салынып кеткен кісі ойын байлай алмай, қияли болып та кеткені болады.

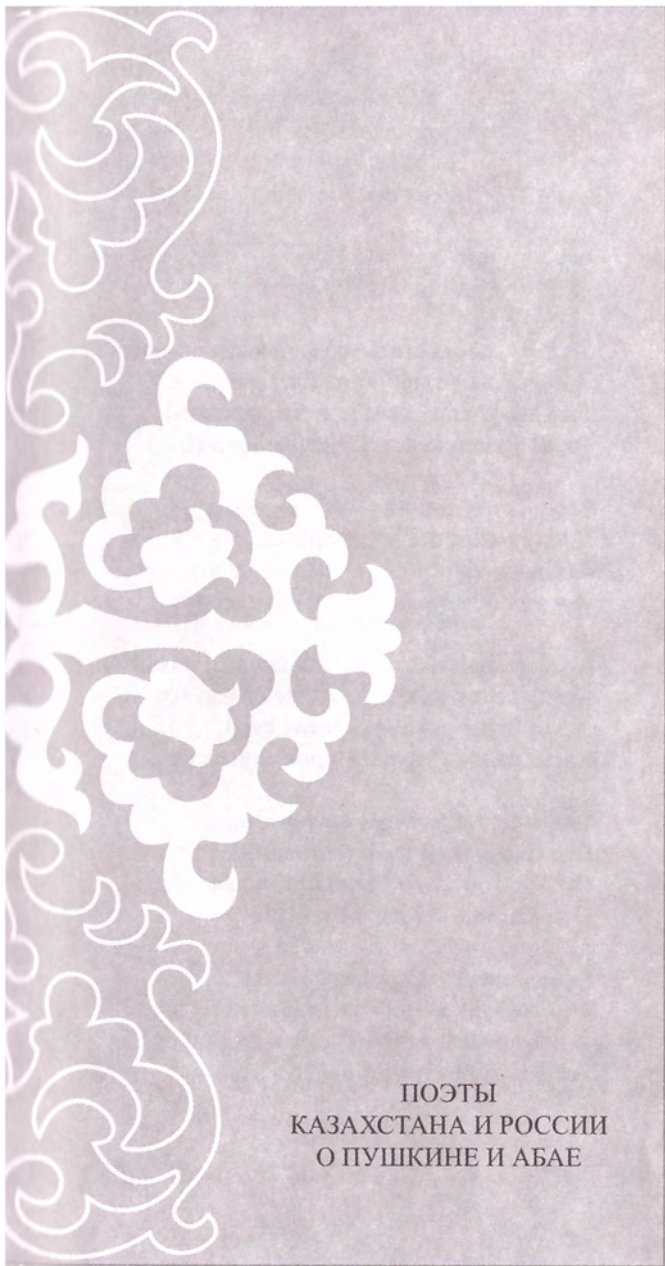
Ішпек, жемек, кимек, күлмек, көңіл көтермек, құшпақ, сүймек, мал жимақ, мансап іздемек, айлалы болмақ, ал данбастық – бұл нәрселердің де өлшеуі бар. Өлшеуінен асырса, боғы шығады.

«Ненің қызығын көп іздесең, соның күйігін бір тартасың» деген бұрынғы ғалымдар. Баз махфи олмая ол, мен айтқан үш қуаттың ішінде

екеуі, яғни «сила притягательная однородного» бірлән «подвижной элемент» – бұл екеуі қосылып тұра тұрған нәрсе, күллі пайда да бұлардан шығады, уа күллі зарар да бұлардан шығады. Мансап сүйгіштік, мақтаншақтық, ашуланшақтық, өтірікшілік, осыған ұқсаған әрбір маскүнемдікке тартып, құмар қылып, ақылдан шығарып жіберетұғын нәрселер осы екеуінен болады. Бұларды түбегейлеткенде жақсы нәрселерді түбегейлетіп, жаман нәрселерден, яғни жоғары айтылмыш секілді адамшылықтан шығарып, құмарпаздыққа салып жіберетұғын нәрседен бойды ерте тыйып алуға керек.

Пайда, залалды айыратұғын қуаттың аты ақыл еді ғой. Бір ақыл қуатыбірлән мұны тоқтатып болмайды, һәм ақыл, һәм қайрат – екі мықты қуат қосылып тоқтатады. Ол екеуі кімде бар болса, бағанағы екі қуат мұнан салсаң онан шығатын бір жорға атпенен тең.

Егерде бұл екі қуаттың екеуі де аз болса, яки бірі бар, бірі жоқ болса, бағанағы екі қуаттар – бір басы қатты асау ат, жүгенсіз тауға ұра ма, тасқа ұра ма, суға ұра ма, жарға ұра ма – Құдай білсін, әйтеуір жолда көрген есті, ақылы дұрыс адамдар әлі де сұрамай да қалады. Сенде ерік жоқ. Екі етек жайылып, екі көзің аспанда, маскара болып кеткенің өлгеніңше.

ПОЭТЫ
КАЗАХСТАНА И РОССИИ
О ПУШКИНЕ И АБАЕ

М ПАМЯТИ
ПУШКИНА

Мы чтить тебя привыкли с юных лет,
И дорог нам твой образ благородный.
Ты рано смолк, но в памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэт!

Бессмертен тот, чья муза до конца
Добру и красоте не изменяла,
Кто волновать умел людей сердца
И в них будить стремленье к идеалу.

Кто сердцем чист средь пошлости людской,
Средь лжи кто верен правде оставался
И кто берег ревниво светоч свой,
Когда на мир унылый мрак спускался.

И все еще горит нам светоч тот,
Все гений твой пути нам освещает,
Чтоб духом мы не пали средь невзгод,
О красоте и правде он вещает.

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы.
В продажный век, век лжи и грубой силы,
Зовешь добру и истине служить.

Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный.
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!

П 26-е МАЯ
оэт нам дорог тем, что он
О счастье нам напоминает
И сумрак жизни озаряет,
Как солнце хмурый небосклон.

Дни славы Пушкина – желанный
И светлый праздник. Сколько раз
Его мечты во мгле туманной,
Как солнце, радовали нас!

И этот миг, когда венчает
Его вся Русь, – еще тесней
С его душою нас сближает
И в жизнь, и в счастье, и в людей
Нам веру гордую вселяет.

ПУШКИНСКОМУ
ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
 Не пустой для сердца звук!
Это – звоны ледохода.
 На торжественной реке,
Переключка парохода
 С пароходом вдалеке.
Это – древний Сфинкс, глядящий
 Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
 На недвижимом скакуне.
Наши страстные печали
 Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
 Белой ночью огневой.
Что за пламенные дали
 Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
 А грядущие века.
Пропуская дней гнетущих
 Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
 Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
 Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
 Помоги в немой борьбе!
Не твоих ли звуков сладость
 Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
 Окрыляла нас тогда?
Вот зачем такой знакомый
 И родной для сердца звук
Имя Пушкинского Дома
 В Академии Наук.
Вот зачем, в часы заката
 Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
 Тихо кланяюсь ему.

М ПУШКИНУ

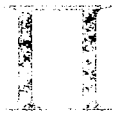
Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе –
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

НА ПЛОЩАДИ
ПУШКИНА

Поэт красивым должен быть, как бог.
Кто видел бога? Тот, кто видел Пушкина.
Бог низкоросл, черен, как сапог,
с тяжелыми арапскими губами.
Зато Дантес был дьявольски высок,
и белолиц, и бледен, словно память.
Жена поэта – дивная Наталья.
Ее никто не звал Наташей.
Она на имени его стояла,
как на блистающем паркете зала,
вокруг легко скользили кавалеры,
а он, как раб, глядел из-за портьеры,
сжимая плотно рукоять ножа.
«Скажи, мой господин, чего ты медлишь!
Не то и я влюблюсь, о, ты не веришь!
Она дурманит нас, как анаша!..
Эх, это горло белое и плечи.
Ох, грудь высокая, как эшафот!
И вышел раб на свет в январский вечер,
и умер бог, схватившись за живот..
Он отомстил, так отомстить не смог бы
ни дуэлянт, ни царь и не бандит,
он отомстил по-божески: умолк он.
умолк, и все. А пуля та летит.
В ее инерции вся злая сила,

ей мало Пушкина, она нашла...
Мишеней было много по России,
мы их не знаем, но она – нашла.
На той, Конюшенной, стояли толпы
в квадратах желтых окон на снегу,
и через век стояли их потомки
под окнами другими на снегу,
чтоб говорить высокие слова
и называть любимым или милым,
толпа хранит хорошие слова,
чтобы прочесть их с чувством над могилой.
А он стоит, угрюмый и сутулый,
цилиндр сняв, разглядывает вас.

З

К ПОРТРЕТУ
ПУШКИНА

Земля, рождавшая когда-то
Богатырей в глухом селе,
Земля, которая богата
Всем, что бывает на земле.

Земля, хранявшая веками
Заветы вольности лихой.
Земля, что столькоими сынами
Горда передо всей землей.

Земля, где песни так живучи,
Где их слагает и поет
Сам неподкупный, сам могучий,
Сам первый — песенник — народ.

Земля такая не могла ведь,
Восстав из долгой тьмы времен,
Родить и нынче гордо славить
Поэта меньшего, чем он...

ГОЛОС
РОССИИ

Когда еще был я мальчишкой
вихрастым,

Поэзии и поэзии вовсе не знал,
Пела учащенно и радостно, часто
В ярком по степи я, как ветер, скакал.

Что кто в ту пору, в то давнее время,
В степи увидел в родимых краях,
Видел и вдруг... придержал свое стремя –
Что то любви седовласый казах.

Что ты пришла, появилась откуда
Та русская песня, в безбрежье степей?
Что ты русской девушки – это ль не чудо?! –
Что ты казахски степной соловей.

Что старика застигались туманом,
Что раши волшебные вспышки огня,
Что женщина с именем русским Татьяна
Что было и тот миг покорила меня.

Что ты песня не раз мне звучала,
Что было радостно ухо мое,
Что ты неслышная степь повторяла
Что были нежные строки ее.

Абай наш, мы трижды тебе благодарны
За то, что ты русское слово любил
И щедрой рукою, как свет лучезарный,
Поэзию Пушкина нам подарил!

Наш Пушкин! Еще в те далекие годы,
Когда нас в оковах держал произвол,
Ты с песней любви и стихами свободы
В казахскую степь, словно к братьям, пришел.

Народ мой тебя с восхищением слушал,
Ты мыслью казахскую мысль разбудил,
Ты русское сердце и русскую душу,
Как двери в свой дом, перед нами раскрыл.

Нет равного Пушкину в мире поэта
И песен, которые так бы цвели,
Как нету на свете прекраснее этой,
Родившей нам Пушкина русской земли.

Перевод Я.Смеякова

ПАБАЮ

Поэт и ученый,
Себе не имеющий равного,
Твои слова останутся навек.
Мыслитель,
Попиравший рабство,
Простолюдин,
Взлетевший вверх.

Весь мир узнает имя твое звучное,
Хотя при жизни
Твой народ упрямый,
Скорей причитания муллы заучивал,
Чем твои песни в сердце своем
Прятал.

Как долго вызревать признанию,
Признание после смерти ставят.
Лишь после смерти
Рождаются заново,
А потому поэты
Не имеют старости.

От человека остается след –
Умрет сапожник – ремесло останется.
Богач умрет и следа нет,

Поэт умрет – слова рождаются в памяти.
Ты будь спокоен,
Спи,
Учитель,

Твоим словам пропасть не суждено,
Осталась молодежь –
Она начитанна,
Твоим словам – ее быть вождем.

Идут неспешно караваны мира,
Прошлое на спинах пронося...
И твой народ без тебя немыслим,
Как ты когда-то без него не знал себя.

Ч НА РОДИНЕ АБАЯ

Что может быть сердцу поэта дороже,
Чем мудрости вечный наказ?
«Зачем вы блуждаете по бездорожью,
Когда есть дорога для вас?»

О мудрый учитель! Бессмертный акын!
Дорогой степной пролетая,
Любуясь на майские травы долин,
Я вновь вспоминаю Абая.

Уже Караул далеко позади,
Исчезли цветы Жедибая.
А сердце, как птица, стучится в груди,
Ведь я на просторах Абая.

Я бросил поводья, оставил коня я
И полон печали своей,
Иду на закате весеннего дня я
В гранитный его мавзолей.

Великий акын и народный мудрец!
От имени всех поколений
К могиле твоей подхожу я, отец,
Чтоб встать перед ней на колени.

Плита на могиле, как ночь, холодна
И горечью дышит полынной.
Тяжелой громадой укрыла она
Могучее сердце акына.

С замолкнувшей песней,
С поникшей душой
Я молча стою у могилы.
Вдруг кто-то неслышно ко мне подошел,
И я увидел Исраила.

– Я вижу, я знаю, недаром жигит
Великую тень посетил,
Но только Абай в мавзолее не спит, –
Мне тихо сказал Исраил.

– Не место в могиле живому поэту.
И я говорю тебе – знай:
Встречает в степях золотые, рассветы
Наш славный учитель Абай.

Куда ни поедешь, куда ни пойдешь,
Увидишь Абая сейчас.
То песней встречает его молодежь,
То дети зовут его в класс.

И если в колхозе, в ауле каком
Сегодня учителя нет,
Он все же тебе отзовется стихом,
Его улыбнется портрет.

С

КОГДА ЧИТАЕШЬ
АБАЯ

слово Абая

Для всех времен –
Оружие и святыня,
А зло,
С которым боролся он,
Встречается и поныне.
Да, век тот
Но люди не те,
А до сих пор,
Как улитки,
Ползут, цепляясь,
Где-то в хвосте
Проклятие пережитки.
Скоро ль конец
Живучему злу?
Ведь тащится
Вместе с нами,
Но в нас же метит
Бросать золу,
Пачкая
Правду и знамя,
Подкараулил
В недобрый час,
Силы и веры
Лишая...

Да только сегодня
Много нас,
В ком бьется
Сердце Абая.
Все мы, друзья,
В колонне одной.
Шагаем
Путем победным.
Поэтом,
Раненным клеветой,
Хотел бы я быть
Последним.
Пусть наше слово
Разит врага,
Пусть мир
Обновляет песни.
Но в нем, как в юрте,
Абай-ага –
На самом
Почетном месте.

П ПИК АБАЯ

Поэзии вершина – пик Абая!

И кажется,
Хребта веретено
Туда, где лишь равнина голубая,
Могучим вдохновением взметено.
Внизу уступы, пропасти и склоны.
На скалах белоплечие орлы.
Алма-Атою,
Как арчой зеленой,
Любуется гигант из полумглы.
Абай стоит там тоже
И в потемках,
И в золотистых солнечных лучах.
Он уступил бы пьедестал потокам,
Поднявшим к небу песен аруах¹.
Постой, бабай²!
Не так была богата
Великими Абаями страна.
А воспарят – народ рассудит свято,
Каким вершинам дать их имена.

¹ Аруах – дух, величие.

² Бабай – уважительное обращение к старшему.

В АБАЮ

то далекое время мрак над степью
клубился,
И хватало народу и страданий, и мук...
Ты с мечтой и надеждой за счастьем стремился,
А оно, как мираж, уплывало из рук.

И свинцовые тяготы душу давили,
Ты судьёю столетья жестокого был.
Как бы ветры крутые над тобою ни выли,
Перед ними ни разу головы не склонил.

Разгадать я пытаюсь вселенскую муку,
Вновь гляжу сквозь годов просветленную
даль.

И тебе раскрываю, как верному другу,
И тревогу, я радость свою, и печаль.

Постигаю все глубже твои откровенья,
На плечах ты тяжелые годы держал
И стремился, чтоб к людям явилось прозренье,
Видя темный парод, белым гневом пылал.

И пробился народ мой и к свету, и к знаниям,
Он из темного прошлого в день просторный
шагнул.

200

Н АБАЙ-АГА
е опоздал ли я к тебе, Абай-ага?

Сквозь времени глухую отдаленность
Узнаешь ли меня, Абай-ага,
Как передать волнение и смущенность

Перед таким величием души?!
О, как мечтал я встретиться с тобою!
А вдруг – поторопился, поспешил,
И твоего доверия не стою?

Ты – великан, ты целое кочевье,
Ушедшее за перевал веков.
Ты корень, что поит водой деревья
Из тайных, из подземных родников.

Я – среди них, я твой росток, твой сын.
И сын пришел к отцову изголовью,
Поведать, что твой светоч негасим
И окружен народной любовью.

Стихами, что похожи на узор,
Сплетенный из чудесных, прочных нитей,
С пришедшим ведешь ты разговор
О вечности и суете событий.

Абай-ага, сегодня над тобой
Молитвы поминальной не читаю.
Как эта степь – ты вечный и живой,
Твои стихи, как воздух, выдыхаю.

Сегодня счастлив твой простой народ,
В других народах он увидел брата,
Он дружно и свободно так живет,
Как ты мечтал, Абай-ага, когда-то.

И в Жетыбай, из Алатауских гор,
Пришел к тебе один из сыновей.
Бросает Туманбай себе укор,
Что столько лет прошло и столько дней,

Что так длинна была к тебе дорога.
И он стоит, в отчаянном смятенье:
Когда святым быть не дана от бога,
Зачем тревожить зря святы тени?!

Я шел к тебе, и ощутил, как годы
И спутники безвременно уходят.
Оставшиеся – след живой народа,
Скакнувшего из прошлого – в сегодня.

Стою перед тобой, смущен и тих.
Как зелен и просторен твой уют!
Когда-нибудь на торжествах твоих,
Быть может, мое имя назовут.

А может быть, забвенью предадут
Те песни, что рождались с вдохновеньем.
Но птицы-грезы свои гнезда вьют,
Поверить не хотят в исчезновенье.

Сегодня любят в мире твой народ,
Известны его щедрость, доброта.
Ты – факел небосвод,
Так здравствуй; мой Поэт, Абай-ага!

Я песни твои помню с детских лет,
В них каждая строка мне дорога.
Прими же запоздалый мой привет,
Я кланяюсь тебе, Абай-ага.

АСҚАН БҰЛБҰЛ
(Пушкинге)

Орыстың өлеңінің ақын көркі,
Алмастай мың құбылған меруертті.
Дүниеге асыл сөзден төктің маржан,
Жарқырап тар заманда-ақ шықтың еркін.
Патшаның қорқау бастық жендеттерін,
Сен көрдің, таныдың сен, таулы жерін.
Қарысқан қан майданда қылыш тимей,
Қолынан қанды жендет жанды бердің.
Не керек, өмір шіркін, өзің тірі,
Алтындай жарқырайды жайнап гүлі.
Жүз жыл болды, қара жер сені алғалы,
Сен дүние ақынысың осы күні.

Қуанып көзі жайнап, мейірі қанып,
Оқиды жазғаныңды, шаттанады,
Сөзіңнің бір де бірі өлмеуі анық.
Сен Пушкин, қалың жұрттың туысқаны,
Сен біздің бұл ғасырдың өлең, әні.
Өлеңің жаңа атқан таң, жайнаған гүл.
Жұпары, інжу-маржан, өмір сәні.
Бұл күнде біздің өмір жайнаған гүл,
Құлпырып барған сайын төгеді нұр.
Ән шырқап, бізбен бірге қуаң, шаттан,
Мәңгі өлмес асыл сөзді асқан бұлбұл.

АБАЙДЫ ІЗДЕУ

бай аға!

Биікте ме – қайда жүр аруағың?
Құлағыңа жете ме шағым-өнім?
Көкті кезіп іздер ем – жерде мені
шырмап қойды шырғалаң шаруа, мұң.

Жердің беті балшық пен былық әлі,
Жол табады жылпос пен ұры-қары.
Жұртың даңғой әм надан баяғыша,
мәз болады бірі-бірін жығып әлі.

Алтын шапақ шашпай тұр қырдың таңы,
аяқты алшаң басқанға құлмын тағы.
Саған дерт боп жабысқан ел тірлігі
бүгін менің жанымды шыңғыртады.

Жылымшы өмір жанымды құлазытты,
Талмап-талмап тауыстым жыр-азықты.
Құдай емес, кісіден келген жұттан
шөлге айналған жерімнен құлан ықты.

Ашсам деген жұрт көзін қыран едің,
мерт еткенде сені де құба жерім,
ел етем деп тыртыңдау не тәшіме
керек екен десеңші мына менің!

Қалқиды әнің – рухыңның кептері ме,
үстаймын деп әуремін текке, міне.
Дарыныңнан, ойыңнан бермей, маған
тек дертіңді жұқтырып кеткенің не?

207

ПУШКИН ЕСКЕРТКІШІ
АЛДЫНДА

Т үңіліп тұрсың, үңіліп,
Қалғандай ойлап әрнені.
Алдыңнан өтті бүгіліп,
Бүгінгі тірлік пәрмені.

Ренжіткен өзінді
Баяғы жалғыз патша емес.
Сібірге жазған сөзінді
Бүгін де орыс жат демес.

Сол күйде қалдың есте сен,
Мүсінші ерен есті екен.
Жәдігер сырың ашылды.
Шегі жоқ сенде арманның,
Мұны ғой осынау жалғанның
Көтертпей қойған басыңды.

2

Ойланып тұрсың, толғанып,
Толку бар бұйра шашында.
Барады тұлға зорланып,
Ғасырды аттап, ғасырға.

Бауырмал сөзге сенем мен,
Жеткендей қамқор дүбірің.
Ақын боп туған кемеңгер,
Мәңгілік сенің ғұмырың.

Шақ келмес айтар теңеулер,
Тілегім: жебеп, демеу бер,
Шуағы шалсын нұрыңның.
«Тағы тұңғыс» елденді,
Тәуелсіз болып мен де енді,
Біразын алдым мұныңның.

С АБАЙ БЕЙІТІ
БАСЫНДА

уды жарған кеме сынды сүңгуір,
Жұлын кеулеп жүгіреді бір гуіл.
Сол гуілдің секем алып сесінен,
Ішін тартып, сұлық жатыр күзгі қыр.

Ертелі-кеш ойға шомған Жидебай...
«Сап-сап, көңілім, сап, көңілім», – дей ме Абай?
Ұлы ақынға тағзым етіп тұрғанда,
Кім толғанар әділ жанды қинамай?!

Жақпар-жақпар, кашқан сында реңі,
Бұлдырайды Шыңғыстаудың сілемі.
Көз алдыма келді неге дәл қазір
Қырық жамау ұлы ақынның жүрегі?

Болмайды деп ортақ ойдың бөтені,
Алдым еске Гейне менен Гетені:
«Жерге түскен әр жарықшак... алдымен
Ақындардың жүрегінен өтеді!»

Енді қайттік? Көнбісім-ай ең сірі,
Арылар ма сенен-дағы дерт ұлы?
Әлі күнге тілім-тілім, мың тілім
Абай-жүрек – жердің эпицентрі...

Б

АБАЙҒА

Бір сезім бұған дейін арбаспаған,
Қолыма алдырғанда алғаш қалам,
Жырыма тырнақалды қуанғанмын
Колумбтай құрлықты ашқан жан баспаған.

Әр сөзі меруерттен соғылатын,
Өзімді сезінгенмін ең ұлы ақын.
Сол бір кез енжар ғана тыңдаушы едім
Әфирден естілгенде сенің атың.

Буына балқып кетіп жас арманның
Классиктер тобына «қосарландым».
Әдейі әдебиет сабағында
Жырынды жаттамай кеп екі алғанмын.

Әлі ешбір қырбық мұртым қырылмаған
Кезімде қызға тұңғыш қырындаған.
«Мен үшін Абайдайын ақынсың» деп,
Тоғжан қыз құшағымда сыбырлаған.

Жетелеп астанаға шіркін арман,
Өлең-жыр жүрегімнің ырқын алған.
Төрінен Алматының сені көріп,
Асқақтап былай деп те жыр шығарғам:

«Ассалаумағалейкум, Абай баба,
Тұрсың сен тізе бүкпей қалай ғана?..
«Сандуғаштай сайраған сотқар кім?..» – деп
Сықпытыма сұқтанып шам ойлама.

Мен сенің құдыретінді өзімше ұғам,
Аз менде сендегі мол төзім-шыдам,
Тіріліп тұғырыңнан сәлемімді ал,
Әйтпесе сол тұғырға өзім шығам»..
Өзімді сезінгенмін ең ұлы ақын –

Ақымақ, мас көңілдің тойынғаны-ай,
Сонда да тұрдым сені мойындамай.
(Сол сәтте маған тисе обал жоқ-ау,
Содырдан саған тиген сойыл, баба-ай).

Мың есе биік тұрған пақырлықтан
Көрмеппін құдыретінді соқырлықтан.
Қазір мен құлдық ұрған шәкіртіңмін
Өзіңнің өлеңіңнің отын жұтқан.

Өмірді күрес емес, сайран көрген
Сыздайды кейбіреуге қайран кеудем.
Төрінде өзің тұрған Алматыға
Осы бір Көжекбайлар қайдан келген?

Мен де бір иесімін сыбағаның
Жыр оқып жұртшылықтан гүл аламын.
Ел мені «ақын» десе
Сен тұрғанда
Айтуға ақынмын деп ұяламын!

АЛЕКСАНДР ПУШКИНГЕ
ҮШ ПЕЙІЛ

I

Саған шексіз сый-құрметін көрсетіп,
Мені халқым аттандырды елші етіп,
Ал елшілер келеді ғой Тіріге
Тауыспаған өмір жолын өлшетіп.

II

Ұлылардың алды деген оңай ма?!
Кішілерді санатына санай ма?
Келгендеймін кемел Пушкин тауына
Өз атымнан емес, өзге орайда.
Оған әсте шамданар да ойым жоқ,
Келгендеймін атқосшы боп Абайға.
Теңін айтсам, Тебіреніп Пушкин де
Маған мойнын бұратындай қалайда.

III

Бойшаң ұлы, ойшаң құлы құдайдың
Қарағайдан Ақын жайын сұраймын.

Екі жүз жыл жасаған бұ қарағай
Пушкинменен сырлас өскен баладай.

Білетіндей, қарағайға аяндай
Заман мұңын толғағаны Бояндай.
Самсаған қол кернеп Сенат алаңын...
Тігеді ақын көңілінің жанарын.

Дар астында бес армандас... бес бейне...
Ақын жүрек ақ патшаға кешпейді...
– Айтшы, – деймін. – Қандай еді ол өзі?
Отты ма еді? Өткір ме еді мінезі?
Дегендей боп: «Ел қамқоры! Ақ иық!...»
Тербеледі, басын ағаш сәл иіп.

АТАҚТЫ АҚЫН –
СӨЗІ АЛТЫН
ХАКІМ АБАЙҒА

Шын хакім, сөзің асыл – баға
жетпес,

Бір сөзің мың жыл жүрсе, дәмі кетпес.
Қарадан хакім болған сендей жанды
Дүние қолын жайып енді күтпес.

Сөзіңе құлақ салып, баға бермей,
Қисайып, қыңырайды жұртың итгес!
Бұртиып, теріс қарап: «Аулақ жүр!» – деп,
Болды ғой жақын туған бәрі кектес.

Тыныш ұйықта қабіріңде, уайым жеме,
«Қор болды қайран сөзім босқа!» – деме.
Артыңда қазақтың жас балалары
Сөзіңді көсем қылып, жүрер жөнге!

Ай, жыл өтер, дүние көшін тартар,
Өлтіріп талай жанды, жүгін артар.
Көз ашып, жұртың ояу болған сайың,
Хакім ата, тыныш бол, қадірің артар.

Жүрген жанның артында ізі қалар,
Етікші өлсе, балға мен бізі қалар.

Бір бай өлсе, төрт түлік малы қалар,
Жүйрік өлсе, артында сөзі қалар!

Сұм дүние сылаң беріп көптен өтер,
Сау қалғанның көбісі ертең бітер.
Тоқтамас дүниенің дөңгелегі,
Жүйріктің айтқан сөзі көпке кетер.

К

АБАЙ КЕЛДІ

Кезінде қауыштырған қалай да елді,
Тарихта жатқан жоқ па,
Талай белгі!
Алишер Навоимен мұндас, сырлас,
Қазақтың даласынан
Абай келді!

Келді Абай!
Ұлы тойын тойлатқалы,
Қарсы алды, өзбек-қазақ,
Ойлы ақ таңы...
Қандырып жыр кәусарға жұртыңды бір,
Сырлы өуен тереңіне бойлатқалы!

Көңілдің шерте түсіп көңе күйін,
Бір аунап жатты білем,
Төле биім!..
Ел жайлы, елдік жайлы,
Ерлік жайлы,
Алады қанша қуат сенен үнім!

Арнамыз ауытқымай іріліктен,
Бір тілек,
Уыз таңдай бір үмітпен –

Келеміз сан ғасырлар бірге жасап,
Жарасып аға менен інілікпен.

Жұрт бізді бауыр десін, егіз десін,
Кешемін татулықтың –
Теңіз-кешін.
Бір болып ойымыз да,
Тойымыз да,
Ұлылық биіктетсін, ел іргесін!

Тұрғандай көңілімді күй көтеріп,
Бауырлар, мейлі нұрға,
Гүлге тоғыт!
Қарасын басын ол да бір көтеріп,
Қайғыдан қалған шыңдар, мүлде шөгіп.
Аударып ел назарын жатқан жоқ па,
Жүрегі өзбек-казак бірге соғып!

Ж ЖЫР ТӘҢІРІСІ

Жыр тәңірісі Пушкиннің

Аспанда ма тұрағы.

Жыр тәңірісі Пушкиннің

Асқарда ма тұрағы.

Дүние бүкіл таң қалып,

Күнде дабыл ұрады.

Сол Пушкинді аударып.

Талай ақын құлады.

Ол келеді ешбір де

Асуынан өткізбей,

Ол келеді ешкімге

Пушкин болып жеткізбей.

ТІРІ ПУШКИН

лең сүйер етпес көңлің хош кімнің,
Белгісіндей өткен барлық дос күннің,
Алматыда біздердегі төртінші
Ескерткіші ашылмақшы Пушкиннің.

Бүгін Пушкин көшесіне жиылған
Елде есеп жоқ, келгендер бар қиырдан,
Қарттар да бар таяғына сүйенген,
Өкілдер көп мекемеден, ұйымнан.

Тіпті ерекше бұл мереке, той мына,
Бір немере мінген ата мойнына.
Тағат таппай қайталады қыңқылдап,
– Пушкин қайсы?– деген сұрақ қойды да.

– Сабыр сақта, көресің,– деп бұйырды,
Президент те келіп, лента қиылды.
Қалам ұстап тұғырында тұр Пушкин.
Ойлы көзбен шолып алыс қиырды.

Жаңғырықты шалған ду қол шапалақ,
Татьянаның шырқалды әні, шат алап.
Ескерткішке үйілді алуан гүл болып,
Хас ақынға деген шексіз махаббат.

Немереге «көрдiң бе, әне?» – деп едi,
Дедi ол «Маған тiрi Пушкин керегi».
- Онда, тында, қазiр тiрi «Пушкиндер»
Пушкинге арнап өлең оқып бередi.

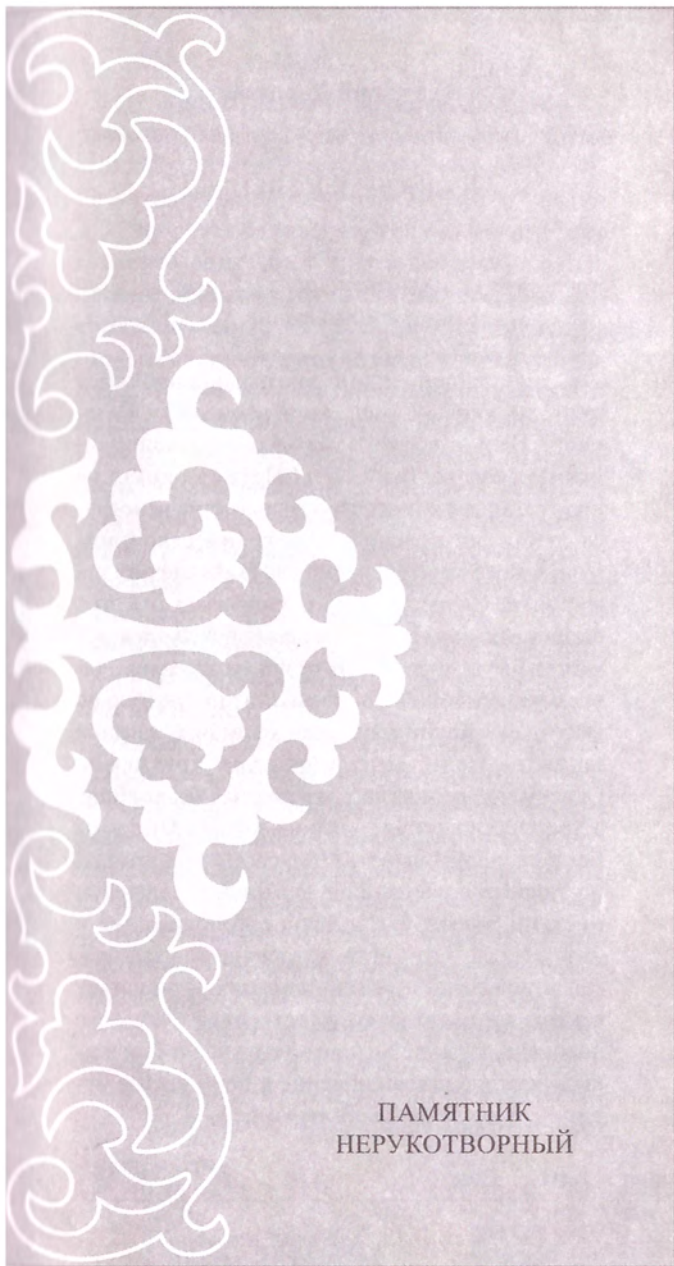
Ағытылды арнау өлең-жырымыз,
Асқандаймыз бiрiмiздi-бiрiмiз.
Ел қол соқты, тапты ма екен қанағат
Әлгi атаның мойнындағы iнiмiз.

О АБАЙ РУХЫМЕН
СЫРЛАСУ
, ұлы Абай, өзіңмен сырласайын,
Сырласып, анау қырды бірге асайын.
Қатып қалған іштегі мұң-шерімді
Шығарып, серпілейін, мұңдасайын.

Мазаңды алды, жарылыс жасалғалы,
Осы еді ғой КСРО осал жағы:
Кешір баба, ұрпағың азып-тозды,
Келімсектер жорығы басталғалы.

Тағдырдың көндік басқа салғанына,
Іш ашиды даламды өрт шалғанына.
Қазақ елі нәубеттің бәрін көрді,
Шүкір, Алла, ұлт болып қалғанына.

Жүргенде не істерге амалымыз,
Файыптан түзелді ғой заманымыз.
Дербес ел боп қазағың – қайран жұртың,
Жоқ бүгінде кірбің жүз, алаңымыз.
Тәңірімнен тілеймін: тайып кетпей,
Нық тұрса екен жерге енді табанымыз.

ПАМЯТНИК
НЕРУКОТВОРНЫЙ

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

*Тайны,
загадки,
предположения*

Недавно один знакомый спросил у меня: «А сколько всего книг написано о Пушкине? Ведь в сотни, тысячи раз больше, чем написал сам великий поэт? Неужели никто не подсчитал это количество, ведь всегда находятся любители подсчитывать количество слов, букв и даже запятых в произведениях своих кумиров?». Скорее всего, я пропустил бы этот вопрос мимо ушей, но знакомый добавил: «А может быть, уже хватит описывать жизнь, известную досконально, проанализированную по секундам? Какие пушкинские тайны, загадки ищут писатели, литературоведы, критики?». Отвечу так: велика загадка творчества вообще, а творчество гения – и подавно. Талант – от Бога, расшифровывать его – соглашусь – тщетно, препарированный он, наверное, и скучен, и пуст, но, может быть, вечное приближение к этой загадке – это игра, которая дана нам, чтобы, прикасаясь к гению, совершенствоваться самим, догадываясь о божественной сущности человека. Каждое мгновение рядом с Пушкиным, каждое прикосновение к нему всегда будет – «чудным мгновеньем».

Творчество великого поэта, сама его жизнь – нравственная, духовная тайна, и, может быть, они даны нам для того, чтобы мир был освещен красотой и любовью?

Джорджо Вазари заметил без малого пять столетий назад: «...тот, кто благосклоннейше правит небесами, обратил милосердно очи свои на землю и, увидев бесконечную пустоту стольких усилий, полную бесплодность самых жарких стремлений и тщеславие людского самомнения, от стоящего от истины дальше, чем мрак от света, порешил, дабы вывести нас из стольких заблуждений, ниспослать на землю такого гения...». Сказано это о Микеланджело, но, думаю, относится к любому гению, к Пушкину – бесспорно. Не зря Аполлон Григорьев сказал: «Пушкин наше все!», а Федор Тютчев пророчески написал: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет». Не только России...

Арсений Тарковский писал: «Очень многое у Пушкина – тайна за семью замками.

Оказывается, например, что в «Каменном госте» скрыт намек на зависимость автора от царя, от императорского двора, что и многие другие произведения поэта исполнены намеков на тягостные положения, из которых судьба предлагала Пушкину найти выход в различные моменты его трудной жизни. Исследователи десятилетиями бьются над разрешением этих загадок. Но тайна Пушкина не только в этом...

В тягостные и для Пушкина времена Николая I ему пришлось зашифровать десятую «де-

кабристскую» главу «Евгения Онегина», засекретить историческое исследование, посвященное времени царствования Петра...».

Кроме духовных тайн, поэт оставил нам и немало чисто литературных, житейских загадок. Их пытались постичь, разгадывая жизнь поэта, расшифровывая его судьбу, сотни и сотни авторов. Вот только несколько имен навскидку: Викентий Вересаев, Павел Щеголев, Марина Цветаева, Юрий Тынянов, Борис Модзалевский, Валентин Непомнящий... Впрочем, немного найдется литераторов, кто хоть однажды не сталкивался с пушкинскими загадками.

Но нас, казахстанцев, конечно, не в последнюю очередь волнует все, что связывает Пушкина с нашей страной. Есть там и свои загадки. Скажем, почему приезд поэта в Уральск почти не отражен в воспоминаниях современников или упоминается очень скупо? Ведь в основном о трех днях в Уральске мы знаем из письма самого Александра Сергеевича Наталье Николаевне. Эти знаменитые строчки «...приняли меня славно» уральские пушкиноведы знают наизусть, как молитву. В самом деле, в небольшой город приезжает столичный гость. Человек высшего света. Его стихи читает не только всесильный Бенкендорф, но и сам император, по высочайшему соизволению которого он и предпринимает свое путешествие, по сути дела, выступает историографом царя. Не часто такие люди появлялись в городке. И вдруг почти полная немота – ни воспоминаний, ни сообщений о знакомствах, встре-

чах, которых наверняка было очень много. Может быть, эти документы, свидетельства утрачены, и дотошным исследователям еще предстоит волнующие открытия?..

Так что пушкинская тема неисчерпаема. Сегодня хочу познакомить читателей с некоторыми работами, посвященными только поездке Пушкина в наши края. Причем только казахстанских авторов или некогда живших в Казахстане. Сразу скажу, что я не выстраивал их по релевантности, хронологии или еще каким-нибудь принципам. Просто снимал со своей «пушкинской» полки подвернувшуюся книгу, раскрывал ее...

*Где находилась
елогорская крепость?*

Ученый, писатель из Уральска Николай Щербанов в своей книге «Поехал я в Уральск...» предполагает, что название крепости из «Капитанской дочки» могло возникнуть: «...На основе фольклорных источников, в частности топонимических преданий Приуралья. Известно, что изначальное название Уральска – Белый городок. Это второе, народное имя города удерживалось долгие десятилетия. Об этом писал историк В.Н.Витевский (Раскол в Уральском войске... Казань, 1878 г.): «Уральск называется иногда Белогорск (от местности Белые горки, расположенной на западе от города), подобно тому, как, например, Казань называется Черноозерск, Симбирск – Приволжск»...

Пушкину, конечно, было известно неофициальное название Яицкого городка, впоследствии, работая над «Капитанской дочкой», он мог им воспользоваться, назвав вымышленную крепость Белогорской.

...Пребывание поэта в Уральске обогатило его восточными материалами. Где-то в окрестностях города он мог услышать калмыцкую сказку об орле и вороне, а также казахскую эпическую поэму о Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Сказку об орле и вороне Пушкин использовал в повести «Капитанская дочка». Она очень убедительно и колоритно характеризует образ Пугачева.

Что касается казахской поэмы, то текст ее был обнаружен в архиве поэта и впервые опубликован лишь в 1937 году в «Вестнике пушкинской комиссии» Л.Б.Модзалевским. Запись сделана рукой неизвестного человека на пяти листах большого формата.

До сих пор мы не знаем, кто исполнил эту поэму и кто перевел ее на русский язык и пересказал Пушкину...

Сам факт обнаружения поэмы среди бумаг Пушкина является доказательством того, что великому русскому поэту было близко народно-поэтическое творчество казахского народа. Таким образом у истоков изучения фольклора степей стоял великий Пушкин».

В другой своей книге «Пушкин в Уральске» Николай Щербанов пишет: «Безвременная смерть помешала поэту написать произведение на сюжет знаменитого степного эпоса. Что это могло быть? Поэма? Трагедия? Возможно, это

произведение, будь оно написано, встало бы в ряд созданий, которые мы привыкли называть «маленькими трагедиями».

23 сентября А.С.Пушкин покинул Уральск, направляясь через Самару в Болдино. «Я и в коляске сочиняю», – сообщал он в письме к жене от 19 сентября. Имея в виду это замечание А.С.Пушкина, следует отметить, что стихотворение поэта «Когда б не смутное влеченье» могло быть задумано по дороге из Оренбурга в Уральск или по пути из Уральска:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой глуши...

В пользу этого предположения говорит и пометка А.С.Пушкина в рукописи: «1833, дорога, сентябрь». Вспоминая свою поездку, Пушкин писал в 1836 году: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикою».

Ни дня без книги

Юрий Домбровский, которого нет нужды представлять нашему читателю, рассказал интересную историю, также связанную с пребыванием Пушкина на казахстанской земле. Сна-

чала он пишет о книжных богатствах главной библиотеки республики, а уже потом: «Помнится, летом 1936 года работники Алма-Атинской публичной библиотеки показали мне одну интересную книгу... Это была «Мнемозина» – альманах, выпущенный Кюхельбекером в 1824 году. На первой странице стояло: «Из книг Кондратия Федоровича Рылеева». Надпись, безусловно, была подлинной, такие рыжие чернила из дубового орешка подделать невозможно... (Всего вышло четыре номера альманаха, в нем сотрудничали Пушкин, Грибоедов, Баратынский, здесь находили свое отражение философские, эстетические взгляды декабристов. – Примечание автора.) Выяснилось, что книга эта – «третий том альманаха «Мнемозина» – сама видела и Кюхельбекера, и Рылеева. И еще одно: в книгу эту очень давно, может быть, в декабрьские дни, была спрятана какая-то бумага – вернее всего письмо или стихи. Сунули эту бумагу второпях, внезапно, даже не посыпав песком. На двух страницах ясно видны отпечатки слов и букв. Те же старинные рыжие чернила. Я листал и вертел эту «Мнемозину», и передо мной вставало все, о чем здесь пишу, – Кюхельбекер, Рылеев и письмо – вероятно, это все-таки письмо, засунутое второпях в первую попавшуюся под руки книгу, в тот миг, когда в дверь застучали. Не произошло ли это утром 26 декабря 1825 года – в день ареста? Тогда это письмо так и не дошло до своего адресата... Через год... проходил пушкинский юбилей, и в одной из витрин библиотеки (в эти

дни она и получила наименование Пушкинской) появилось старинное издание книги Фенелона «Путешествие Телемака». Над ней ватман: «Книга из библиотеки А.С.Пушкина, забытая им в Уральске». Уральск Пушкин проезжал во время поездок по пугачевским местам. Тогда он и мог забыть этот толстый крошечный томик. Книга, забытая Пушкиным в Уральск, – дар Кастанье. Иосифа Антоновича Кастанье – «ученого секретаря Оренбургской архивной комиссии» (так он подписывался под своими статьями), «преподавателя французского языка в Оренбургской гимназии» (так в одной строке сообщил о нем Венгеров)...».

Как тут не вспомнить о том, что Пушкин был страстным книголюбом и, отправляясь в путь, непременно брал с собой книги, они в дороге всегда были с ним. Не упускал возможности поэт покопаться в книгах: «...Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три...». Нужно напомнить, что это письмо написано по дороге в Оренбург, Уральск. Мы знаем, какая была эта дорога, но поэт не забывал о любимом увлечении.

«Пушкин в мире казахов...»

Жайсан Акбай, уральский писатель, краевед назвал свою книжку так – «Казахская пушкиниана». В ней есть интересные предположения, неожиданные параллели. Привожу отрывок из ее раздела «Пушкин в мире казахов и их

элиты»: «Дата рождения А.С.Пушкина почти совпадает с образованием Букеевского ханства (1801) на территории между Уралом и Волгой и рождением последнего хана казахов Жангира. Бурные события начала XIX века в России коснулись и Казахстана. Начался процесс духовного пробуждения казахов.

Первыми из казахов открыли Пушкина букеевцы. Хан Жангир, ровесник Пушкина, был человеком весьма просвещенным... В ханской ставке в школе хана Жангира дети обучались русскому языку, в библиотеке имелись книги, атласы, энциклопедические словари на русском языке. Хан бывал в Санкт-Петербурге. Особый интерес проявлял к русскому искусству, музейному делу, привозил в степь книги разностороннего содержания. Как люди, широко известные в тогдашнем обществе, Пушкин и Жангир, возможно, знали друг друга...

Известно, что потомки хана Букея были пропагандистами поэзии Пушкина. Первым из династии Букей-хана в степи пропагандировал стихи Пушкина Кушеккали Шигаулы выпускник Неплюевского училища 1820 года, а затем продолжил это дело старший сын хана Жангира Сакыпкерей, учащийся Петербургского пажееского корпуса, удостоенный княжеского титула.

В 40-е годы в канцелярии хана Жангира в Ханской ставке работал близкий друг Ю.Лермонтова – Святослав Раевский. Он был сослан в Букеевскую степь за распространение стихов Ю.Лермонтова «На смерть поэта». Раевский не

только распространял стихи Пушкина и Лермонтова, но ему удалось привлечь семью хана Жангира для перевода стихотворных произведений русских поэтов на казахский язык.

Подлинным подвижником пушкинского дела был сын хана Жангира Губайдолла – крупный военный (генерал от инфантерии) и государственный деятель (возглавлял российское телеграфное ведомство того времени). Он близко общался с пушкиноведами, а также Натальей Гончаровой-Ланской – вдовой Пушкина. Губайдолла собрал 1000 рублей от букеевцев на сооружение известного памятника Александру Сергеевичу Пушкину в Москве. Как человек, внесший свою лепту в это дело, он был одним из ораторов, выступивших на торжестве открытия памятника. Другой потомок хана Жангира, известный кюйши-композитор Даулеткерей внес большую сумму денег на сооружение памятника А.С.Пушкину у здания лицея в Санкт-Петербурге...».

По усам стекло и в рот попало

Перу Николая Григорьевича Чеснокова, писателя, известнейшего в Уральске знатока старины, принадлежит немало книг, опубликованных и еще ожидающих своей очереди. Его исторические, краеведческие очерки читатели Уральского «проглатывают» захлеб. Привожу совсем небольшой отрывок из его книги «Приняли меня славно». Речь в нем идет о тех двух знаменитых обедах, которые были даде-

ны в Уральске в честь поэта: «Мужчины поднялись с мест, приветствуя гостя и атамана. Женщины, жеманно склонив головки, исподлобья изучали, как им казалось, знатного гостя, друга самого военного губернатора... Столы ломились от яств, чего-чего здесь только не было, конечно дары «золотого донышка» Яикушки-Урала – осетрины во всех видах – от вареной, жареной, в пирогах, пельменях до янтарных балыков и знаменитая на весь мир уральская черная икра, которую едят здесь, словно кашу, ложками.

На столах – щедрые дары уральской земли и золотистой осени – плоды садов, с любимыми поэтом мочеными яблоками, знаменитая целебная антоновка, груши, сливы, обволакивающий моченый терн, ежевика, арбузы, дыни, янтарный мед разных сортов. Тут и вина всех цветов радуги, множества марок и любимая Пушкиным мадера (он ее даже вез с собой в коляске).

И, конечно, хлебосольной хозяйкой здесь была писаная красавица, бывшая старшинская жена Аграфена Абрамовна Донскова, любовница атамана Покатилова.

Много на Руси красавиц повидал поэт. Жена – первая красавица столицы. Но такой дивной прелести в старинном русском наряде, в сороке, унизанной жемчугами и сверкающим во лбу великолепным бриллиантом!..

Пушкин – гость, и он, как положено, непринужденно весел, остер на слово, польщен вто-

рым – после государя императора тостом за его здоровье.

Озорно глядя на хозяйку, Пушкин читает строки из своей «Сказки о царе Салтане»:

Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.

Хозяйка зарделась, потом покрылась пунцовым цветом, потупив взор, замахала унизанной кольцами ручкой.

Потом, уже в дороге, Пушкин вспомнит и о пышном приеме, и о хлебосольной хозяйке атаманского дома, и ее дивный цокающий и слегка шепелявящий лепет».

Собеседник Пушкина

Ученый из Уральска Александр Белый опубликовал работу о собеседнике Пушкина в Уральске. Он пишет: «В дорожной записной книжке Пушкина, которую он вел в августе-сентябре 1833 года, в дни путешествия по Оренбургскому краю и Поволжью, внесена такая заметка: «Бизянов ур. полк». Публикаторы дорожной записной книжки в сборнике «Рукою Пушкина» не смогли дать какого-либо комментария

к заметке о Бизянове, признавшись: значение ее «объяснить не можем».

В 1978 году автором данной статьи в архиве Оренбурга были обнаружены формулярный послужной список обер-офицеров Уральского казачьего войска за 1834 год и представлении полковника Ф.Г.Бизянова к ордену за 1839 год. Эти архивные источники предоставляют некоторую возможность определить, кого Пушкин имел в виду в своей записи, приведенной нами выше.

Федот Григорьевич Бизянов участвовал в походе русских войск в Швейцарию и в 1798–1800 годах в составе корпуса Римского-Корсакова сражался под Цюрихом... Участвовал в составе основных сил русской армии в походе во Францию, сражался при крепости Фальцбург, при деревне Цилигине и весной 1816 года вместе с полком возвратился домой... С мая 1823 по январь 1827 год подполковник Бизянов командовал лейб-сотней уральских казаков в Петербурге. В сентябре 1833 года Ф.Г.Бизянов произведен в полковники... Награжден двумя орденами....

Таким образом, пометка Пушкина «Бизянов ур. полк» в дорожной записной книжке, вероятно, означает, что он имеет в виду Федота Григорьевича Бизянова, полковника... Вполне возможно, что запись эта сделана поэтом в результате встречи Пушкина и Бизянова во время обедов, которые давались в честь Пушкина в Уральске в сентябре 1833 года. Не исключено, что Пушкин беседовал с полковником, зная о свя-

зях предков Бизянова с событиями восстания Пугачева в Яицком городке (Уральске).

Думается, что именно о Федоте Григорьевиче Бизянове шла речь в путевом дневнике В.А.Жуковского: «16 <июня> <1837>. Пребывание в Уральске... Федот Григорьевич Басанов». Жуковский мог знать запись Пушкина в его дорожной записной книжке о Бизянове, но в своей помете несколько искажил фамилию полковника, хотя, вероятно, лично встречался с ним во время своего пребывания в Уральске в июне 1837 года.

Если такое предположение справедливо, позволительно было бы высказать и дальнейшие догадки. Так, правдоподобно было бы допустить, что во время встречи Жуковского с Ф.Г.Бизяновым они вспомнили о Пушкине, скончавшемся несколько месяцев тому назад. Может быть, Жуковский сообщил Бизянову о готовящемся к изданию первом посмертном собрании сочинений Пушкина, в осуществлении которого писатель, как известно, принимал непосредственное участие.

Косвенным подтверждением этого может служить то, что Ф.Г.Бизянов, конечно, не случайно стал первым и единственным подписчиком на сочинения поэта в Уральске».

*В Уральске
Пушкиных не счесть*

Юрий Османов, журналист, проработавший долгие годы фотокорреспондентом в КазТАГе,

237

в своей книге «Записки старого газетчика» пишет: «Пушкин один, но у каждого, кто его любит, он свой. Расскажу о моем. Едва начав говорить, я умилял родителей, и не только их, стихами Пушкина. И впрямь – вихрастый мальш внятно и громко объявляет свое выступление:

– Александр Сергеевич Пушкин, отрывок из романа «Евгений Онегин» (неизменные аплодисменты).

А что такое роман – не знал, «Евгений Онегин» – тоже. Да и сам Пушкин был для меня чем-то вроде Деда Мороза, который любит детей и сочиняет для них стихи.

С Пушкина начиналось мое познание мира. Всего сущего. Я узнал, что дровни – это просто сани, а не сани, на которых возят только дрова. Что дворовый мальчик – не то, что у нас «уличный мальчишка». А «...на дровнях обновляет путь...» – это когда первый раз поехали на санях. Начало зимы. А начало зимы – это прежде всего санки, горки, елки и Пушкин. Не знал я тогда, что и елки, и Пушкин, если были не запрещены, то, во всяком случае, нежелательны. С первых дней новой власти Пушкин был ей не угоден. Троцкий в те дни писал: «...Призыв футуристов порвать с прошлым, разделаться с Пушкиным, ликвидировать традицию и прочее, имеет смысл, поскольку адресуется старой литературной касте, замкнутому кругу интеллигенции».

...Пушкин им не подходил. Поэт Крученых писал, что в его строчках «Дыр, бул, шир» зак-

лючается больше поэзии, чем во всем Пушкине. Но удивительно, что Л.Троцкий, литературный эрудит и профессиональный писатель, находит в этом какой-то смысл: «...Не исключена возможность, что кто-нибудь напишет по этому музыкально-филологическому ключу стихи, которые будут выше пушкинских». Далее он говорит, что Пушкин не национален, поскольку не верил в иконы и не жил с тараканами. Не правда – Пушкин всегда был верующим. Об этом свидетельствует его тихая христианская смерть. А те его «антирелигиозные» стихи, которые непомерно выпячивались, были всего-навсего озорством молодости, в котором он искренне раскаивался.

О том, что Пушкин был христианином, сказал в свое время профессор Духовной академии В.В.Никольский, но его работу «Нравственные идеалы Пушкина» едва ли знает кто-то, кроме узкого круга специалистов... Мир судит о Пушкине не по Троцкому...

Французский писатель маркиз де Кюстрин, заступаясь за своего печально известного соотечественника, писал о Пушкине, как о незначительном подражательном писателе. А спустя каких-нибудь 30 лет французские критики говорили о русской прозе, как о «восьмом чуде света». Подчеркивали ее особенность и выгодное отличие от западной. Восхищались образностью выражений, способностью русских авторов так воздействовать на читателя, что он, не замечая слов, видит воочию мир, о котором говорит автор. А кто создатель рус-

ской прозы и зачинатель этого способа воздействия на писателя?

С тех самых незапамятных времен Пушкин задает мне множество вопросов. Их так много, что не уместятся в этом рассказе».

Конечно же, приведенные отрывки дают только приблизительное представление о богатейшей «пушкиниане» Приуралья. За границами моего обзора остались десятки и десятки авторов, которые – пусть совсем небольшим штрихом – помогают создавать портрет гения. Среди них не только писатели, но и скульпторы, художники. На память приходит рабочий Уральского механического завода Александр Гора, разносторонний человек, который писал публицистику, прозу, его кисти принадлежит полотно, на котором изображен Пушкин, слушающий казахскую домбру. Александр Гора известен также и как автор рассказа «Осенняя дорога», в котором он в художественной форме осмысливал поездку Пушкина в наши края. Не забыл о Пушкине в своей книге «Вдоль Урала берегов» и Алексей Черкаев, доктор наук, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, можно сказать, человек-легенда, директор знаменитого на весь тогдашний Советский Союз совхоза «Анкатинский», на знамени которого был прикреплен высший орден огромной страны – орден Ленина. О Пушкине, об уральской старине писал и знаменитый краевед Уральска, ныне покойный, Борис Пышкин. Борис Борисович был не только замечательным писателем, но и неподражаемым

рассказчиком. Его рассказами заслушивались и стар и млад. Он обладал непостижимым умением создавать некую атмосферу «присутствия». Казалось, что вместе с рассказчиком переносишься в то время, о котором идет речь; Борис Борисович приводил такие детали, такие подробности, что изумленные слушатели были почти уверены, что участником события, о котором говорит, он был сам. Еще о пребывании Пушкина в Уральске опубликованы работы... Впрочем, всех не перечислить.

И наши литераторы продолжают писать о великом поэте, и слава Богу! Значит, верно утверждение, что Дантес не сумел убить Пушкина, куда ему красавчику завитому! Поэт жив, он с нами. Да и сам Поэт об этом сказал: «...Есть память обо мне, Есть в мире сердце, где живу я...».

ТАТЬЯНАНЫҢ
ҚЫРДАҒЫ ӘНІ

Абай поэзиясы, ақындығы туралы сөз болғанда аударма өлеңдеріне пәлендей мән беріле қоймайтын әдет байқалады. Бұдан аударма өлеңнің түбі, негізгі нұсқасы басқа ақындікі, сондықтан ондай туынды Абайдың негізгі, төл шығармалары қатарында талдануы қажет емес дегендей ұғым-түсінік те бар екенін көргендейміз. Ал шындығына келсек, ақынның аударма өлеңдерінің ешқайсысы оның төл шығармаларынан бөлекше, екінші қатардағы шығарма деп саналмауы керек. Абайдың ақындық шеберлігін, ойлау, бейнелеу өзгешелігін таныту жағынан олардың мәні ешбір кем соқпайды.

Абайдың аударма өлеңдерін түпнұсқаға барабар аударма және еркін, төл шығармаға айналған аударма деп екі топқа бөліп жіктеудің өз қисыны бар. Ол аударма өлеңдердің бәрі біркелкі емес екенін ескеріп, негізгі екі түрін бір-бірінен ажыратып айыру үшін қажет. Ал кең мағынасында аударма өлеңдердің қайсысы болсын, Абайдың қолынан шыққан көркем туынды, оның ақындық өнерін сипаттауда төлтума шығармаларын бірыңғай бөлек алып, аударма дегендерін шетқакпай қалдыру дұрыс болмайды.

Бұл жерде мықтап есте болатын нәрсе, Абайдың аударма өлеңдерін бүгінгі аударма туралы ұғым-түсінік тұрғысынан келіп бағалау дұрыс емес. Аудармаға қойылатын қазіргі талап басқа. Біздің заманымызда қалыптасқан ұғым бойынша аудармашы – төл шығарманы мүмкіндігінше мазмұн-мәнін, көркемдік қасиеттерін толық сақтап, басқа тілде жеткізуші, сондықтан ол туғызған аударма өлең қалайда төл шығарма емес, оның екінші тілдегі басқа нұсқасы, туынды шығарма.

Ал Абай болса, ол қазіргі аудармашылардай тек түпнұсқаны бар қалпында жеткізуді ғана мақсат етпеген. Қай шығарманы болсын өзі көңіл күйіне үйлестіре, қысылмай, қымтырылмай еркін тәржімелейді. Сонда да кейбір аударма өлеңдері түпнұсқамен өте жақын келіп, мейлінше үндес шығып жатса, ол – оның ақындық шеберлігінің бір қырынан көрінуі, қызықтап, қазақшалап отырған түпнұсқаның сарыны мен өз сезімінің арасындағы үйлестіктің нәтижесі.

Абайдың қолынан шыққан бара-бар, дәлме-дәл аударма дерлік өлеңдер бар да, сонымен қатар еркін тәржімеленген, әр түрлі өзгерістер енгізілгендіктен сарындас шығарма дерліктей сипат алғандары және аз емес. Осы топтағы шығармалардың ішінде төлтума туындыға айналған өлеңдер де бар. Сондықтан аударма өлеңдеріндегі сәйкес, дәлме дәл түсетін тұстарын артықшылығы, ал өзгеше, өзгертіліп берілетін жерлерін кемістігі деп санау қисынға келмейді. Өйткені Абай аударып

отырған өлеңнің мағынасын бастан-аяқ дәл, тура жеткізуге үнемі ұмтылмайды. Кейде еркін аударма шығыс поэзиясында орын алған нәзира дәстүріне келеді деп айтылып жүр. Асылында, нәзира деген белгілі сюжетке жазылған шығармаға қатысты ұғым. Өлең туралы айтқанда біз еркін аударма, сарындас шығарма дейміз. Сарындас деп кем дегенде жартылай аударма болып келетін, бірақ түгелдей алғанда төлтума туындыға айналған өлеңді ғана айтамыз. Себебі жай сарындас, жалпы үндестік дегеннің жөні мүлде басқа, ол, жорамалдауға болмаса, тиянақты байлам жасауға келетін нәрсе емес. «Евгений Онегин» романын алсақ, оны Абай, кейбір үзінділерін ғана алып, кейде жақын, бара-бар, кейде өте еркін тәржімелеген. Ал «Онегиннің өлердегі сөзі» деген өлеңді Абай түгелдей өз жанынан шығарған, «Евгений Онегин» романында Онегиннің өлімі туралы тура ештеме айтылмайды. Рас, қолжазба нұсқалардың бірінде Онегиннің аузына «Мен неге оққа ұшып өлмедім екен» («Зачем я пулей в грудь не ранен?») деген сөз салынатыны бар. Бірақ Онегиннің өлімі Абайдың өзінің тапқан көркемдік шешімі деп санаған орынды.

Орыс әдебиетіне зер салғанда, Абайдың назары алдымен Пушкинге ауғаны тегін емес-ті. Пушкин орыс әдебиетіндегі жаңа дәуірдің, қоғамдық мазмұны, тақырып-идеялары мен көркемдік сапасы мүлде жаңа классикалық әдебиеттің басы болды. Ол қоғамдық ой-өрісі, дүниетанымы, тарихи мақсат-нысанасы, эстетикалық-көркемдік жүйесі – барлық сипат-

қасиеттері өзгеше сөз өнерін қалыптастырды, орыс әдебиетінде реализм әдісін берік орнықтырды. Пушкин қазақ жерінде, Орынбор, Орал қалаларында болған кезінде қазақ халқына сүйіспеншілік сезіммен қарап, оның өміріне, әдет-ғұрпына, мәдениетіне зер салды. Ол қазақ жігіттерінің Пугачев бастаған шаруалар көтерілісіне бел шеше қатысқанын білумен ғана тынған жоқ, сонымен қоса қазақ халқының бай сөз өнеріне құмарта қызығып, ауыз әдебиетінің асыл нұсқаларының бірі «Қозы-Көрпеш-Баян-Сұлу» дастанын жаздырып алды.

Пушкиннің кесек көркем туындыларының бірі «Евгений Онегин» – шын мағынасында халықтық шығарма. Мұндағы басты кейіпкерлер төменгі таптан шыққан адамдар емес екені рас. Бірақ ең маңызды нәрсе – Онегин мен Татьяна, Ленский мен Ольга – осылардың қай-қайсысы болсын қарапайым халыққа қаншалықты жақындығы тұрғысынан бағаланады, олардың халық мүддесін түсіне білуі – артықшылығы болса, халықтың ой-түсінігінен алшақтығы – осалдығы болып шығады. Пушкин өз романында халықтың өмірін мейлінше толық, жан-жақты суреттейді, дворяндар мен шаруалардың өзара қарым-қатынасын да айқын көрсетеді. Халықтың күнделікті тұрмыс-тіршілігін, әдет-ғұрпын, әр алуан адамдардың мінезін, іс-әрекетін, табиғат көрінісін бәрін де терең және көркем бейнелегендіктен бұл шығарма шын мәнінде «орыс өмірінің энциклопедиясы» болды. Әрине, Пушкиннің поэмалары, «Борис Годунов» атты драмасы, «Дубровский», «Капи-

тан қызы» секілді шығармаларында да сан алуан қоғамдық құбылыстар, тарихи уақиғалар, мол өмір шындығы жатыр. Алайда «Евгений Онегиннің» алатын орны ерекше.

«Онегин» – Пушкиннің ең бір ішкі сыры молынан ақтарылған шығармасы, оның қиялының сүйікті перзенті, Пушкиннің тұлғасы «Онегинде» көрінгендей ақын тұлғасы мейлінше толық, жарқын және анық көрінетін туындылар өте сирек кездеседі. Мұнда оның бар өмірі, барлық жан-сыры, барлық махаббаты да, сезімдері, ұғым-түсініктері, идеалдары да айқын көрініс тапқан» деген Белинскийдің пікір көп жайды аңғартады. «Евгений Онегиннен» алған үзінділерді Абай бір жүйеге түсіріп, өзара байланысты етіп береді. «Онегиннің сипаты» (Жасынан түсін билеп сыр бермеген) деген өлеңі романдағы басты кейіпкерді мінездейді. Мұнда Абай Пушкиннің Онегинді ең толық, тұжырымды, келісті мінездейтін тұсын түгелдей алған, сонымен қазақ оқырмандарының Онегиннің психологиялық портретін айқын елестетуіне мүмкіндік туғызған. Орысша текст:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать, –
деп басталады.

Абай он бір буынды өлеңмен жазса да, аударманы Пушкин тексіне мағынасы жағынан өте жақын етіп бере білген, аударма түпнұсқаға

жолма-жол сай келеді. Жоғарыда келтірілген өлең жолдары былай қазақшаланған:

Жасынан түсін билеп сыр бермеген,

Дәмеленсе, күндесе білдірмеген.

Нанасың, не айтса да, амалың жоқ.

Түсінде бір кәдік жоқ «алдар» деген.

Осыдан-ақ Абайдың Онегин мінезіне тән қасиет-сипаттарды айнытпай, дәл бейнелейтінін байқаймыз. Осы өлеңде Онегинге берілген сипаттамалар – өр мінезділігі, ғашықтық сөзге жүйріктігі, көңіліне жаққан адамды елтітіп әкететіні, ұнатпаған адамын қорлаудан тайынбайтыны алдымен Онегиннің өз басын, мінез-бітімін танып-білуге мүмкіндік берсе, сонымен қатар оның Татьянамен және Ленскиймен қарым-қатынасын түсіну үшін де мәні бар. Мысалы:

Ғашық құмар, ақылмен бойыңды алып,

Жылы жауап есітер не қылсаң да...

Ел аулақта оңаша қолына алып,

Көңіліндегі сабағын айтып тынар, –

деген мінездеуге сай Онегин Татьянаның өзіне ғашық сезімін білдіріп хат жазғаннан соң, жар сүйеге, үйленуге менің жайым келмейді, бүгін сені сүйсем, ертең жалығамын дей отырып, әлі жассың, өзіңе лайық емес адамнан сақ болғайсың деп біраз ақыл айтып, «сабағын» беріп тынады. Онегиннің Татьянаға айтқан «мен баянсыз еркектің біреуімін» деген сөздерін, әрине, ақтарылып адал сырын ашқаны дей алмасак керек. Онда біз Абайдың Онегинді, Пушкинмен үндес шығып, ол «түсін билеп, сыр бермейтін адам» деп сипаттайтынын ескермеген

болар едік. Ал енді Онегиннің тағы бір мінез ерекшелігін танытатын мына сипаттаманы алсақ:

Өзіне күндес шықса жол таласқан,
Ажуаға, қорлауға тілі орамды,

Не түрлі тұзақ құрып көңілін басқан, – осы сөздер Онегиннің Ленскиймен қарым-қатынасын түсінуіміз үшін бағалы дей аламыз. Онегиннен өз сүйіктісі Ольганы қызғанған Ленский аяқ астынан амалсыз онымен күндес адам болып шыққанда, Онегин жас досының албырттығын, қызбалығын елемеген сынай көрсетуге тырысып, қасарып, өршілдігімен мәселені шиеленістіре түседі. Ленскийдің қорланып, азапқа түскенін көрсе де, дос адамша түсінісейік деген рай білдіре қоймайды. Қатесін өзі мойындамаса, азап шексе, өз соры, мен несін иілемін дегендей.

Бұл өлеңдегі Онегин сипаты романда алғашқы таныстыру түрінде берілген. Ал уақиға барысында, іс-әрекет үстінде оның мінез ерекшеліктері әбден айқындалып, толыға түседі.

Онегинге Татьянаның махаббат сезімін білдіріп хат жазатыны – романның сюжетіндегі ең бір түйінді жері. Абай «Татьянаның Онегинге жазған хаты» («Амал жоқ – қайттым білдірмей») деп сол «Я к вам пишу – чего же боле?» деп басталатын Татьяна хатын кейбір жерде сөз қалдырып кетіп еркін аударғанмен, Пушкин тексінің негізгі мағынасынан алшақтамайды. Аудармада Татьяна бейнесі, орысша түпнұсқаның басты ерекшеліктері сақталып, шебер суреттелген. Мысалы:

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья, – дегенді –
Келмесең егер сен бізге,
Сау болмас па ем, әлбетте?
Болмасам ашына мен сізге,
Түспес ем мұндай бейнетке, –
деп қазақшалаған.

Татьянаның осы хатынан орыс қызының ашық мінезділігі, адалдығы, сезімталдығы, сенгіштігі – бәрі де ап-айқын көрініп тұр. Сондықтан бұл хаттың Татьянаның мінез-бітімін, психологиясын, жан сезімінің нәзіктілігін танып-білуде үлкен мәні бар екені сөзсіз. Абай Татьяна хатының терең мазмұнын толық жеткізуді көздей отырып, бұл мақсатын қазақ жастарының ұғым-түсінігіне орай іске асыру қажеттігін де ескерген. Татьяна мінезін, оның еркіндігін, адалдығын өнеге ету үшін хатты қазақ қыздарының ұғымына сай келтірген. қазақша текстегі кейбір өзгешеліктер осыдан туған деп қарауымыз жөн. Мысалы:

Шеш көңілімнің жұмбағын,

Әлде бәрі – алданыс.

Жас жүрек жайып саусағын

Ұмтылған шығар айға алыс, –

деген шумақтағы қыз жүрегін аспандағы айға саусағын жайып тұрған бір жанды бейне кейпінде алып сипаттағаны – Абайдың өзі тапқан көркемдік тәсілі.

Абайдың «Татьяна хаты» атты бұл өлеңі терең мағыналы болумен бірге көңілге қоным-

ды, тілге жеңіл болып шыққан. Оған Абайдың өзі әдемі ән шығарып, «Татьяна хаты» ертеден ел арасына кең тарап, айтылып келгені мәлім.

Абай Онегиннің Татьянамен бақшада кездескендегі айтқан қыздың хатына жауап сөзін «Онегиннің Татьянаға жауабы» (Таңғажайып бұл қалай хат) деп жеті-сегіз буынды өлшеммен бір аударған да, он бір буынды өлшеммен түгелдей тағы тәржімелеген. Абай бұл екінші аудармасында алғашқыдағыдай: «Мен – жаралы жолбарыспын, жұрттың атқан оғы өтіп», «Сен – тоты құс бақта жүрген» – деген сияқты өзі тыңнан қосқан айшықты теңеулерді қолданбай, Онегинді мейлінше қарапайым тілмен сөйлетеді. Бірақ түпнұсқада бар бейнелі салыстыруды сақтап:

Жас қыз бен жас бәйтерек бәрі бірдей,

Жапырағы тұра ма жылда өзгермей? –

деп келтіреді. Онегин Татьянаның адалдығын, таза махаббатын, сенгіштігін бағалай білсе де, жүрегі елжіреп тұрған жоқ. Бұл кездесуде ол сезімге бойын билетпейтін, өзінің бас бостандығын бәрінен жоғары бағалайтын, салқынқанды қалпында көрінеді. Ал кейін Татьяна ерге шығып, басқа адаммен тұрмыс құрғаннан соң қайта кездескендегі Онегиннің күйі басқаша, оның Татьянаға ғашықтық сезімі сонда ғана оянады. «Онегиннің Татьянаға жазған хаты») («Хұл білемін, сізге жақпас») – Онегин бірнеше жыл арада өткеннен соң өзі бір кезде жар етуден бас тартқан Татьянаға қайтадан жолыққанда ғашықтық сезімін білдіріп жазған,

түпнұсқада «Письмо к Татьяне» деген атпен берілген:

Предвижу все, Вас оскорбит
Печальной тайны объяснение,
деп басталатын хаттың өте еркін жасалған аудармасы. Мысалы:

Сен бетінді әрі бүрсаң,
Шықты көзім, болды көр.
Жанды аларсың, разы болсаң,
Біздің орын – кара жер;
Немесе:

Бар ма өмірім, қармалайын,
Жок болса, мен өлейін, –
деген сияқты сөздер түпнұсқада жок.

Онегинге Пушкин:
Я знаю: век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с Вами днем увижусь я, –
деген сөздерді ғана айтқызып болса, Абай Онегинге:

Менің өмірім таянып тұр,
Үзілуге әм жаным, –
дегенді ғана айтқызып қоймай, оған махаббатсыз өмірмен қоштасуға бел байлады дегенді айтқызады. «Онегиннің өлердегі сөзі» деген өленді өзі шығарып Онегинге:

Атам, анам, кара жер,
Сен аша бер қойнынды, –
дегізіп, оны өмірмен қоштастыратыны да осыған орайлас келеді.

Онегиннің осы хатына Татьянаның екеуі кездескенде айтқан жауап сөзін Абай «Татья-

на сөзі» (Тәңірі қосқан жар едің сен) деп аударған. Бұл да мейлінше еркін тәржімаланған, өзгертулері көп. Олар қандай десек, тастап кеткендері сол кездегі қазақ қауымының, жастардың ұғым-түсінігіне үйлес келмейді-ау деген жерлері, қосқаны – солардың көңіліне қонымды қазақша сипаттама сөздер.

Татьянаны қазақша ойлап, қазақша сөйлеген етіп көрсететінін мына сөздерінен аңғаруға болады.

Сен жаралы жолбарыс ең,
Мен киіктің лағы ем.
Тірі қалдым өлмей әрең,
Қатты батты тырнағың.

Қаймақ еді көңілімде,
Бізге қаспақ болды жем.
Абай Татьянаның аузына:
Сен шошыдың ғашығыңнан,
Өзге жұрттан қамшы жеп, –

деген сөзді салған. Орысша түпнұсқада Онегинді олай ақтау кездеспейді. Татьяна тек ол кезде сіз мені ұнатпаған едіңіз («Я вам не нравилась») дейді.

Ал бүтіндей алсақ, Татьянаны баяғыдай адал, бірақ кісіге сенгіштігінен арылып, өзіне сенімділігі артқан, сертіне берік, алған бетінен қайтпайтын жан етіп сипаттауы жағынан Абай Пушкинмен толық үндес шыққан. «Татьяна сөзі» (Тәңірі қосқан жер едің сен) де Абайдың өзі шығарған әнімен ерте кезден бері ел арасында айтылып келеді.

«Онегиннің өлердегі сөзі» атты Абай өз жанынан шығарған өлеңінен ол Онегин бейнесін, тағдырын сол кездегі қазақ жұртшылығына жақсы таныс Шығыс поэзиясының дәстүріне жақындата, Пушкиннің сипаттауынан басқарак баяндағанын көрсек, ал «Куда, куда вы удалились» деп басталатын Ленскийдің монологын «Ленский сөзінен» (Барасың, қайда, қайда болмай маған) деп аударғанда мазмұн-мағынасын көп өзгертпей жеткізуге ұмтылғаны байқалады. Бірақ Ленский сөзін түгел алмай, ықшамдап, жартысынан азын ғана еркін қазақшалаған, өлең небәрі сегіз жол ғана болып шыққан. Онегинмен жекпе-жек атыспақ болып, дуэльге шығар алдында айтқандықтан мұны Ленскийдің өлердегі сөзі деуге келеді. Онегин тағдыры тұжырымды, дәлелді сипатталған болса, Ленскийдің тағдыры, сүйген қызы Ольганы Онегиннен қызғанып, оны жекпе-жек ұрысқа шақырып, дуэль үстінде қаза болғаны ол кездегі «Евгений Онегин» романының мазмұнынан бейхабар ортаға белгісіз болып қала береді. Ленскийге өзіне өлім қаупі төніп тұр деген сөзді айтқызған соң, оның солай деуінің сыры неде, нендей мәнісі бар екенін анықтаса керек еді. Қызу қанды, қиялшыл, албырт жас ақын жігіт Ленскийдің бейнесін Пушкин салқынқанды Онегин бейнесіне қарама-қарсы қойып сипаттаған. қызғаншақтықпен сенімсіздік білдіріп өш алмақшы болған жас досына Онегин де иіле қоймай, өз басын да оққа байлап, оны да жазатайым өлімге қиюдан тартынбайды. Бұл Онегиннің,

Абай сипаттап айтқандай мінезін, бәсекелес адамына кешірім жасай қоймайтынын, қайта оны «жеңуге, қор қылуға» бейім тұратынын «өрлігі жаннан бөлек» екенін айқындай түседі. Ленскийдің жекпе-жекке шығар алдындағы, яғни оның өмірінің ең бір түйінді кезеңінде айтылған осы сөзін Абай назардан тыс қалдырмай, оған әдейілеп көңіл бөлгеніне қарағанда, Онегин және Татьяна екеуімен қатар Ленскийді де қазақ жұртшылығына толығырақ таныстырып, оның Онегинмен қарым-қатынасын кеңірек ашып көрсетуді ниет қылған деп жорамал жасауға болады. Бірақ Ленский туралы жазғаны осы ғана ма, әлде сақталып жеткені сол ма – оны айту қиын.

Абайдың «Евгений Онегин» сарынымен шығарған өлеңдері, – бара-бар немесе еркін аударғаны бар, жанынан қосқаны бар, – түгелдей алғанда бір желіге түсірілген, бір тұтас топтама шығарма деуге лайық. Сондықтан Мұхтар Әуезов «Қазақ халқының ұлы ақыны» атты мақаласында: «Абай версиясында «Евгений Онегин» эпистолярлық роман түріне айналған» дейтіні тегін емес. Әрине, хат түріндегі, яғни, эпистолярлық роман дегенді шарты түрде айтылған деп түсінген жөн. Өлеңдердің кейбіреуі хат түрінде, ал бір тобы кейіпкерлер сөзі (монологы) түрінде берілген ғой. Автордың атынан айтылған сипаттама («Онегин сипаты») және бар. Өлеңдер түгелге жуық кейіпкерлер атынан айтылған сөз (не хат, не монолог) болғандықтан оларда лирикалық драманың сипаты бар деуге де қисын жоқ емес. Қалай айтсақ

та, мәселе Абайдың «Евгений Онегин» сарынымен жазған өлендерінің ажырамас біртұтасығын ұғып-түсінуде. Әуезов пікірінің құндылығы да осында.

Пушкин ұлылығын сол заманда, сол ортада отырып тани, бағалай білгендігі – Абай ұлылығының бір жарқын көрінісі. Әсет, Әріп сияқты ақындардың «Евгений Онегинді» дастан етіп айтып жүргені Абай орнықтырған дәстүрдің сол кездің өзінде-ақ жалғастық тапқанын дәлелдейді.

АБАЙ
О ПРОРОЧЕСТВЕ

В истории есть много рассказов о мудрости. В исследовании жизни и судьбы мудреца всегда есть место ошибкам и недомолвкам.

И поэтому может быть, список мудрецов постоянно меняется. Абай в этом случае определяет конкретные критерии, которые могут быть предъявлены к мудрецам. Два качества Абай считает главными: мудрец должен быть справедлив и милосерден. У Аристотеля есть такое пояснение: «Мудрость есть наука об определенных причинах и началах» (Аристотель. Сочинения. Т. 1. М., 1976. С. 67).

Это замечание Аристотеля в основном верно, но оно неполное. Если добавить к нему определение Сократом философии как знание о добродетели и формулировку Абая о том, что мудрость состоит из праведности и милосердия, в этом случае, на наш взгляд, представление о мудрости будет полным.

Итак, щедрый человек должен иметь три качества: праведность, милосердие и мудрость. На вопрос, как называть таких людей, Абай дает четкий ответ. Первые обладатели вышеуказан-

ных качеств – пророки, следом за ними – святые, за святыми – хакимы и самые последние – добропорядочные люди.

Абай дает точную типологию щедрости. К первому типу следует отнести самых щедрых – пророков, что бесспорно. Они справедливы, милосердны, мудры, но надо опасаться лжепророков, которые могут бросить тень на истинных пророков.

Ожиданием мессии характеризуется любое время. Толкователи ислама утверждают, что последним мессией был Мухаммед. Султанмахмут Торайгыров еще в начале социалистической эпохи, в период смуты и волнений вопрошал: «Кто есть Иисус?»

В понимании поэта время требовало пророка праведного, милосердного и мудрого. В те времена одни утверждали, что пророк, которого ждет поэт, – Маркс, по мнению других, таковым был Ленин. Но на самом деле Торайгыров не имел в виду конкретного человека, его идея заключалась в томительном ожидании мессии.

Мухаммеда мы называем расулом – наследником Божьим, и эта функциональная обязанность не только Мухаммеда, но и всех бывших на земле пророков. Иначе говоря, суть этой проблемы (особенно это проявляется в мусульманской культуре) заключается в том, что, поскольку прямой связи между человеком и творцом нет, более того, человек не имеет возможности понять и осознать его, между ними возникает фигура посредника, то есть пророка.

Мусульманин говорит: «Аллах един, и Мухаммед пророк его». В Коране упоминаются кроме Мухаммеда другие пророки. Из них особенно выделяются – Моисей, Давид, Иисус Христос.

Пророк меняет сознание времени, эпохи, кроме того, некоторые из них были правителями (как Мухаммед – халиф). Быть щедрым, находясь на посту правителя, – дело очень непростое, трудно осуществимое. Но надо учесть, что хоть пророк и говорил от лица создателя, но возможности его были ограничены – его деятельность распространялась в пределах одной религии. Сколько в мире религий, столько же пророков.

Потому-то в истории культуры распространена традиция пророчеств. Например, у Абая есть мысли, выраженные в этой традиции. Меняются эпохи, города, характеры и лица, и вместе с ними сменяются наби, пророки. Наби – это, по Абаю, пророки. Заметим, что любое изменение отражается в словах пророков, причем слово предыдущего может изменить, переименовать следующий пророк. И следующее слово уже принадлежит новому мессии.

Неизменен лишь Аллах, а вот пророчество мессии, которому дано донести слово Аллаха до народа, изменчиво. Таким образом, понятие благого дела наполняется в разные времена иным содержанием. Вечных установок и принципов нет. О пророчестве писал и Магжан Жумабаев, взяв эпиграфом строки Мережковского.

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи
Ждем, не придет ли наш Пророк.

Известно, что Родина пророков – Восток, поэтому Запад с надеждой устремляет взоры к восходу солнца. Поэтический образ, созданный Магжаном, – сын Солнца – напоминает мне тему цикла стихов Гете «Западно-восточный диван».

Как солнце – Гелиос Эллады –
Летит, Вселенной свет неся,
И мечет огненные взгляды,
Да покорится все и вся...

...Не так ли жребий непреклонный
Твоей любви поставил срок,
И что мне в той квадриге тронной,
Хоть сам я стал бы Солнца бог.

Пророк в понимании Гёте – это тот, кому подвластна тайна бытия, он выше обыденной жизни. Приведем в доказательство следующие его строки. Пророк говорит:

Тот, кто зол, что волею Аллаха
Был пророк от бурь и бед укрыт,
Пусть к устоям горных сфер без страха
Для себя веревку прикрепит,
Час-другой над бездной повисев,
Он забудет неразумный гнев.

Идея Пророка была в свое время озвучена
и Пушкиным в стихотворении «Пророк».

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился:
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Пушкин написал это стихотворение в 1826 году. Он говорит о своем предназначении как поэта, о роли и месте в обществе. Тайну поэтического дара и провидческий дар поэта он сравнивает с пророческим даром. И он имел право на подобное утверждение. В обстоятельствах того времени Россия могла ожидать пророков только от поэзии, только от круга поэтов, что соответствовало действительности. Эту мысль Пушкина продолжил 15 лет спустя Лермонтов.

Исследователи творчества поэта утверждают, что стихотворение «Пророк» для Лермонтова было последним. Приведем полностью стихотворение.

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городóв бежал я нищий,
И вот в пустыне я вижу,
Как птицы, даром божьей пищи;
Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная,
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами;
Глупец хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

И вот вам участь пророка. Современники не всегда могут дать объективную оценку пророку. И очень часто, не ограничиваясь едкими шутками, злобными издевательствами, люди забрасывали пророка камнями. Получить признание современников пророкам не всегда удавалось, в истории это очень редкое явление. А если это случалось, то пророк обладал, как, например, Мухаммед, политической властью.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что идея пророка, мессии встречает у большинства неадекватную реакцию, реакцию противостояния, ибо народ, скорее, готов поверить небылицам, чем согласиться с правдой.

Об этом с горечью размышлял и Абай. «Кто дал Сократу яд, сжег на костре Жанну д'Арк, распял на кресте Иисуса, закопал Мухаммеда в верблюжьи колючки?» Он – это толпа, а у тол-

пы нет разумности. Заблудшую толпу надо направить по правильному пути. Но кто он, этот могущий, который справится с большинством? Не пророк ли? Но услышат ли его люди? Лермонтов говорит, что слова пророка не будут восприняты. Взрослые будут указывать на него: «Смотрите, как он наг и беден, как презирают все его!»

Иная форма проявления щедрости – святость. Понятие святого есть во всех религиях. Чтобы прослыть святым, несомненно, надо быть и праведным, и милосердным, и мудрым. Святые и истинные святые были и будут во все времена. Абай же заводит разговор об истинных святых с известной долей критики. Они (святые – Г.Е.) заботились лишь о загробном благе, забыв о радостях жизни, о земной любви (там же. С. 199).

Говоря так, Абай не отрицает полностью святых, он лишь ставит проблему несколько иначе. Что значит реальность, что значит истина?

И сам же отвечает: Сама жизнь – есть истина. Иногда мы, гоняясь за призрачной мечтой, превращаем свою жизнь в обман. Но если верно то, что жизнь есть истина, тогда в ней заложена праведность. Пользуйся Божьим даром – живи, принимая его дары с благодарностью, не отворачивайся от удовольствий на земле, не отвергай их. Не каждый может быть святым, этот феномен встречается чрезвычайно редко. Человек должен просто прожить жизнь, предоста-

вив возможность последующим поколениям оценить ее.

Хакимы – следующий тип проявления щедрости. Конечно, и пророки, и святые по своей сути могут быть хакимами. Возможно, оно так и было. Абай называет хакимом особый род людей, вышедших из профессиональных ученых. Это, во-первых. Во-вторых, хакимы могут принадлежать различным конфессиям, но их деятельность направлена на благо всего человечества. Поэтому Абай пишет: «Если бы не хакимы, которые, блуждая в потемках, отыскивают истину, на земле был бы хаос. Их деяния, в основном, связаны с судьбой всей земли, всех людей» (там же. С. 200).

Абай особо выделяет тот факт, что хакимы, решая земные проблемы, не отрицали и загробную жизнь. Размышляя о готовности к загробной жизни, они высказали такую мысль: «Земная жизнь – жнива для загробного существования» (там же. С. 202).

Теперь остановимся на следующем типе щедрых людей, выделенных Абаем, – добропорядочных. Что случилось бы с миром, если бы каждый второй был мессией, святым или хакимом?

Абай говорит, что жизнь держится на добропорядочных, простых, ничем не приметных гражданах. Вспахивая поле, убирая урожай, всем миром встают на защиту земли, воспитывают детей, бережно хранят традиции, чтят пророка и верят в него, оберегают святых, склоняют голо-

вы перед хакимами... Конечно же, это простые люди, без которых невозможно было бы течение жизни. Обладатели истины – они. Недаром бытует поговорка: «Сказанное народом – верно».

Есть еще одна форма щедрости, присущая истинным мусульманам – благородство.

Поразмышляем вместе над двумя понятиями, которые дополняют друг друга – Адамның айласы и кісілік – «благородство». Первое понятие было известно и до Абая, оно в ходу с давних пор. «Ты мне – я тебе» – этот принцип действует, и причем активно среди смертных, и в сущности вся их жизнь – это круговорот бесчисленных сделок и соглашений, умение найти ходы и выходы из, казалось бы, безнадежных ситуаций.

В таких случаях казахи обычно говорят: «Ключ к нему – на небесах». Смысл всех потуг сводится к одному: во что бы то ни стало найти подход к человеку, от которого зависит твоя судьба, и тут, как говорится, все средства хороши – и прогнуть спину во время, и подхалимничать, стелиться шелковой травой, ни спать, ни есть, быть готовым на все, лишь бы все обошлось, лишь бы этот человек повернулся к тебе лицом, лишь бы заполучить желаемое. Без этого он не мыслит своей жизни, и свет ему не мил. И, закатав рукава и подобрав полы, спешит успеть любой ценой найти подход, обойти всех, добиться желаемого.

И на что только способен человек во имя удовлетворения своих амбиций? Ты понимаешь,

что судьба – дар Бога, а возможность использовать этот дар – в твоих руках. Ты больше думаешь о том, как угодить нужному человеку, забывая о своем долге перед Творцом. И тогда есть опасность, что в твоей душе не останется места для благородства.

Благородство – это чувство собственного достоинства, самоуважение личности. Человек, лишенный этих качеств – несчастное, убогое существо, и вряд ли он когда-нибудь вернется к самому себе. Абай ставит проблему именно так, а не иначе. В суете сует, за житейскими хлопотами важно уберечь себя от подобных потерь.

Человек с чувством собственного достоинства – добропорядочный человек, и по Абаю, он истинный мусульманин. Казахи говорят: у того-то де нет благородства, разве он человек?

В таком случае это понятие должно занять свое место в современном лексиконе именно в том смысле, который закладывал в него Абай. Мы не должны абсолютно отрицательно воспринимать принцип «ты мне – я тебе». Найти подход человеку, ключ к взаимопониманию – это большая проблема. Значение его в прагматическом аспекте велико.

Зрелый умный человек не забывает об этом никогда. И рай на земле, и ад в быту обещают тебе эти слова. Они же являются предметом исследования многих наук: дипломатии, этики, педагогики, психологии, юриспруденции и т. д.

Абай предупреждает: даже если ты занят чрезвычайно важным делом, не забывай о благородстве.

Творец дал смертному сознание и волю, но не определил их границ. Высокоорганизованному и свободному человеку чего только не придет в голову, чего только он не сделает. Отслеживает ухищрения человека – тоже человек. Само это отслеживание – тоже подход. Но какой из подходов человека правильный, какой ошибочный – необходимость оценки порождает появление еще одного подхода.

Как же выйти из этого тупика, из этих бесконечных взаимоотношений и взаимозависимостей? Если бы проблема не была столь актуальна и остра, вряд ли такой мыслитель, как Абай, останавливался бы на ней.

Решая свои дела, определись с подходом к человеку, от которого зависит твоя судьба, но не забывай о благородстве, и это главное.

В понимании Абая (кісілік) благородство и (адамшылық) человечность неоднозначны. В просторечии, в житейском разговоре, может быть, мы и пользуемся ими как синонимами. Но на самом деле эти два слова в научной терминологии суть разные. Они выполняют качественно разные функции. О благородстве нами было сказано выше, рассмотрим теперь понятие «человечность».

Человечность – это представление о человеческих качествах. Человека от другого существа, не-человека, отличает целый ре-

есть потребностей. Человек обладает сознанием.

Проявление этого сознания и есть человечность. Форм проявлений довольно много. Есть и другая сторона познания сути человечности – это признание человеком творца. И хотя в различных религиях об этом высказываются по-разному, суть всех рассуждений сводится к одному: отчетность, ответственность человека перед Богом. Если же этого нет, тогда мы сталкиваемся с проявлениями иного порядка. Самое веское доказательство сказанному – принципы коммунистической морали.

Согласно коммунистической морали – уничтожить классового врага – норма морали. Ясно, что подобные установки способствуют духовной деградации, распаду личности, но только не ее становлению. Заповедь любой религии – «не убий». По религиозным верованиям, совершать деяния, направленные против человека, – грех. Жизнь человека – в руках Божьих, его могуществе, что выражается словами «рок», «удел», «предначертание».

Таким образом, человечность начинается с осознания своего долга, обязанностей перед Творцом. Человек – раб божий, поэтому главный принцип человечности – признание могущества Творца. Тогда для человека главной ценностью становится человек, ибо из всего созданного Богом самое совершенное и бесценное его творение – человек.

Высказываясь по тому или иному случаю, совершая те или иные поступки, человек часто ошибается, заблуждается, ибо он не слышит слова Божьего, не знает его, не осознает. Когда теряется порядок слов, когда одни слова заменяются другими, человечность отступает, начинает сдавать свои позиции. Код всех слов, которыми пользуется человек, у творца.

Религиозные люди очень осторожно обращаются со словом, может быть поэтому их речи всегда содержательны и значимы. Действительно, у всех слов одно начало, один исток. Человечность – в чистоте слова, в чистоте мысли. Под чистотой мысли мы подразумеваем понимание пределов ее полета. Мысль не должна превышать своих строго очерченных возможностей, не должна брать на себя несвойственные ей функции. В противном случае мысль теряет свою чистоту, что влечет за собой болезнь духа. Мысль могущественна, сильна, но все, что за ее пределами, – во власти Бога, в тайне мироздания.

Каждый должен воспринять это сердцем. Невежество – тень благородства. Абай много говорил о невежах, невежественности. Непроизвольно задаешься вопросом – что подразумевал Абай под этими словами?

В поисках ответа обратимся к самому Абаю. Рассмотрим по порядку все сказанное им. Во-первых, Абай признается, что в мире много невежд, и поэтому жизнь на земле превратилась в ад. Связано ли существование невежд с какой-либо закономерностью? В сти-

хотворении «К границе жизни приблизились» Абай говорит, что вокруг меня множество невежд. Здесь, по-видимому, словосочетание «надан» употреблено в значении «толпа». Конечно, по-другому это и не назовешь. Толпа — изначально проявление стихийности, неуправляемости. Психология толпы мелка, она готова разрушить все, называя черным белое, белое черным. Это слепая сила, способная сместь все на своем пути. В «Восьмистишиях» Абай говорит «Устал я от непослушных невежд». Что он имеет в виду?

Острота проблемы заключается в том, что толпа не слышит голоса разумного человека, ибо его слова обращены в сторону созидания, а не разрушения. Толпа не слышит голоса разума, да ей и не нужны подобные слова. Когда множество невежд образует толпу, начинается смута. Толпе не нужен покой и порядок, ибо тогда их невежество проявится, как след на снегу.

В хаосе, беспорядке, волнениях и смуте невежды чувствуют свою безнаказанность, ибо каждый из них может скрыться в толпе. Толпа в своих действиях разрушительна. Однако тут надо сделать одно замечание. Вы смогли заметить, что Абай о множестве невежд, иначе говоря, толпе, говорит, исходя из своего жизненного опыта. Что же пытается объяснить Абай, что его разочаровывает, от чего он негодует?

Справедлив ли Абай в своем отношении к окружающим его людям? Ведь не все его слова доступны его современникам, может быть, они

были недостижимы для их понимания? Подняться на уровень Абая, видеть все глазами Абая – возможно ли это для рядового человека? А есть ли необходимость в том, чтобы все были Абаями? Есть определенная закономерность в том, что между выдающимися личностями и простыми людьми дорога длиною в жизнь. Поэтому нельзя относить к невеждам поголовно всех незнающих.

К ограниченности человеческой природы надо относиться терпимо. Абай понимает, что множество невежд, совершая неразумные дела, имеют способность, с полуслова понимая друг друга, создавать толпу. Он в отчаянье от того, что инстинкт толпы формирует ее сознание. Не повинаясь рассудку, они способны на богопротивные дела. Это большое испытание на человечность, так как инстинкт толпы таит в себе угрозу людям, их будущему. Инстинкт толпы ограничивает ум, сковывает волю.

Во-вторых, пустого человека Абай характеризует следующим образом: невежа с безумным взором – жалкое подобие человека. Такой человек не способен на благие дела, его не увлекают благородные порывы, ему не дано проникать в суть вещей, он живет только сегодняшним днем, у него нет огня в душе, ему не о чем печалиться, не о чем тужить. Есть две причины, которые порождают эту душевную пустоту: первая – патология, болезнь, умственная отсталость, вторая возникает как следствие лени и безалаберности природы. По мнению неко-

771

торых, депрессия, разочарование тоже можно назвать душевной пустотой, но отречение от жизни – это своего рода результат размышления, способности мыслить. Но если человек, не догадываясь о том, что истина – это сама жизнь, отрекается от жизни просто из упрямства, его можно отнести к невежам. Жизнь – это дар, ниспосланный Творцом. А отказываться от дара – невежество. В связи с этим прав Абай, который говорит: «Мрак ночи закрывает мир невежды. Как можно избежать завесы темноты, которая окутывает невежду?» И продолжает «Суть человека – в совершении благих дел». Абай следовал этой идее, всегда убежденный в том, что только в этом случае душевный свет озарит жизнь человека, рассеется мрак. Но благодеяние соответственно требует целеустремленности, образованности, широкого кругозора, одним словом, умения мыслить. Целеустремленного, образованного, интеллигентного, думающего человека никогда не накроет завеса темноты, невежества».

Таким образом, по Абаю, душевно пустой человек – невежа. Но мне думается, что понимать эти определения буквально, в прямом смысле, не следует.

Внимательный читатель заметит, что Абай не допускает безапелляционного тона при толковании тех или иных положений, уходит от прямых ответов. Хотя поэт, вникая в суть интересующих его вопросов, всесторонне изображает жизнь, подлинный смысл его слов скрыт

в глубине. Например, поднимая проблему невежества, чванства, Абай свое назначение видит не только в том, чтобы просто подметить недостатки, но и показать пути их устранения. Невежественный человек – душевно пустой человек, говорит Абай, и тут же представляет проект решения этой проблемы, суть которой заключается в том, чтобы устремиться к знаниям, к искусству. Для этого, конечно же, нужен ум, сознательность, богатство чувств.

В-третьих, Абай вскрывает истоки невежества: неграмотность, отсутствие знаний. Это мнение вызывает у нас встречный вопрос: а что понимать под словом «неграмотность»?

Надо признать, что само это понятие требует уточнения. По традиции, неграмотным, необразованным мы называем того, кто не видел в глаза учителя.

Абай же это слово употребляет в двух значениях: обучавшиеся и учившиеся, но ничему не научившиеся. Критерием образованности Абай всегда называет человечность. Если человек, обладая знаниями, проявляет необразованность, его Абай называет невеждой. К примеру, Абай говорит: «Не понимает никто слов», подразумевая слово поэта. Конечно же, именно его слово не понято. Сказать так Абай имел право, и он знал цену слова. Он осознавал, кем он является для казахов. И когда он с горечью констатирует: «И говорящие и слушающие в большинстве своем невежи», – его слова звучат убедительно. «И акыны их глупы», – продолжает

Абай, также имея на это право, ибо он не только знал цену истинного поэта, но и сам был таковым. Абай в полной мере выстрадал и заслужил право определять подобные критерии – и критерии истинной поэзии, и критерии истинного поэта.

Абай считал, что тот, кто недооценивает невежд, сам невежа. Ибо невежа тоже человек, и презирать его – несправедливо.

Подобное мировосприятие сродни взглядам аскетов. Абай не был чистым аскетом, но был им близок по духу. Понимая, что враждебность порождает мстительность, ожесточает человека, он писал: «Цель моя – отточив перо, выбрать слова, которые раскрывают глаза невежде».

«Презирал я невежд, считая их ниже себя!» – укоряет Абай самого себя. Это мнение заставляет и нас задуматься. А разве мы избавлены от этого? Вряд ли есть на земле человек, который бы не проявлял невежество. Ведь и сам Абай признает за собой этот недостаток.

Абай в «Слове» говорит: Бог создал болезни, но не он их вызывает. Точно так же невежество ниспослано Творцом, но человека делает невежественным не Бог. Но тогда в каком случае человека можно назвать невежественным?

Если человек замечает в себе проявление невежества, то он уже не может быть невежественным. Невежество порождается незнанием, говорит Абай в «Восьмистишиях»: «Для неве-

жи главное – мнение большинства. У кого нет собственного мнения, своей точки зрения, тот пустой человек. Он будет следовать за любимым, выполнять не раздумывая его волю. У такого человека нет внутренней свободы, и он вряд ли сможет избежать невежественности». Наблюдая за подобными людьми, самодовольными, хихикающими невпопад, пустыми, Абай с горечью писал: «У невежды одно на уме – веселье и смех».

* * *

Абай не только обозначил три основных качества, определяющих человеческую суть, – сильную волю, светлый разум и горячее сердце, он еще и предавался глубоким размышлениям о смысле жизни. Природа смертна, человек же бессмертен, считает он. Человеку с самого начала уготован этот удел.

Средневековый мыслитель Коркыт всю жизнь посвятил поиску ответа на вопрос: что не имеет смерти? От него достался нам в наследство высокий афоризм: «Куда ни пойдешь, везде могила Коркыта», смысл которой заключается в том, что человек не может избежать своей смерти, где бы он ни был.

Жизнь – это дар, смерть – истина. Это неоспоримо, но есть обстоятельства, когда наступает бессмертие и смерть отступает. Перед Коркытом везде оказывалась могила, которую надо рассматривать как его земную судьбу, но не

судьбу в Вечности. Абай считает, что смерти для «Я» нет изначально. Какой же смысл вкладывал Абай в это «Я»? Он как бы делит человека на две половинки. Абай так говорит об этом: «Смертна природа. Человек не умрет, хоть жить не будет и обратно не придет. Разъединение со мной той природы один невежда полнотой смертью назовет» (подстроч. пер.). Тогда выходит, что, хотя человек бессмертен, после того, как наступит его смертный час на земле, возвратиться обратно в том же образе, в той же форме ему нет возможности. Он уже не будет пить и есть, веселиться, смеяться как прежде, ибо время необратимо, повернуть его вспять никому не дано. Это доказывают и законы физики. Покинувший этот мир навсегда переселяется в иные пространства. И от него остаются лишь воспоминания, лишь представление о нем. Это в общем не так уж мало. Когда в сознании формируется образ ушедшего, его жизнь становится легендой, мифом.

Например, уже упоминавшийся нами Коркыт – личность мифическая. Абая мы не можем назвать мифическим героем, наверное, потому что для этого нужно время. Чтобы реальность стала реальностью, нужна переоценка ценностей, их смена, это, во-первых. Второй вывод, который мы заключаем из вышеприведенного четверостишия Абая, это то, что понятия «Я» и «Мое» суть отдельные. Это открытие Абая. Отделение «Я» от «Моего» называется смертью, утверждает Абай, четко оп-

ределяя понятие смерти. Но тут надо учесть, что Абай говорит лишь о причине отделения «Я» от «моего» и называет это смертью. Смерть – это метод, способ доставки человека в «запредельный мир». Это сродни тому, как человек снимает старые одежды и появляется в обновке. Тогда что же подразумевает Абай, выделяя «Я» и «Мое»? Ответ находим у самого поэта: «Ум и душа» – Я; плоть – Мое. «Я» и «Мое» – понятия разные (подстроч. пер.), – говорит он. Структура «Я», т.е. его содержание, это ум и душа, суть субстанции духовного. И потому человек не умирает, дух его бессмертен, заканчивает жизнь на земле лишь его физическое тело. «Мое» определяет, по Абаю, физическую величину. «Мое» умрет, у «Я» смерти нет, заключает мыслитель. Это ответ Коркыту, но в размышлениях Абая есть одна неразрешенная проблема – это понятие ума (акыл).

Ум и душа – это «Я», говорит Абай. Душа уходит из тела, а ум? Или, быть может, Абай считал, что ум формирует оставшиеся после ухода человека в мир иной воспоминания, представления о нем? Оставившего после себя добрую память и теплые воспоминания как можно назвать умершим? Оставить бессмертное слово – значит оставить память о том, что ты был на этой земле? Конечно, это подтверждает и история. Оставим это в качестве вопроса Абая.

Мы все осознаем, что смерть – это истина, ибо пустое слово «могила» на казахском языке

звучит «көр». И это слово «көр» переводится как «смотри». Смерть неизбежна, это то, что ждет тебя в будущем, твой рок, место, где уготован тебе покой.

Вместе с тем есть одна проблема, над которой бьются по сей день ученые и мыслители. Проблема эта связана с понятием души. Об уме Абай сказал, а что же понимать под словом душа? Почему душа, по Абаю, должна быть вечной, куда она уходит, покидая брренное тело? Где ее пристанище, как определить ее дальнейшую судьбу? На эти вопросы ответов нет, все попытки поисков – это лишь набор гипотез, предположений, догадок. Одна из таких гипотез принадлежит Абаю.

«Разве можно жить, не думая о Творце? Не может ли быть иной мечты, кроме той, что суждено нам вернуться в «Лә мәкән»...»

Над этой версией стоит призадуматься, взвешивая все «за» и «против». Смысл всей нашей жизни, может статься, определяет это понятие «Лә мәкән».

Лә мәкән – в переводе означает место без адреса. В понимании Абая – это обитель Творца. Лә мәкән – это предположительно настоящее твое пристанище, истинное твое место.

Лә мәкән, – наверно, вечная обитель души.

Не могу сказать точно, что это понятие обозначает в полном объеме. Абай тоже не составил точного определения. На наш взгляд, Лә мәкән – место, пространство, куда переселяются души. То есть у каждой души есть свой

срок существования, отдельная жизнь. Может быть, и ум там же находит себе пристанище? В моем представлении и душа, и ум – это сила, энергия, проявление их в человеческом теле. Они имеют одну форму, а вот покинув плоть, и душа и ум, быть может, обретают иные очертания, иные воплощения? Возможно, что этим изменениям нет границ. По этому поводу есть различные версии и догадки и у ученых и в религиозных догмах. Мы же останавливаемся на одном: как, в какой форме достигают душа и ум своего вечного пристанища – Лэ мэкэн.

Обратимся теперь к проблеме понятия властелина, вернее, к проблеме первоисточка. Говоря о властелине, имеет ли в виду Абай Творца, Бога? Это не ясно, и у меня нет ответа. Восхождение к первоисточку, началу начал всегда есть поиск на пути истины. Что же тогда есть истина? Ответ находим у Абая в тридцать восьмом слове. Истина – сама жизнь. Где нет жизни, там нет зрелости, совершенства. Субстанция жизни – человек, но достичь совершенной жизни дано лишь хорошему человеку – добродетельному, благонамеренному. В связи с этим вспомним Шакарима, который еще в 1912 г. сформулировал для читателей журнала «Айкап» пять вопросов. Один из них звучал так: «Какой он – хороший человек?» Вопросы Шакарима продолжают традицию Абая, который в тридцать восьмом слове дал полное определение положительного человека. Обратим внима-

ние на вывод – так называемую характеристику положительного человека.

Хауас сәлім – арабское слово, в переводе обозначает свойственные человеку хорошие манеры, качества, черты. Абай дал объяснение, как обрести такой уровень положительного человека. Необходимы шесть условий, при которых человек достигает совершенства: крепкое здоровье, здоровые корни, добродетельные родители, благородный друг, благодетельный учитель. Эти условия – критерии в определении положительного человека. И далее Абай, как бы отвечая на вопрос Шакарима, говорит, что тот, кто обладает всеми вышеперечисленными качествами, может называться человеком. Он, этот хороший человек, по Абаю, должен выделяться благими делами; а именно: познать (постичь) Аллаха, себя, Вселенную. Перед ним всегда должны стоять эти три проблемы, и по мере решения этих проблем определяется его положительность.

Теперь остановимся на каждой из этих проблем отдельно. Первая задача – постижение Аллаха. Постичь Аллаха не означает лишь слепо верить в его существование. Необходимо познать его благости, осознать его как создателя, признать его. Но постижение Аллаха – это не столбовая дорога, путь этот долог и мучителен. Мы имеем возможность постичь его через то, что создано его мощью, его величием. А что он создал?

Вся Вселенная, вся жизнь – творение создателя. В таком случае постичь Творца мы можем,

стремясь познать все, что сотворено им. Говоря об отраслях наук, в первую очередь мы говорим о естественнонаучном цикле: физике, биологии, химии. Ученые-естественники изучают явления природы, ее законы. Поэтому человек, признавший могущество Творца, постигая законы всего сущего, природы, Вселенной, делает попытку познать создателя. Путь науки – путь к постижению Бога. В связи с этим вспомнился мне один эпизод из жизни выдающейся личности Омара Хайяма, который по последним данным, скончался в 1123 году.

В день кончины он читал книгу Авиценны «Исцеление». Дойдя до главы «Единое и множественное», он заложил страницу золотой зубочисткой, закрыл книгу и велел позвать нужных людей, чтобы оставить завещание. В тот день он не взял в рот ни крошки. После вечернего намаза, он, касаясь лбом земли, проговорил: «О боже, ты знаешь, что я познал тебя по мере моей возможности. Прости меня, мое знание – это мой путь к тебе». Это были его последние слова. Сказав их, он скончался.

Перейдем к другой задаче, стоящей перед человеком, – задаче постижения себя. Вокруг этого существует много теорий, концепций в философии, психологии. Как познать самого себя – конечно, посредством других. Тогда это проблема учения о познании, то есть самопознание, которое является отраслью науки.

Постижение бытия, жизни выражает понятие мировоззрения. Основная функциональная

нагрузка философии – именно мировоззрение. Абай называет его в своих стихах «идеал бытия» (дүние көркі).

Изучение, постижение красоты Вселенной само по себе освещает человеческую жизнь, питает ее живительной силой. Светлый ум (нұрлы ақыл) – одно из достоинств человеческой личности, по Абаю, исходит и питается именно этой силой.

Таким образом, светлый ум исполняет высокую миссию – постигает Вселенную. Абай – мыслитель, которого не могли сдержать четко установленные границы религиозных догм. Разве можно стать хакимом, лишь повторяя суры Корана или излагая общеизвестные библейские сюжеты? В том и величие Абая хакима, что он ищет начало любого явления, его причину. Поэтому, говоря «пока ваш ум не поверит, не верьте», это значит, что он любой вопрос подвергает анализу, обдумывает со всех сторон.

Не подвергая сомнению существование Творца, его Слова, Абай говорит о необходимости познать его суть, субстанцию, постичь глубину его откровений.

В стихотворении «Легко Аллах произнести» он открыто говорит о трудности выполнения этой задачи. Не словом, не умом, а сердцем ощутить его присутствие, почувствовать его.

К тому же Абай подчеркивает, что слово Аллаха – истинно, но в искренность человеческих слов он не верит и выражает большое сомнение. Почему?

Ответ находим в 38 слове. Абай пишет: «Слово Аллаха – беззвучно, не имеет буквенного обозначения». Поразительно, до какой степени Абай точен в определении. Пророк был неграмотным, он не знал алфавита. Откровение ниспослано было ему через глас Божий. Знание Пророка – это знание через видение, а мы наши знания получаем посредством букв. И тогда ясно, кто более близок Творцу. Читаем у Абая: «Начало слова – аят, Хадис».

Аят – представление о совершенстве бытия, это начало слова, но оно зарождается не в мыслях человека, это видение, которое пришло пророку Мухаммеду в виде песни. Аят – это доказательство того, что Мухаммед – пророк. Мухаммед объявил людям, что ему было видение и что он слышал голос Творца. Есть легенда, рассказывающая о том, что пророк не знал грамоты. Ангел Гавриил рассек мрак ночи и, осветив все вокруг чудесным сиянием, явился в облике прекрасного юноши. Твердым и одновременно нежным голосом он приказал Мухаммеду: «Читай!».

Мухаммед был страшно напуган, сердце билось, готовое выпрыгнуть из груди. Придя в себя, он сказал: «Я не умею читать, не могу». Гавриил крепко сжал в своих объятиях Мухаммеда: «Читай!»

Мухаммед повторил, что не знает грамоты. Архангел еще сильнее стиснул его в своих объятиях, потом отпустил и сказал: «Читай!».

Пророк произнес: «Я не могу читать». Помедлил и вдруг сказал: «Говори, что читать?».

Архангел Гавриил прочитал посланные Аллахом первые аяты из суры: «Читай! Именем Творца, твоего создателя. Он сотворил человека из капли крови. Творец – всещедрый и всемогущий, он научит людей писать, откроет глаза на мир». Постепенно оправившись от испуга, Мухаммед слово в слово повторил все ниспосланные откровения Аллаха.

В мгновение ока слово Божье нашло свое место в сердце Мухаммеда, и язык его без заминки произносил слова откровения.

Вот таким образом донес до нас миф реальное событие. Заглянем с вами вглубь проблемы. Что же случилось на самом деле? Мухаммед не знал алфавита. Мы обычно говорим в этом случае, что человек неграмотный. Это традиционное наше представление. Но в нашем случае проблема более сложная. Знания приобретаются человеком в процессе обучения, через образовательную систему. Вместе с тем есть знания, которые передаются вне этой системы.

В истории человечества были такие примеры. Один из них – история, случившаяся с пророком Мухаммедом. Иисус тоже обладал такими знаниями. Продолжая наши размышления, скажем, что пророк Мухаммед, повинувшись приказу Архангела Гавриила, не прочитал откровения Аллаха, они были переданы ему по памяти. Значит, откровения Аллаха сохранились в том виде, в каком их запомнил пророк. Откровение (аят) – слово Аллаха, по Абаю, без звука

и не имеет буквенного обозначения. Откровение внедрилось в сознание Мухаммеда как видение. Позже его переписали, перевели, озвучили и оформили как книгу – Коран. Вполне закономерно, что откровения Аллаха многим непонятны. Пытаться постичь слово Божье через письмо – вопрос спорный, задача неразрешимая на данный момент.

Язык – сокровище человечества, его мы изучаем, знаем, пользуемся им в повседневной жизни. Но откровение – это другой язык, язык, не имеющий письма, говоря научным стилем, вероятно, это проявление, выражение мировой энергетики, особой силы.

На земле есть люди, способные подобно электростанциям, трансформировать электрический ток.

В древности Платон обозначил знания человечества как воспоминания.

По его мнению, знания, которые мы приобрели и которые еще приобретем, даются человеку с рождения. Получить образование – значит вспомнить то, что существовало раньше, но было забыто.

В эпоху широкого распространения образования и науки в нашем сознании утвердилось такое понятие, как принцип, – метод, которым пользуются при изучении каких-то определенных проблем. Принцип определяет направление исследования. Направление указывает дорогу. Поиск дорог и выбор их начинались именно с откровений Творца. Откровение как сознание

Божье было явлено и другим людям, не только Мухаммеду.

Но им не дано было постичь смысл слова Божьего. И так, Абай говорил: «Откровения Бога – начало всех Слов». Почему начало всех слов? Обратим внимание на три положения. Во-первых, откровение – основа слова, начало его, как говорит Абай, но оно суть не само слово, ибо слово соотносится с человечеством. «Слово Аллаха» – откровение, его на человеческий язык перевел пророк.

Вообще Пророк – это особенный, выделяющийся из толпы человек, назначение которого в том, что он переводит слово Божье на язык людей. Само это явление, т. е. сам перевод как процесс, требует посланника, посредника между Богом и человеком.

Абай имеет в виду вселенскую природу откровения, когда говорит о том, что оно – исток слова. Начало слова – нулевая точка отсчета, и больше о нем никаких сведений нет, во всяком случае, доступных для человеческого сознания. Смысл откровения, его значимость – в том, что это тайна Творца. Во-вторых, откровение Творца – это его тайна, которая может быть раскрыта человечеством. Когда Творец хочет себя проявить, он посылает свои откровения посредством видения. Потом наступает черед пророка – его миссия состоит в том, чтобы донести слово Бога, поэтому после откровения следует хадис – обращение пророка к людям. Существует чрезвычайно много толкований Корана, и это

связано с желанием понять и передать другим открывшийся смысл.

Но вряд ли возможно до конца глубоко и полно осмыслить Послание Бога. Если оно – начало слова, его первоисток, то возможно ли передать его смысл обычными словами? В-третьих, послание – форма стиха, его вид. Значит, тайна мироздания, его мощь доходят до человека в форме стиха. В этом смысле истинный поэт – сам Творец, поэтический дар – одно из его могуществ. Говоря, что в природе поэта есть божественность, мы имеем в виду, что эта божественность производная от Творца.

«О, ТАТИШ!..»

*О казахских
народных вариантах
«Евгения Онегина»*

Знаменитая Ленинская (нынешняя Российская государственная) библиотека чрезвычайно богата литературой на языках народов мира. Много книг и на казахском. Зная это, я как-то, будучи в Москве, передал в книжный фонд свою книгу «Биздин Пушкин», («Наш Пушкин»), посвященную переводам произведений великого поэта (кстати, именно ее Президент Н.А.Назарбаев отметил в своем интервью газете «Казах адебиеты») напомнив при этом, что кроме переводов Абая, трех вариантов полного перевода «Евгения Онегина», у нас существуют пять вариантов народных поэм-переложений по мотивам всемирно известного романа в стихах. Данное сообщение, как и следовало ожидать, вызвало неподдельный интерес.

Да, нельзя не восхищаться тем, что главное произведение Пушкина, созданное им на основе русской действительности, еще в позапрошлом веке песней зазвучало в бескрайних казахских степях. Чувство гордости овладевает, когда думаешь и о казахских поэмах и дастанах, созданных по мотивам пушкинского романа. Эти образцы творчества ярко свидетельствуют

о широте души нашего народа, о чуткости его сердца.

Впервые вариант «Евгения Онегина» в виде дастана был напечатан в газете «Социалды Казахстан» 17 мая 1936 года. Публикацию открывала статья Есмагамбета Исмаилова «Пушкин в литературе казахского народа». Правда, там говорится, что автор этого варианта пока неизвестен. Есим Байболов из Аксуского района Талдыкорганской области сообщил редакции, что он переписал небольшую поэму у некоего Шарипова. Спустя некоторое время редакция «Социалды Казахстан» получила (после обращения Е.Исмаилова к читателям газеты) варианты в исполнении народных акынов Куата Терибаева и Сапаргали Алимбетова. Куат Терибаев уточняет, что он перенял поэму в 1911 году у прославленного поэта, композитора Асета Найманбаева. А другой народный акын Есенсары Кунанбаев сообщает о том, что он в 1916 году, будучи рядом с Асетом, заучил его поэму «Татьяна». Автором еще одного народного варианта «Евгения Онегина» является Арип Танирбергенов. Однако текст последнего варианта дошел до нас лишь в виде отдельных отрывков.

Как известно, в 1937 году по всему Советскому Союзу прошли крупные мероприятия по случаю столетия со дня гибели великого поэта. Немало было сделано тогда и в Казахстане. Одним из важных событий явилось издание трехтомника Пушкина на казахском языке. Второй том практически целиком посвя-

шался «Евгению Онегину». Здесь были собраны полный перевод Ильяса Джансугурова, отрывки в переводе Абая, а также произведения, созданные по мотивам романа Шариповым, Куатом Терибаевым (в книге он ошибочно назван Торыбаевым), Сапаргали Алимбетовым. Видный писатель Бексултан Нуржекеев в своем весьма содержательном предисловии к собранию сочинений Асета Найманбаева, вышедшему в 1988 году в издательстве «Жазушы», высказывает мнение о том, что все произведения Пушкина в вышеуказанном томе в конечном счете берут начало от Асетовского варианта.

Было немало причин, которые как никогда усилили интерес народных поэтов к роману Пушкина. Одна из них – новаторский дух произведения. Не говоря о других нюансах, во всех любовных дастанах, с которыми с детства были знакомы эти поэты, как правило, влюбленный джигит всегда упорно добивался внимания девушки, терпел лишения, преодолевал немислимые преграды, а когда молодые достигали своей цели, то погибали. А здесь все было по-другому: девушка первой влюбляется в джигита, пишет ему страстное письмо, но получает отказ... Надеешься на то, что, может финал будет счастливым, но, увы, он получается еще более драматичным... Все это быстро прославил в народе поэму «Евгений Онегин» как своеобразное, уникальное творение. С другой стороны, проявление большого интереса к роману Пушкина в ту пору, когда знакомство с произведе-

нием произошло по переводам Абая, показало, что казахское общество созрело для восприятия нового. Величие Абая в том и состоит, что он своевременно и точно уловил духовную потребность общества.

Здесь мы хотим главным образом остановиться на варианте Асета, ибо основой всех остальных вариантов является именно его дас-тан. Поэма Асета «Онегин и Татьяна» начинается так (здесь и далее – подстрочный перевод автора статьи):

Говори, пой без устали, мой язык,
Пока тело бодро, в спокойствии дух.
Перевел великого Пушкина роман,
Созданный им в родной России,
В 1823 году – напомню я вам.
В романе восемь частей, длинен стих,
Начну с Онегина – героя главного,
И расскажу здесь все своим языком,
Хоть далеко мне до гения Абая.

Чувствуется, что поэт хорошо знает творение Пушкина: он говорит о времени написания романа, о его структуре. По предположению Бексултана Нуржекеева, конкретную помощь поэту мог оказать толмач по имени Абиш тогдашнего начальника Лепсинского уезда. Как бы там ни было, чувствуется, что какой-то человек, прекрасно владеющий русской грамотой, досконально, всесторонне изложил ему всю суть предмета нашего разговора. Особенно это заметно по мастерской передаче самых утончен-

ных нюансов в описании поступков героев, их чувств и переживаний.

Есть основание утверждать, что изображение Онегина в дастане Асета оказало влияние на все другие народные варианты «Евгения Онегина». А у истоков, естественно, трактовка Абая.

Стих Асета тоже во многом перекликается с этим чудесным образцом. Словом, Асет в своем дастане тоже на первый план выдвигает проблему лишних людей в русском обществе эпохи Пушкина. Чтобы максимально приблизить мотивы поступков персонажей к казахскому образу мышления, поэт иногда изображает Онегина как человека достаточно зрелого возраста. Асетовскому Онегину, когда он впервые встретил Татьяну, уже сорок шесть лет, ему опостылела жизнь, он пребывал в хандре. Получив письмо Татьяны, полное душевного трепета, он воспринял его весьма хладнокровно и ответил крайне сухо:

О, Татиш!
Мне сорок шесть, тебе восемнадцать,
Нас разделяет целый океан.
Найди себе равного, молодого мужа,
Веселись, радуйся прелестям жизни.
Я лишь внешне жив, не смотри на это,
Внутри же я – настоящий мертвец.

Далее события развиваются так же, как и в романе Пушкина. Разница лишь в том, что здесь мужем Татьяны является «сын одного мини-

стра», хотя у Пушкина он был генералом. Но дело не в этом. У Пушкина о муже Татьяны вообще ничего не говорится. И так, Татьяна выходит замуж. «На всю Москву стало известно, что состоится большой вечер-бал». Асет приводит своего Онегина на этот бал... Не забывает упомянуть и о мотивации: он попадает туда в числе московской аристократии: «Собрался там почти весь бомонд,/Приглашена была столичная знать./И в самый разгар блестящего тоя появился в зале наш Онегин-герой». Логика есть. Дальше начинается подлинное «открытие» Онегиным Татьяны:

Складная речь, открыта, весела,
Как же она – Татьяна – умна, чиста.
Нельзя без восхищения слушать ее,
Ибо каждое слово многогранно,
А по весу вовсе золоту равно –
Собеседник мудрый оценил бы так.
Не может Онегин оторвать взгляда
От девушки, ставшей вдруг идеалом,
Подобных женщин он раньше не знал,
Огонь любви теперь в душе зажегся.

После этого Онегин встречается с Татьяной и объясняется в любви. У Абая этот момент выглядит так:

Милая, склоняю голову пред тобой,
Не передать сейчас мою тоску.
Не ценил я, скрывать не буду,
Изумруда прелесть, красоту...

Несчастен я в этом мире,
Ни разу не познал радости миг.
Отныне верши мою судьбу,
Полна она горя – хватит на век.

Подобные слова и Асет вкладывает в уста Онегина. «Принял бесценное за дешевку, /Горе мне, что холодно отнесся к вам. Оплотность свою лишь позже осознал,/Когда потерял священный талисман». Разумеется, близкий казахскому менталитету образ талисмана производил огромное впечатление на людей, собравшихся в юрте и слушавших с пристальным вниманием этот замечательный дастан.

Асет приводит в виде переписки объяснение в любви Онегина, ответ Татьяны. Здесь наряду с признаками назирь встречаются и моменты вольного перевода. Так, «Второе письмо Татьяны Онегину» предстает в таком виде:

Вначале я была, как зрелый плод,
Готовый упасть хозяину к ногам.
О своей мечте быть верной женой,
О светлых чувствах, любви писала вам.
Увы, они растоптаны жестоко,
За что я, любимый, страдать должна.
Ваш довод – о разнице в годах –
И моя молодость – тому вина?

Вариант достаточно близок к оригиналу. Такие моменты Абай и не стремился передавать слово в слово. Так же поступает и Асет. «Чувствую, нет теперь никакой причины,/Да и не-

уместно отделаться молчанием./Я, как бабочка, порхающая у костра.../Раньше надо было писать это письмо!», страдая, признается себе Татьяна.

До этого довольно тоже следуя роману, Асет вдруг делает резкий поворот... В том месте, где пушкинская Татьяна говорит: «Но я другому отдана; Я буду век ему верна», Татьяна Асета ни с того ни с сего заявляет:

Слезы мои превратились в озеро,
Сама несчастна, безжизненна стезя.
Теперь же обратимся к суду истины,
В полдень жду вас завтра у себя.

Примечательно, что это есть и в других народных вариантах. Дальше – самое интересное. «На следующее утро, в девять примерно,/Оба мужа (!) пришли в одно время». То есть получается, что Онегин явился к Татьяне утром, не дожидаясь назначенного времени... А Татьяна, обращаясь к мужу, говорит:

Два года провела в ожидании,
Порой жизнь проклиная, белый свет.
И чтоб уйти от этого отчаяния,
Как бы полюбила вас – вот мой ответ.
Невольно приняла судьбы удар,
Кого-то выделить не в силах я.
Обоим отдан моей души жар,
Вам и решать, как спасти меня.

Для русских аристократов той эпохи в таких случаях решение было однозначным – ду-

эль... Так оно и случилось. Какую же цель преследовала Татьяна? Или она надеется на меткость Онегина (ведь Асет уже знает, что на дуэли Онегин убил Ленского)? Или же хочет отомстить человеку, которого она когда-то безумно любила, но была им отвергнута? Может, она своим решением все же хотела пристать к любому берегу и избавиться таким образом от душевных страданий? Возможно, в минуту отчаяния она вообще ни о чем не думала... Но как бы там ни было, Асет, как и всякий опытный художник, не стал вдаваться в подробности, а сделал свой вариант драматической развязки.

Выстрелы прогремели на дуэли,
Словно решив судьбу ее любви.
Обе пули достигли своей цели,
И влюбленные рухнули в крови.
Следом закатилась и ее звезда,
Выстрелив в себя, тоже ушла навсегда.

Таким образом, в финале дастана Асета погибают все три героя. А в заключение Асет задает риторический вопрос: «Кого из них достойна эта девушка?/Читатель, сам рассуди и найди ответ»...

Такая развязка характерна практически для всех народных вариантов. А у Сапаргали Алимбетова обе стороны, так и не найдя общего языка, даже пишут письмо царю, где излагают суть всего дела. Свыше приходит ответ: такие дела обычно решаются на дуэли... Дальше – по известному сюжету.

Сапаргали-акын главным персонажем своего дастана сделал не Онегина, а самого Пушкина! По его версии, Татьяна с детства была знакома с поэзией Пушкина, поэтому влюбляется в него заочно и пишет любовное письмо. «Пушкин в письме девушке вежливо отвечает, что с тех пор, как начал заниматься науками, дал клятву вообще не иметь дело с женщинами, да и между ним и ею большая разница в годах» (Т.Рахимжанов). По поводу того, что в финале этой версии муж Татьяны и Пушкин стреляются на дуэли и оба погибают, Б.Нуржекеев объясняет: «По нашему мнению, здесь все напутали поэты, по-своему переложившие роман на казахский язык, видимо, они попросту забыли имя Онегина, заменив его именем zapomнившегося автора». Возможно и так. Зная, что Пушкин тоже погиб на дуэли, акын вполне мог включить в свое произведение его имя. Может, он таким образом хотел «проучить» Пушкина за то, что тот в своей поэме так и не соединил судьбы Онегина и его возлюбленной?.. Думается, здесь все же есть определенная логика. Для нас более убедительным кажется мнение Е.Исмаилова: «Воспевание в варианте Сапаргали-акына в качестве главного персонажа самого Пушкина вместо Онегина – явление, нередко встречающееся в фольклорной традиции, однако здесь серьезным новшеством автора является убийство Пушкина и генерала, мужа Татьяны, гибель ее самой. Такой финал несколько не противоречит идейному мотиву романа, согласовывается с образом Оне-

гина, усиливает характеристику Татьяны, ее трагический образ».

Есмагамбет Исмаилов в этой книге приводит несколько отрывков из неопубликованного варианта Есенсары Кунанбаева, там они включены в виде дополнений к Асетовскому варианту:

Венеру будто закрыли тучи.
Как соперники грохнулись оземь,
И Татьяна выстрелила в себя,
Зная, никто уж ей не будет мил.
Так и не познав любви нектар,
Вмиг все трое сей покинули мир.

То есть все рассматриваемые нами дастаны в финале подводят к одинаковой развязке.

Вообще-то и Абай сознает и открыто подчеркивает, что после последней встречи с Татьяной пушкинский герой не в состоянии оправиться от глубокой душевной раны. Как писал известный литературовед Темиргали Нуртазин, «Абай не желает оставлять Онегина на произвол судьбы, он считает, что тот должен умереть, а не влечить жалкое существование». Именно поэтому Абай от себя добавил «Предсмертные слова Онегина»:

Открой объятия, черная земля,
Отныне мне ты – отец и мать.
Нигде в жизни не нашел я себя,
В тебе только вижу благодать.

Как же после этого не вложить в его руку пистолет?

Трагический финал в народных вариантах «Евгения Онегина» вполне созвучен с традиционными образцами фольклора, где стержневой идеей выступает формула – «истинные влюбленные не могут быть счастливыми». Как бы то ни было, нельзя обвинять народных поэтов, сочиняющих в стиле «назира», в том, что они навязывают Пушкину то, чего у него нет. Дело в том, что их решение (смерть Онегина, не говоря о других моментах) соответствует ситуации в финале романа. Если хотите, и у самого Пушкина явно проглядывает сей мотив! Каким образом?! Давайте вспомним окончательный ответ Татьяны Онегину:

Я вас прошу меня оставить
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость, и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана:
Я буду век ему верна.

А теперь посмотрим на состояние Онегина:

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!
Но шпор внезапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,

Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

Так завершается роман. Как вы хотите дальше развивать события – это дело вашей фантазии. Трудно утверждать, что после такого удара жизнь Онегина будет продолжаться так же, как и раньше. С ним может произойти что угодно, ибо «В какую бурю ощущений/Теперь он сердцем погружен!». Нет ничего невозможного в том, что муж Татьяны, увидев незваного Онегина наедине с женой, вызвал его на дуэль. Сам Пушкин пишет: «Читатель, мы теперь оставим,/Надолго... навсегда». Именно словом «навсегда» передан основной смысл судьбы героя! И этот смысл поэт Куандык Шангитбаев точно передал в казахском переводе словом «навечно».

Итак, Е.Исмаилов делает следующий вывод: «Евгений Онегин» в переложении народных акынов – новое литературное явление, послужившее серьезным примером для возникновения и развития лирических поэм в казахской поэзии», «это яркое проявление растущего культурного влияния русской образцовой литературы на казахскую литературу».

Рассматриваемые нами дастаны призваны пропагандировать, знакомить, распространять замечательное сочинение русского поэта с учетом особенностей казахской степи, в соответ-

ствии со своеобразием казахского самосознания. Ильяс Джансугуров говорит: «Опубликованные до сих пор на казахском языке отрывки «Евгения Онегина» нельзя называть переводом Пушкина». Если же рассматривать их как произведения, пересказанные в стиле «назира», фольклорное подражание роману Пушкина, то становится ясным, что акыны с честью справились с поставленной перед собой задачей.

Что касается о некоторых изменениях оригинала, то это всего лишь один из признаков, присущих в целом природе фольклора. Даже в профессиональных переводах встречаются факты выхода за рамки оригинального текста, искажения, таким образом, авторской идеи.

С какой стороны ни рассматривай, народные варианты «Евгения Онегина» – уникальное явление. Именно это может служить одним из конкретных примеров, убедительно показывающих склонность казахского духовного мира к настоящему евразийскому сознанию. Каковы причины, послужившие толчком к созданию родными акынами поэм по мотивам «Евгения Онегина»? Их много. Они кроются в великом таланте Пушкина. В переводческой мощи Абая. В преемственности традиций поэтической школы, сформированной Абаем. В огромной любви нашего народа к поэзии в целом. Творчество Пушкина, в особенности его роман «Евгений Онегин» и в нашей национальной культуре представляет собой феноменальное явление. Среди представителей других на-

циональных литератур трудно встретить поэта или писателя, превратившегося в такой же персонаж казахского фольклора, как Пушкин. Герои его произведения настолько вселились в сердца людей, что имя Татьяны в казахскую среду вошло под привычным, ласкающим слух девичьим именем Татиш. А это действительно уникальный случай.

ТАЛҒАМПАЗДЫҚ
ПЕН ТЕРЕҢДІК

Аудармашыға екі қасиет қажет, Бірі талғампаздық, екіншісі ой тереңдігі. Талғампаздық деп отырғанымыз Абайдың хакімдігінің бір қыры. Абай бас салып кім көрінгенді аудармаған, од аудармақшы болған автормен өзі бәсекеге түскен. Абайдың аудармалары, шын мәнінде, ой жарыстыру. Сондықтан Абай жасаған аудармаларын оның ой кеңістігінің өрісі деп қабылдаған жөн. Абай тілін еркін меңгерген орыс халқынан таңдап, талғап, әсіресе екі ақынды аударған, олар *Александр Пушкин* және *Михаил Лермонтов*. Абайдың талғампаздығына таң-тамаша қаласың. Орыс елімен, оның мәдениетімен мәңгілік қалатын, ешқандай өзге құндылық өлшемдеріне түспейтін екі генийді Абай бұлжытпай таныған және қазақ халқына таныстыру мақсатында, олардың шығармаларын қазақ тіліне аударған.

Абай орыс ақыны Александр Пушкиннің өлеңмен жазылған «Евгений Онегин» деген романын толық аудармаған, одан үзінділер тәржімалаған. Абай: «Онегиннің сипаты», «Татьянаның Онегинге жазған хаты», «Онегиннің Татьянаға жауабы», «Онегин сөзі»,

«Онегиннің Татьянаға жазған хаты», «Татьянаның сөзі», «Ленскийдің сөзінен» және «Онегиннің өлердегі сөзі» – деп жеке-жеке сегіз шығарма етіп аударған. Неге Абай романды қазақ тіліне толық аудармаған, әрине оның себебін дөп басып айту қиың, бірақ мен ойлаймын, егер «Евгений Онегинді» толық аударса, оны қазақ оқырмандары қабылдас еді сірә, Абай соны түсінген, қазақ оқырмандары махаббат, ғашықтық тақырыбына «Ләйлі Мәжнүннен» бастап өңкей классикалық ғажап туындылармен сусындап келе жатқан қауым, сондықтан болар Онегиннің Татьянаға шалажансар сезімін қалайша қабылдамақ. Әрине қабылдай алмайды. Шығыстық дәстүрде ғашықтар құрбандыққа дейін барулары керек, айталық Қозы-Көрпеш-Баян-Сұлу сияқты. Осыны түсінген Абай «Евгений Онегиннен» үзінділерді тандап алып аударып, олардың өзін қазақы ұғымдармен сөйлетіп қойған, ол «Татьяна сөзін» *«Тәңірі қосқан жар едің сен»*, деп бастайды.

Неге Абай Тәңірдің орнына Алла қосқан деп айтпаған. Немесе «Құдай қосқан» деуге де болады емес пе? Жоқ, олай емес, Тәңірі қосқан деген. Осылай айтқанда Пушкин де, Абай да түсінікті. Татьянаның аузына Алланы салуға әсте болмайды, ол христиан дініндегі адам. Демек, орыс қызына және оның әнін айтушы қазақ қызына ортақ ұғым керек. Абай сол ұғымды дөп басқан, ол Тәңір – ұғымы. Тағдырлас, тамырлары тұтасқан орыс пен түркі, нақты айтсақ қыпшаққа анау замандарда ортақ түсініктер

болған, соның бірі – Тәңір. Абайдың данышпандығы сонда тарихи келісімді ұғымды Татьяна бейнесін беруде дәл өз орнына қоя білуінде. Сірә, дана адамдар бәрін оймен ғана емес, өзінің табиғи тума ақылымен өлшеп-пішіп өлең етіп айта берсе керек. Ал оның мәнін ашу, тану өзгенің жұмысы. Абай айтса сөздің мәнін дөп басып айтады. Тегі даналық деген осы болса керек. Бұл мәселенің бір жағы.

Екіншіден, қазақ ұғымында Жаратушы туралы екі түсініктің болуында. Бірі – Тәңір, екіншісі – Алла. Татьянаға қазақи түсініктің біріншісі сайма-сай келген. Бұл жерге Алланы қойсақ, әнді бұзып айтқан сияқты істің табиғатына, сөздің мазмұнына жасалған қиянат болмақ. Абай сөздерді қалай болса солай қолданатын ақын емес, ол сөздің мәнін ашатын, істі айқын етіп айтушы адам. Бұл айтылған ойға мынандай бір дәлел келтірейін. Мұсылмандыққа енбей тұрғанда түркілер тағдырды Тәңір береді дейтін. Бұл ойды мен түркі ойшылы Иоллигтегінен кездестірдім. Яғни Абай Татьянаның аузына Тәңірі қосқан дегенде тағдыр жазуын айтып тұр. Сол тағдыр жазуына қарсы шығу деген не сұмдық деген пікірде балауса жас қыз менменсіген Евгенийге хат жазып, өз жүрегін ұсынған. Татьяна өзінің нақты өмірі тағдыр бойынша Евгенийге жар болу еді. Ол болмады.

Ендігі жерде Татьянада нақты, нағыз өмір өмір сүру жок, тек күнкөріс. Себебі, махаббат өлді, сөнді. Одан кейінгі қалған тіршілік тағдырдан тыс тек әншейін күн кешу. Тағдыр де-

ген әлеммен тұтаса өмір сүру, ол нағыз шындық. Ал, тағдырдан тыс шындық адамның адамдық қалпын биіктетпейтін, тұрмыс талқысына салып күн кешетін құмырсқа тіршілік. Осы халді Абай «*Малда да бар жан мен тән*», – деп ашына айтқан. Шынында тағдыр жазуы бұйырмаған соң Татьяна өмірі, Евгений өмірі не болды, болғаны сол – Пушкин айтуында адам ғұмыры мәнсіз тіршілікке айналды. Сонда өмірдің мазмұны – тағдыр, оны адамға беруші Тәңір. Абай Татьяна сөзі арқылы осындай жайды поэзиямен өрнектеп берген.

Александр Пушкин – лирик ақын, сондықтан Абай «*Татьянаның сөзін*» әнге қосқан. Ән деген лириканың көркі, Абай өзі ұнатқан Пушкиннің шығармасына сондай нәр берген.

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 Президент Н.А.Назарбаев и
Президент В.В.Путин.
*Из выступления на открытии
памятника Абаю в Москве*
- 7 Рожденные для вдохновения.
Сауле Мансурова
- 20 **А.С.Пушкин** «Евгений Онегин».
Роман в стихах. Фрагменты
- 36 Евгений Онегин. Өлең түрінде жазылған
романнан үзінділер. **Абайдың аудармасы**

ВЕСЬ МИР УЗНАЕТ ИМЯ ЗВУЧНОЕ ТВОЕ

- 54 **А.С.Пушкин.** К морю
- 57 **Абай.** Весна
- 60 **А.С.Пушкин.** Виноград

307

- 61 **Абай.** Лето
- 64 **А.С.Пушкин.** Храни меня, мой талисман
- 65 **Абай.** Осень
- 67 **А.С.Пушкин.** К***
- 69 **Абай.** «Вот ноябрь и декабрь...»
- 71 **А.С.Пушкин.** «Если жизнь тебя
обманет...»
- 72 **Абай.** Зима
- 73 **А.С.Пушкин.** Вакхическая песня
- 74 **Абай.** «Поэзия – слов благороднейших
царь...»
- 77 **А.С.Пушкин.** Зимний вечер
- 79 **Абай.** «Когда есть в сердце свет ума...»
- 81 **А.С.Пушкин.** «В крови горит огонь
желанья...»
- 82 **Абай.** «Пусть хвалят люди, верить
не резон...»
- 83 **А.С.Пушкин.** «Вертоград моей сестры...»
- 84 **Абай.** «Со старой надеждой, чьи
листья желты...»
- 85 **А.С.Пушкин.** Пророк
- 87 **Абай.** «В тот час, когда сгущаясь, тени...»
- 88 **А.С.Пушкин.** Зимняя дорога
- 90 **Абай.** «Наш холоден Ум, наподобие льда...»
- 91 **А.С.Пушкин.** Няне
- 92 **Абай.** «Посмотри, этот мир тебя грабит,
жесток...»
- 93 **А.С.Пушкин.** 1827
- 94 **Абай.** «Щенка, обучая, я вырастил в пса...»

- 95 **А.С.Пушкин.** Соловей и роза
96 **Абай.** «Так много пестрых мотыльков...»
97 **А.С.Пушкин.** Арион
98 **Абай.** «Глаза горят, прекрасен лик...»
99 **А.С.Пушкин.** Поэт
100 **Абай.** «В бобровой шапке, с толстою
косой...»
101 **А.С.Пушкин.** 26 мая 1828
102 **Абай.** «Пути различны у любви
и страсти...»
103 **А.С.Пушкин.** «Не пой, красавица,
при мне...»
104 **Абай.** «Безутешной душе моей
не до чудес...»
105 **А.С.Пушкин.** Анчар
107 **Абай.** «Обиженные жизнью, мы изгой...»
108 **А.С.Пушкин.** «Он между нами жил...»
109 **Абай.** Восьмистишия
117 **Абай.** Слова-назидания. Фрагменты
148 **Абай.** Қарасөздер. Үзінділер

ПОЭТЫ КАЗАХСТАНА И РОССИИ
О ПУШКИНЕ И АБАЕ

- 182 *А.Плещеев.* Памяти Пушкина
184 *И.Бунин.* 26-е мая
185 *А.Блок.* Пушкинскому Дому
187 *С.Есенин.* Пушкину

- 188 *О.Сулейменов.* На площади Пушкина
190 *А.Твардовский.* К портрету Пушкина
191 *Х.Бекхожин.* Голос России
193 *М.Жумабаев.* Абаю
195 *К.Аманжолов.* На родине Абая
197 *А.Жамишев.* Когда читаешь Абая
199 *Ж.Молдагалиев.* Пик Абая
200 *К.Жумагалиев.* Абаю
202 *Т.Молдагалиев.* Абай-ага
205 *Жамбыл.* Асқан бүлбүл (Пушкинге)
206 *Ф.Оңғарсынова.* Абайды іздеу
208 *К.Салықов.* Пушкин ескерткіші алдында
210 *Д.Қанатбаев.* Абай бейіті басында
211 *Ұ.Есдәулет.* Абайға
213 *М.Әлімбаев.* Александр Пушкинге
үш пейіл
215 *М.Жұмабаев.* Атақты ақын – сөзі,
алтын хакім Абайға
217 *М.Айтқожина.* Абай келді
219 *С.Мәуленов.* Жыр тәңірісі
220 *О.Асқар.* Тірі Пушкин
222 *Ж.Әбдрәшев.* Абай рухымен сырласу

ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ

- 224 *Геннадий Доронин.* Чудное мгновенье.
Тайны, загадки, предположения
242 *Зәки Ахметов.* Татьянаның қырдағы әні

- 256 *Гарифолла Есім.* Абай о пророчестве
288 *Сауытбек Абдрахманов.* «О, Татиш!...».
О казахских народных вариантах
«Евгения Онегина»
303 *Гарифолла Есім.* Талғампаздық пен
тереңдік

АБАЙ
ПУШКИН

Художник А.Бобров

865т.

Подписано в печать 05.10.06. Формат 84 х 108/32.
Бумага ВХИ. Печать офсет. Печ. л. 9,75. Тираж 5000 экз.
Заказ №3261.

ИПЦ «Русский раритет».
119002 Москва, Денежный пер., 22.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости».
105005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.
